МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ИРКУТСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

ИЗВЕСТИЯ ЛАБОРАТОРИИ ДРЕВНИХ ТЕХНОЛОГИЙ

Научный журнал

№ 1 (18) 2016

ИЗВЕСТИЯ ЛАБОРАТОРИИ ДРЕВНИХ ТЕХНОЛОГИЙ

Научный журнал № 1 (18) 2016

Редакционный совет

- Д. Андерсон, профессор Абердинского университета (Великобритания)
- Б.В. Базаров, член-корреспондент РАН, директор Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (Россия)
- Т. Гебел, профессор Техасского сельскохозяйственно-технологического университета (США)
- К. Граф, профессор Техасского сельскохозяйственно-технологического университета (США)
- В.Г. Дацышен, доктор исторических наук, профессор Сибирского федерального университета (Россия)
- Д. Зайкер, профессор Университета штата Айдахо в Бойсе (США)
- М.В. Константинов, доктор исторических наук, профессор Забайкальского государственного университета (Россия)
- Н.Н. Крадин, член-корреспондент РАН, профессор Дальневосточного федерального университета (Россия)
- Р. Лазей, профессор Университета Альберта (Канада)
- Т. Номоконова, кандидат исторических наук Университета Альберта (Канада)
- А.В. Олейников, доктор исторических наук, профессор Астраханского государственного университета (Россия)
- А.А. Тишкин, доктор исторических наук, профессор Алтайского государственного университета (Россия)
- Д. Эрдэнээбаатор, профессор Национального университета Монголии (Монголия)

Редакционная коллегия

Главный редактор – Π . А. Новиков, доктор исторических наук, профессор Иркутского национального исследовательского технического университета (Россия)

Зам. гл. редактора – А.В. Харинский, доктор исторических наук, профессор Иркутского национального исследовательского технического университета (Россия)

- И.В. Наумов, доктор исторических наук, профессор Иркутского национального исследовательского технического университета (Россия)
- А.В. Тетенькин, кандидат исторических наук, доцент Иркутского национального исследовательского технического университета (Россия)
- С.И. Кузнецов, доктор исторических наук, профессор Иркутского государственного университета (Россия)
- Ю.А. Петрушин, доктор исторических наук, профессор Иркутского государственного университета (Россия)

Сведения о журнале можно найти на сайте: http://ildt.istu.edu/

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство ПИ № ФС77-62783 от 18 августа 2015 г.

Журнал основан в 2003 г.

Периодичность издания – ежеквартально

Учредитель Иркутский национальный исследовательский технический университет

Подписной индекс в Каталоге российской прессы «Почта России» – 31987

Журнал включен в Научную электронную библиотеку (eLIBRARY.RU) для создания Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)

Адрес редакции: 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83, ауд. K-211, e-mail: ildt@yandex.ru © ФГБОУ ВО «ИРНИТУ», 2016

MINISTRY OF EDUCATION AND SCIENCE OF RUSSIAN FEDERATION IRKUTSK NATIONAL RESEARCH TECHNICAL UNIVERSITY

REPORTS of the LABORATORY of ANCIENT TECHNOLOGIES

Scientific Journal

№ 1 (18) 2016

Publishing house
Irkutsk national research technical university
2016

REPORTS of the LABORATORY of ANCIENT TECHNOLOGIES

Scientific Journal № 1 (18) 2016

Editorial council

D. Anderson, Professor, University of Aberdeen (UK)

B.V. Bazarov, Corresponding Member of Russian Academy of Sciences, Chair of Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies (Russia)

T. Goebel, Professor of Texas A&M University College Station (USA)

K. Graf, Professor of Texas A&M University College Station (USA)

V.G. Datsyshen, Doctor of History, Professor, Siberian Federal University (Russia)

D. Zyker, Professor, Boise State University (USA)

M.V. Konstantinov, Doctor of History, Professor, Transbaikalian State University (Russia)

N.N. Kradin, Corresponding Member of Russian Academy of Sciences, Professor of Far Eastern Federal University (Russia)

R. Losey, Professor, University of Alberta (Canada)

T. Nomokonova, PhD, University of Alberta (Canada)

A.V. Oleinikov, Doctor of History, Professor of Astrakhan State University (Russia)

A.A. Tishkin., Doctor of History, Professor of Altai State University (Russia)

D. Erdenebaator, Professor, National University of Mongolia (Mongolia)

Editorial board

Editor-in-Chief – P.A. Novikov, Doctor of History, Professor of Irkutsk National Research Technical University (Russia)

Deputy Editor-in-Chief – A.V. Kharinskiy, Doctor of History, Professor of Irkutsk National Research Technical University (Russia)

I.V. Naumov, Doctor of History, Professor of Irkutsk National Research Technical University (Russia)

A.V. Teten'kin, Candidate of History, Associate Professor of Irkutsk National Research Technical University (Russia)

S.I. Kuznetsov, Doctor of History, Professor of Irkutsk State University (Russia)

Yu.A. Petrushin, Doctor of History, Professor of Irkutsk State University (Russia)

Reference to website: http://ildt.istu.edu/

The journal is registered with the Federal Agency for Supervision of Communications, Information

Technologies and Mass Media (Roskomnadzor)

Certificate ПИ № ФС77-62783 on 18 August 2015

The Journal was founded in 2003

Frequency of publication – quarterly

Founder: Irkutsk National Research Technical University

Subscription index in the Catalog of the Russian Press «Pochta Rossii» – 31987

The journal is included in the Scientific Electronic Library (eLIBRARY.RU) for the creation of the Russian Science Citation Index (RISC)

Address of the Publishers: 83 Lermontov St., Irkutsk, 664074, Office K-211, e-mail: ildt@yandex.ru

ИЗВЕСТИЯ ЛАБОРАТОРИИ ДРЕВНИХ ТЕХНОЛОГИЙ

Научный журнал **№** 1 (18) 2016

СОДЕРЖАНИЕ

палеоэкология. каменный век

Тетенькин А.В., Харинский А.В. Археологические местонахождения Горячая 1–4 на северном Байкале	9
РИГОЛОГИЯ	
Этель Джоан Линдгрен. Пример культурного контакта без конфликта: эвенки-оленеводы и казаки северо-западной Маньчжурии	20
ИСТОРИЯ	
Наумова О.Е. Хозяйственная деятельность монастырей Русской православной церкви в Восточной Сибири в XVII – первой половине XIX в.	35
Авилов Р.С. «Комиссии предстоит возвести» опыт организации работы войсковых строительных комиссий в Иркутском военном округе в 1908–1910 гг.	42
Новиков П.А. Полки из Иркутска в боях Первой мировой войны: 7-я и 12-я Сибирские стрелковые дивизии в 1914–1917 гг.	63
Шекшеев А.П. Власть и енисейское крестьянство: экономические отношения. Март 1917 – июнь 1918 гг.	73
Ганин А.В. Три жизни генерала Акулинина (часть 3)	95
Чапыгин И.В. Казачий союз в Шанхае: сохранение духовности и культуры в эмиграции	. 128

REPORTS of the LABORATORY of ANCIENT TECHNOLOGIES

Scientific Journal № 1 (18) 2016

CONTENTS

PALEOECOLOGY, STONE AGE

Tetenkin A.V., Kharinsky A.V. Archaeological Sites Goryachaya 1–4 on the Northern Baikal	9
ETHNOLOGY	
Ethel John Lindgren. An Example of Culture Contact Without Conflict: Reindeer Tungus and Cossacks of Northwestern Manchuria	20
HISTORY	
Naumova O.E. Economic Activity of the Monasteries of Russian Orthodox Church in Eastern Siberia in XVII – 1 st half of XIX centuries	35
Avilov R.S. «Commission is Going to Build…» The Experience of the Management of Work of the Force Building Commissions in Irkutsk Military District in 1908–1910	42
Novikov P.A. Regiments of Irkutsk in World War I: 7 th and 12 th Siberian Rifle Division in 1914–1917	63
Sheksheev A.P. The Power and the Yenisei Peasantry: Economic Relations. March, 1917 – June, 1918	73
Ganin A.V. Three Lives of General Akulinin (Part 3)	95
Chapygin I.V. Cossack Union in Shankhai: Preservation of Spirituality and Culture in Emigration	128

ИЗВЕСТИЯ ЛАБОРАТОРИИ ДРЕВНИХ ТЕХНОЛОГИЙ

Научный журнал № 1 (18) 2016

Уважаемые читатели! Предлагаем вашему вниманию выпуск научного журнала «Известия Лаборатории древних технологий».

Ежеквартальный журнал продолжает и развивает серию ежегодных изданий, посвященных изучению истории Байкальской Сибири. В нем представлены научные статьи специалистов различных учреждений России, а также наших зарубежных коллег. Тематика выпуска охватывает различные аспекты археологических, этнологических и исторических исследований.

Издание предназначено археологам, этнологам, историкам и всем, интересующимся далеким прошлым.

Издание реферируется и рецензируется.

Приглашаем вас к активному творческому сотрудничеству по научным направлениям:

- история,
- археология,
- этнология.

Редколлегия

REPORTS of the LABORATORY of ANCIENT TECHNOLOGIES

Scientific Journal № 1 (18) 2016

Dear Readers!

We would like to bring to your attention the installment of the scholarly journal the «Reports of the Laboratory of Ancient Technologies».

Present number is five such book of the series yearly editions devoted to research history of Baikalian Siberia. There are several included articles of the researchers of different institutions of Russia and also articles of our foreign colleagues. Themes of this number cover the different aspects of archaeological, ethnoarchaeological and historical research.

The edition is intended to archaeologists, ethnologists, historians and everybody who have an interest to Early Antiquity.

Journal is peer-reviewed.

You are welcome for active and creative collaboration in the following fields:

- history,
- archaeology,
- ethnology.

Editorial Board

УДК 902

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ МЕСТОНАХОЖДЕНИЯ ГОРЯЧАЯ 1–4 НА СЕВЕРНОМ БАЙКАЛЕ*

© А.В. Тетенькин, А.В. Харинский

В 1998 г. во время проведения археологической разведки северо-западного побережья озера Байкал были предприняты тестирующие земляные работы на стоянках Горячая 1 и Горячая 3. На первой из них археологический материал, состоявший из 561 артефакта, залегал на глубине 8–15 см в слое желтой супеси. Он включал нуклеусы, резцы, скребки, проколку, вкладыш, скол с ретушью, тесло, пластины, отщепы и сколы, битые гальки и два фрагмента гладкостенной керамики. Археологические находки с Горячей 3 представлены 254 находками: фрагментом призматического нуклеуса, пластинами, отщепами и сколами. Стоянки на берегу Горячей губы имели как минимум два этапа существования. Первый – позднемезолитический – представлен коллекцией каменных изделий, второй – немногочисленными и слабовыразительными фрагментами керамики, предварительно датируемыми неолитомбронзовым веком.

Ключевые слова: северо-западное побережье озера Байкал, археологический объект, изделия из камня, нуклеус, скребок, резец, пластина, мезолит, неолит, бронзовый век.

ARCHAEOLOGICAL SITES GORYACHAYA 1–4 ON THE NORTHERN BAIKAL

© A.V. Tetenkin, A.V. Kharinsky

In 1998 during an archaeological exploration in the north- western coast of Lake Baikal there have been undertaken test-excavations at sites Goryachaya1 and 3. The first site gives of 561 artifact lied at a depth of 8-15 cm in the layer of yellow loam. This collection consists of microcores, burins, end-scrapers, perforator, insert tool, retouched flake, adze, blades and flakes, broken cobbles and two two pieces of smooth-walled pottery. Archaeological findings in Goryachaya 3 consist of 254 artifacts: piece of prismatic microcore, blades and flakes. Given the typological data authors suppose two periods of human occupation of the Goryachaya Bay. First episode of the Late Mesolithic is presented by stone assemblage, and second episode of Neolithic – Bronze Age is presented by few uninformative pieces of pottery.

Key words: north-eastern coast of Lake Baikal, site, stone implement, core, end-scraper, burin, blade, Mesolithic, Neolithic, Bronze Age.

Введение

Одним из интереснейших мест на северо-западном побережье Байкала является мыс Котельниковский. В 3,2 км к северу от него в Байкал впадает р. Горячая, получившая свое название в честь минерального источника с фторидно-гидрокарбонатной натриевой водой, минерализация которой составляет 0,32 г/л. Температура воды на

выходе достигает +81°C, что делает источник самым горячим на байкальском побережье.

Мыс и прилегающее к нему пространство представляют собой низменный выровненный участок побережья, сформировавшийся в результате аккумулятивной деятельности двух рек — Горячая и Куркула. К востоку от устья Куркулы находится Котельниковская гора высотой 728,5 м (Балтийская система высот). Низменность между реками и склоны окружающих её

^{*} Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта №15-31-01018.

гор покрыты лиственничным лесом. В настоящее время рядом с устьем реки Горячая располагается турбаза «Мыс Котельниковский».

Географические особенности способствовали формированию в окрестностях Котельниковского мыса особого археологического микрорайона, который включает восемь археологических объектов, локализующихся вдоль берега Байкала. Два из них – стоянки Котельниковский 1 и 2 находятся между Котельниковской горой и мысом. Стоянки Котельниковский 3 и 4 располагаются между мысом Котельниковским и р. Горячая, а стоянки Горячая 1—4 между устьем Горячей и подножием одного из отрогов Байкальского хребта, лежащего к северо-востоку от реки Куркула.

Стоянки Горячая 1–4 были обнаружены в 1996 г. А.В. Харинским и М.Л. Сидорчук во время осмотра участка байкальского побережья от устья р. Горячая до м. Берла. В 1998 г. ими проведены исследования вдоль участка побережья от м. Коврижка до м. Котельниковский, в результате которого выявлены стоянки Котельниковский 1, 2. В 2015 г. Ю.А. Емельяновой и Д.Е. Кичигиным проекта РГНФ рамках № 15-31-01018 была предпринята археологическая разведка вдоль байкальского побережья от мыса Хибилен до мыса Берла. В районе мыса Котельниковский исследователями осмотрены стоянки Котельниковский 1 и 2 и обнаружено два новых археологических объекта Котельниковский 3 и 4 (Харинский и др., 2015).

Найденный на археологических объектах подъемный материал позволил датировать стоянки Котельниковский 2, Горячая 1-4 неолитическим временем. К периоду бронзового – раннего железного века были отнесены находки с Котельниковского 1. Стоянки Котельниковский 3 и Котельниковский 4 были датированы железным веком. Отнесение к неолиту стоянок Горячая 1-4 носило предварительный характер. Находки преимущественно были представлены изделиями из камня, имеющими широкий спектр аналогий (Харинский и др., 2015, с. 46-48). Технико-типологический анализ материала коллекций всех лет исследований позволил пересмотреть культурно-возрастную оценку местонахождений Горячая 1—4.

Геоморфология, стратиграфия, тафономия

Местонахождения Горячая 1—4 располагаются на юго-западном берегу Горячинской губы, в 31,3 км к югу от с. Байкальское (рис. 1). Археологический материал в 1996 и 1998 гг. был собран в обнажениях 4-метровой береговой террасы, расположенной в 30 м от берега Байкала, на протяжении 520 м. Между берегом и террасой фиксируется галечная волно-прибойная полоса. Концентрация на отдельных участках террасы археологического материала и его отсутствие на других позволили выделить на берегу Горячинской губы четыре археологических объекта (рис. 1).

Самым северо-западным пунктом является Горячая 1. Она охватывает участок прибрежной террасы длиной 50 м и шириной 20 м, вдоль которого был собран археологический материал. В районе памятника фиксировался маломощный дерн (темно-серая супесь), плохо скрепляемый редкими корнями травянистой растительности и слабоустойчивый к разрушению в результате природного воздействия или вытаптывания людьми и животными. Толщина слоя составляет 2–3 см. Под дерном залегает желтая супесь с камнями размером от 3 х 5 до 5 х 8 см. Её зачистка на глубину 30 см проводилась у берегового обнажения.

Археологический материал в 1996 г. был собран на глубине 2–4 см в поддерновой желтой супеси. Находки представлены 6 фрагментами от керамического сосуда светло-коричневого цвета; 44 отщепами из светло-серого и серого кремня; целой призматической двухгранной пластиной; проксимальным сегментом двухгранной пластины; проксимальным сегментом двухгранной пластины с амортизационной ретушью, возможно резец (Харинский и др., 2015, рис. 8.6–8).

Местонахождение Горячая 2 располагалось в 100 м к юго-востоку от Горячей 1. Береговое обнажение террасы в районе памятника имеет схожую с предыдущим участком стратиграфию. Между дерном и желтой супесью здесь можно выделить слой

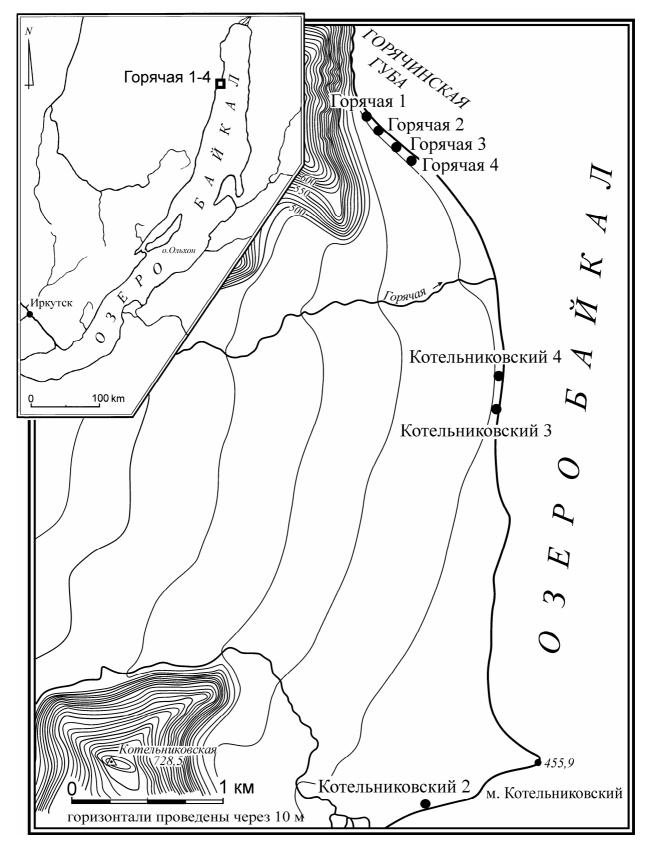


Рис. 1. Карта расположения археологических объектов в окрестностях реки Горячая

светло-серой (пепельной) лессовидной супеси мощностью 3–4 см с камнями размером от 3 х 5 см до 10 х 15 см. В 1996 г. археологический материал зафиксирован под дерном на глубине 3–5 см в светло-серой супеси с камнями. Среди находок 4 фрагмента керамического гладкостенного сосуда толщиной 3–4 см, снаружи коричневого, изнутри темно-серого цвета; 1 фрагмент гладкостенного керамического сосуда толщиной 4–5 см, снаружи коричневого цвета, изнутри серо-коричневого; 4 отщепа из светло-серого кремня.

Местонахождение Горячая 3 зафиксировано в 200 м к юго-востоку от Горячей 2. Стратиграфия обоих памятников схожа. В 1986 г. на Горячей 3 найдено три кремневых отшепа.

Местонахождение Горячая 4 локализуется в 100 м к юго-востоку от Горячей 3. Её протяженность вдоль берега Байкала 30 м. Стратиграфия памятника идентична двум предыдущим стоянкам. Обнаруженный в 1996 г. археологический материал залегал под дерном на глубине 3-5 см в светлосерой (пепельной) лессовидной супеси. Находки представлены 67 фрагментами керамического гладкостенного сосуда светлокоричневого цвета с внешней стороны и темно-серого цвета с внутренней стороны. Отощителем служил мелкий песок. Изделия из камня включают 2 пластинчатых скола; проксимальный сегмент трехгранной пластины; медиальный сегмент трехгранной пластины; медиальный сегмент двухгранной пластины; проксимальный сегмент двухгранной пластины (Харинский и др., 2015, рис. 8.10-13).

В 1998 г. во время разведки вдоль северо-западного побережья озера Байкал нашу группу, включающую школьников из г. Иркутска (руководитель М.Л. Сидорчук) и Северобайкальского района (руководитель А.К. Луцкая) в районе реки Горячая застиг шторм, который продолжался несколько дней. Не имея возможности дальше продвигаться на катамаранах вдоль байкальского побережья, мы разбили лагерь на юго-западном берегу Горячей губы, что позволило более детально изучить археологические объекты, открытые здесь двумя годами ранее.

На стоянке Горячая 1 был разбит раскоп площадью 5 кв. м, ориентированный длинными стенками вдоль края террасы, а короткими по линии с азимутом 50°. Площадь раскопа была разбита на метровые квадраты, нумерация которых велась с северо-запада на юго-восток. Северовосточная стенка раскопа ориентирована вдоль края берегового обнажения террасы. Именно в этом месте была собрана наиболее представительная коллекция подъемного археологического материала, что и побудило начать изучение стоянки именно с этого участка.

Первоначально были вскрыты квадрата № 1 и 2, располагавшиеся у края террасы. Впоследствии к ним с югозападной стороны были прирезаны еще три квадрата № 3-5. Перед началом работ поверхность раскопа нивелировалась. В процессе раскопок проводилась нивелировка и всего археологического материала. За условный «0» была принята поверхность земли в южном углу квадрата № 2. В районе раскопа понижение склона шло с запада на восток. Перепад высот между его западным и восточным углами составил 13 см (рис. 2).

Археологический материал залегал на глубине 8–15 см в кровле желтой супеси и был преимущественно представлен изделиями из камня. При этом большая часть находок зафиксирована в квадратах № 1 и 2, а наименьшая в квадрате 3. Участки, на которых бы отмечалась особенно большая концентрация находок, в раскопе не зафиксированы.

В северном углу квадрата № 1 на глубине 5 см было обнаружено два фрагмента гладкостенного керамического сосуда. Они залегали на 6–10 см выше, чем кремневые изделия, располагавшиеся поблизости. Разные уровни залегания керамики и артефактов из камня свидетельствует о принадлежности их к разным временным периодам. Остатков угля и костей в раскопе не найдено.

Во время осмотра береговых обнажений на стоянке Горячая 3 в 1998 г. был обнаружен нуклеус (рис. 4.26). В 20 м к юговостоку от места его находки, на более ровном участке террасы заложен шурф

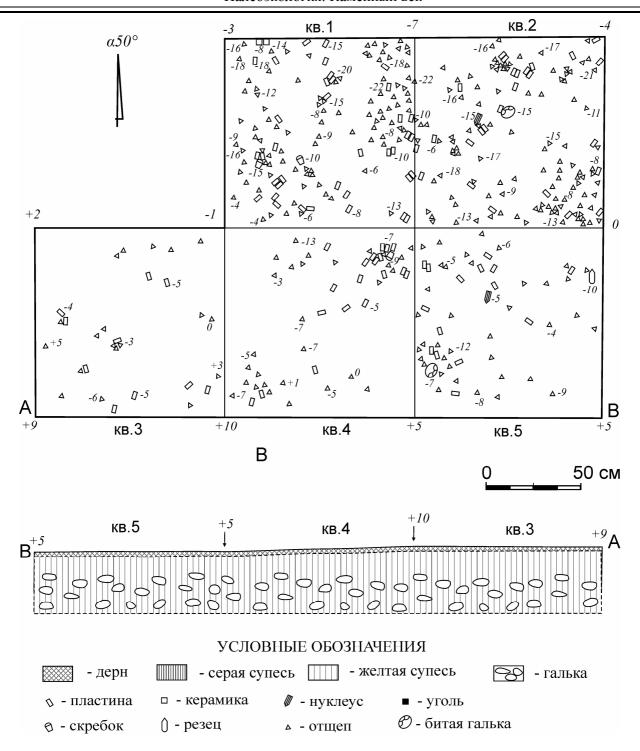


Рис. 2. Горячая 1, раскоп 1998 г.

размером 1 х 2 м, ориентированный длинными стенками по линии с азимутом 15°, а короткими – параллельно береговой полосе озера Байкал. Отсчет высот при нивелировочных работах велся от поверхности земли у юго-западного угла шурфа. В районе шурфа склон понижается с юго-запада на северо-восток. Перепад высот между северо-восточным и юго-западным углами составляет 16 см. Археологический материал, представленный только изделиями из камня, располагался на глубине 3–5 см в светло-серой (пепельной) лессовидной супеси. Так же в раскопе найдено три фрагмента кости животного и пять древесных угольков (рис. 3).

На вскрытой раскопом и шурфом площади каких-либо планиграфических структурных элементов не выявлено. Режим осадконакопления маломощной культуро-

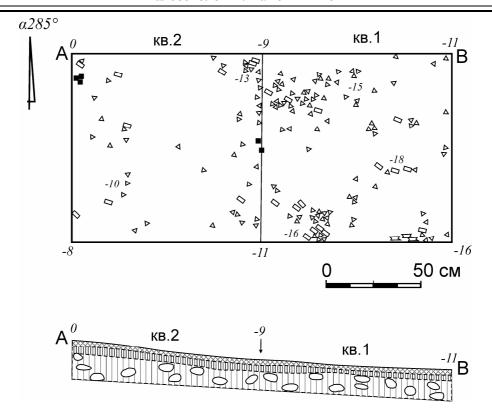


Рис. 3. Горячая 3, шурф 1998 г.

вмещающей эолово-делювиальной подпочвенной супеси способствовал ситуации компрессии культурных остатков. Это более всего выражено в присутствии керамики и мезолитического по облику каменного инвентаря. Сходство петрографии и морфологии литоиндустрии на всех пунктах Горячая 1–4, очевидно, свидетельствует об единой площади довольно обширного поселения. Керамика найдена также на всех пунктах, кроме Горячей 3.

Материалы местонахождений

Горячая 1. Общая коллекция археологических материалов со стоянки составляет 561 экземпляр. Она включает находки из раскопа и подъемные материалы.

Находки представлены 5 нуклеусами, 4 резцами, 3 скребками, 1 комбинированным резцом+скребком, 1 проколкой, 1 вкладышем, 1 сколом с ретушью, 1 теслом, 175 пластинами, 353 отщепами и сколами, 2 битыми гальками.

Нуклеусы. 2 целых призматических (рис. 4.18, 25) и 2 обломка призматических микропластинчатых нуклеуса (рис. 4.21, 24); 1 торцовый полюсной, двухплощадочный (рис. 4.19). Последний изготовлен из

отщепа. Площадки оформлены поперечной ретушью. Снятия пластин встречные, по одному торцу.

Резцы. 2 резца полиэдрических (рис. 4.10, 11). Тело одного из них несет крутую тщательную маргинальную ретушь по дорсальному фасу (рис. 4.10). Исходной формой был пластинчатый скол. Еще два резца по аналогии с торцовыми микронуклеусами можно охарактеризовать как торцовые, причем двойные полюсные (рис. 4.12, 20). Снятия резцовых сколов произведены с одного торца отщеповой преформы, с противоположных концов. В одном случае резец комбинирован со скребковым лезвием (рис. 4.20).

Еще один резец угловой из пластины (рис. 4.6).

Скребки. 2 экземпляра концевые из пластинчатых сколов (рис. 4.15, 16). Один скребок из отщепа, пропорционально короткий, имеет помимо концевого рабочего лезвия левое боковое (рис. 4.17). Один скребок, как уже упоминалось, комбинирован с резцом (рис. 4.20).

Проколка из пластины имеет выделенное мелкой ретушью жальце на дистальном конце (рис. 4.7).

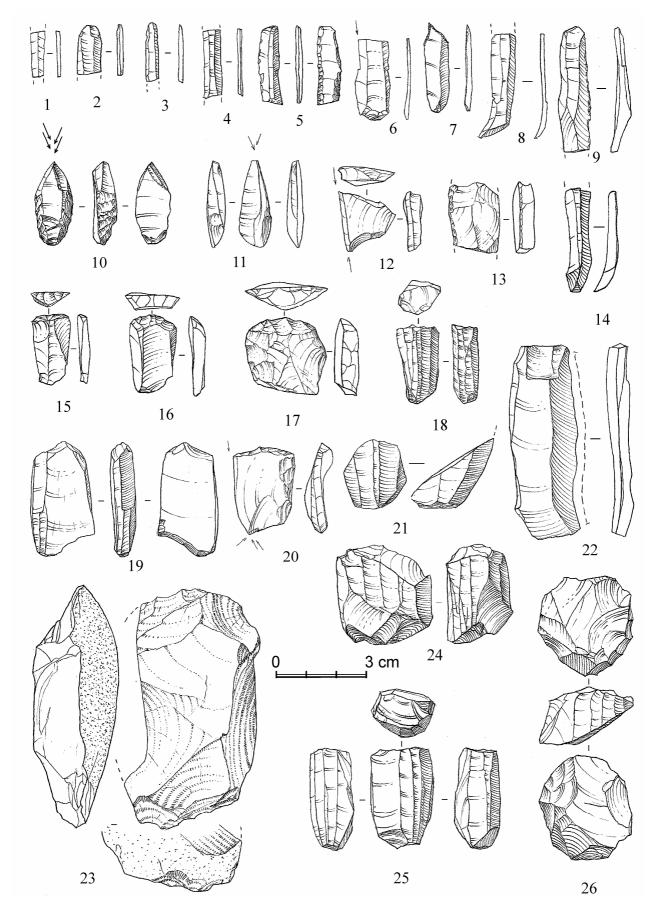


Рис. 4. 1–25 – Горячая 1: 1, 2, 6–10, 14, 18, 22, 25 – подъемные сборы; 3–5, 8, 11–17, 19–21, 23, 24 – раскоп 1998 г.; 26 – Горячая 3, подъемные сборы

Один *вкладыш* из пластины имеет края, тщательно отретушированные ретушью по вентральному фасу (рис. 4.5). Этот предмет отличается по субстрату. Он изготовлен из темно-коричневого (сургучного) яшмовидного кремня.

На ряде фрагментов *пластин* различима краевая амортизационная ретушь, что позволяет полагать, что эти сегменты использовались как вкладыши без специальной вторичной подготовки (рис. 4.1, 2, 3, 4). Одна микропластина имеет рабочую ретушь, но в силу изогнутого и довольно высокого профиля, по-видимому, утилизовалась как-то иначе, чем вкладыши (рис. 4.9).

Крупный сегмент пластинчатого скола несет по краю мелкую ретушь (рис. 4.13). Крупная пластина длиной 6,3 см и шириной 2,4 см имеет амортизированный продольный край (рис. 4.22).

Галечные орудия представлены двусторонним тесловидным предметом с обломанным боковым краем (рис. 4.23). Изготовлено тесло из крупнозернистой породы. Лезвия оформлены по двум противолежащим коротким краям. Арьерфас галечный. Левый край сбит.

Горячая 3. В шурфе, заложенном на Горячей 3, представлены только изделия из камня. Они располагались на глубине 2–5 см в слое серой супеси. Общая коллекция подъемного материала и находок из шурфа составляет 256 экземпляров.

Находки представлены 1 фрагментом призматического нуклеуса (п. м.) (рис. 4.26), 38 фрагментов пластин, в том числе 3 пластины с амортизационной ретушью, 212 отщепов и сколов, в том числе 14 отщепов – с краевой рабочей ретушью, 3 – фрагментами кости.

Обсуждение

Наиболее представительная коллекция археологического материала во время исследований на берегах Горячинской губы была получена со стоянки Горячая 1. Однако мы полагаем, что выделение на этом участке северо-западного побережья Байкала отдельных археологических объектов имеет условный характер. По-видимому, стоянки, локализующиеся вдоль берега Го-

рячинской губы, можно оценивать как единое обширное археологическое местонахождение, полнее всего представленное материалами пункта Горячая 1. Каменная индустрия Горячей 1-4 характеризуется как микропластинчатая. В коллекции имеются два целых призматических микронуклеуса и три обломка. Кроме них найден торцовый полюсной двухплощадочный микронуклеус, преформой для которого послужил отщеп, и еще один подобный же артефакт, который из-за малых размеров пластинчатых снятий мы склонны отнести к резцам (рис. 4.20). Среди резцов – один угловой, из пластины и два резца полиэдрические. Микропластины все фрагментированы. Небольшая их часть имеет следы амортизационной рабочей ретуши. На дистальном конце одной из пластинок оформлено жальце проколки. Кроме микропластин есть еще макропластины: одна целая и один сегмент. Оба предмета несут маргинальную рабочую ретушь. Найдены также три скребка. Два из них - концевые на пластинах, один - концевой-боковой, из отщепа. Галечные орудия представлены двусторонним тесловидным предметом с обломанным боковым краем.

Анализируя эту коллекцию, мы склонны выделять три компонента, обладающих культурно-типологической характеристикой:

- 1. Каменная индустрия выглядит, в целом, как поздне-финально-мезолитическая. В ней есть предметы, характерные для этого времени: полиэдрические резцы, торцовые микронуклеусы.
- 2. Такие компоненты как призматические нуклеусы, микропластины-вкладыши, скребки, галечные тесловидные орудия известны в памятниках широкого хронологического диапазона, включающего поздний мезолит и, практически, весь неолит.
- 3. Наконец, третий компонент составляет керамика, относимая по признакам гладкостенности и некоторым элементам орнамента к широкому хронологическому диапазону: неолит бронзовый век. В раскопе на Горячей 1 выявлены только два фрагмента керамики, залегающие, как будто, в нескольких сантиметрах выше основного слоя.

Аналоги выявленным элементам каменной индустрии мы находим в позднемезолитических ансамблях XI (Г3) к. г. Улан-Хады I, Берлоги (VII-нижний, средний, верхний к. г.), Саган-Нугэ (X-IX-VIII к. г.), Итерхея (IX-VIII к. г.), Кулары III (VI-V-IV к. г.), (Савельев, Свинин, 1990; Горюнова, 1991; Горюнова, Хлобыстин, 1992; Баруздин и др., 1992; Горюнова, Новиков, 2000; Горюнова, Воробьева, 1986, 1998; Воробьева, Горюнова, 1997) байкальского побережья, нижнем, мезолитическом к. г. стоянки Царь-Девица на Ангаре (Медведев, 1971; Георгиевский, Медведев, 1980). Для них как раз характерны торцовые псевдоклиновидные микронуклеусы в сочетании с призматическими микропластинчатыми нуклеусами, той формы, которая получила широкое распространение в последующую неолитическую эпоху.

В этой связи важен вопрос, насколько типологически и литологически однороден ансамбль каменный. Практически все артефакты изготовлены из серого и серожелтого желвачного кремня. Типологически комплекс также вполне однороден, то есть диссонирующих вещей в нем нет. Единственный петрографически отличный предмет в комплексе — это вкладыш с вентральной ретушью по обоим маргиналам, изготовленный из яшмовидного темнокоричневого кремня хорошего качества (рис. 3.5). Но подобные «экзоты» на стоянках каменного века тоже вполне обычны, и

в этом смысле находка трактоваться может двояко: и как импорт, и как примесь более поздняя.

Заключение

Беря во внимание мезолитический, в целом, облик каменного компонента коллекции Горячей 1–4, с одной стороны, и наличие керамики неолита — бронзового века — с другой, авторы оценивают памятник как смешанный, скорее всего, двух-компонентный. Ранний этап, в археологическом выражении более массовый, может относиться к позднему мезолиту, поздний этап — к неолиту — бронзовому веку.

Подобные смешанные, компрессионные археологические местонахождения являются частым явлением для побережья Байкала, в том числе северной его части. Например, это Красный Яр II, Балтаханова II, III, Богучанский остров III (Кичигин, 2009; 2010). В условиях, когда стратиграфия малоинформативна, нет возможности для радиоуглеродного датирования и разделения смешанного материала, единственным путем остается морфотипологическое разделение коллекции по облику, проводимое на основе соотнесений с эталонными, хорошо стратифицированными, датированными и изученными ансамблями региона.

Статья поступила 15.02.2016 г.

Библиографический список

- 1. Баруздин Ю.Д., Горбунова Н.Г., Пшеницына М.Н. Поселение и могильник бухты Саган-Нугэ // Древности Байкала: сб. науч. тр. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1991. С. 56–59.
- 2. Воробьева Г.А., Горюнова О.И. Ранний средний голоцен Приольхонья (в свете новых данных) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 1997. Т. 3. С. 179–183.
- 3. Георгиевский А.М., Медведев Г.И. Мезолитическая стоянка Царь-Девица // Мезолит Верхнего Приангарья. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1980. Вып. 2: Памятники Иркутского района. С. 103–115.

- 4. Горюнова О.И. Мезолитические памятники Ольхонского района (к археологической карте Иркутской области) // Палеоэтнологические исследования на юге Средней Сибири. Иркутск, 1991. С. 62–70, 200–204.
- 5. Горюнова О.И., Воробьева Г.А. Особенности природной обстановки и материальная культура Приольхонья в голоцене // Палеоэкономика Сибири. Новосибирск, 1986. С. 40–54.
- 6. Горюнова О.И., Воробьева Г.А. Ранний голоцен побережья оз. Байкал: археология и природная обстановка // Главнейшие итоги в изучении четвертичного периода и основные направления исследований в XXI веке. СПб, 1998. С. 256.

- 7. Горюнова О.И., Новиков А.Г. Бескерамические комплексы Приольхонья (оз. Байкал) // Архаические и традиционные культуры Северо-Восточной Азии. Проблемы происхождения и трансконтинентальных связей: материалы Междунар. науч. семинара, апрель 22–28, 2000. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 2000. С. 51–57.
- 8. Горюнова О.И., Хлобыстин Л.П. Датировка комплексов поселений и погребений бухты Улан-Хада // Древности Байкала: сб. науч. тр. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1991. С. 41–56.
- 9. Кичигин Д.Е. Отчет о проведении археологических разведочных работ на северо-западном побережье озера Байкал в 2008 г. / Архив ЛАПСЖНСА ИрНИТУ. Иркутск, 2009.
- 10. Кичигин Д.Е. Стоянка Красный Яр II северо-западного побережья озера Байкал: итоги и перспективы // Известия Лаборато-

- рии древних технологий. 2010. № 8. C.154—192.
- 11. Медведев Г.И. Мезолитический комплекс стоянки «Царь-Девица» // Учен. зап. / ВСОГО СССР, Иркут. обл. музей краеведения. 1971. Вып. 4., ч. 1: Вопросы истории Сибири. С. 30–44.
- 12. Савельев Н.А., Свинин В.В. К истории изучения каменного века побережья Байкала // Стратиграфия, палеогеография и археология юга Средней Сибири: К XIII Конгрессу ИНКВА (КНР, 1991) / Отв. ред. Г.И. Медведев, Н.А. Савельев, В.В. Свинин. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1990. С. 111–118.
- 13. Харинский А.В., Емельянова Ю.А., Кичигин Д.Е. Археологические объекты северо-западного побережья озера Байкал: по материалам разведок 1996, 1998 и 2015 годов // Известия лаборатории древних технологий. Иркутск, 2015. № 4 (17). С. 15–51.

References

- 1. Baruzdin Yu.D., Gorbunova N.G., Pshenitsyna M.N. Poselenie i mogil'nik bukhty Sagan-Nuge [Settlement and cemetery of Sagan-Nuge Bay]. *Drevnosti Baikala: collected papers* [Antiquities of the Lake Baikal], Irkutsk: Izd-vo Irkut. un-ta, 1991, pp. 56–59.
- 2. Vorob'eva G.A., Goryunova O.I. Rannii srednii golotsen Priol'khon'ya (v svete novykh dannykh) [Early Middle Holocene of Ol'khon Area (upon the new data)]. *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii* [Problems of archaeology, ethnography, anthropology of Siberia and neighbor areas], Novosibirsk, 1997, vol. 3. pp. 179–183.
- 3. Georgievskii A.M., Medvedev G.I. Mezoliticheskaya stoyanka Tsar'-Devitsa [Mesolithic site Tsar'-Devitsa]. *Mezolit Verkhnego Priangar'ya* [Mesolithic of the Upper Angara Area], Irkutsk: Izd-vo Irkut. un-ta, 1980, ussue 2: Pamyatniki Irkutskogo raiona, pp. 103–115.
- 4. Goryunova O.I. Mezoliticheskie pamyatniki Ol'khonskogo raiona (k arkheologicheskoi karte Irkutskoi oblasti) [Mesolithic sites of Ol'khon Area (to the archaeological map of Irkutskaya oblast')]. *Paleoetnologicheskie issledovaniya na yuge Srednei Sibiri* [Paleoethnological researches on the South of

- Middle Siberia], Irkutsk, 1991, pp. 62–70, 200–204.
- 5. Goryunova O.I., Vorob'eva G.A. Osobennosti prirodnoi obstanovki i material'naya kul'tura Priol'khon'ya v golotsene [Specifics of environment and material culture of Ol'khon Area in Holocene)]. *Paleoekonomika Sibiri* [Palaeoeconomy of Siberia], Novosibirsk, 1986, pp. 40–54.
- 6. Goryunova O.I., Vorob'eva G.A. Rannii golotsen poberezh'ya oz. Baikal: arkheologiya i prirodnaya obstanovka [Early Holocene of the Lake Baikal Coast: archaeology and environment]. Glavneishie itogi v izuchenii chetvertichnogo perioda i osnovnye napravleniya issledovanii v XXI veke [General results of the research of the Quaternary Period and main directions of the research in XXI century], St. Petersburg, 1998, p. 256.
- 7. Goryunova O.I., Novikov A.G. Beskeramicheskie kompleksy Priol'khon'ya (oz. Baikal) [Preceramic assemblages of Ol'khon Area (Lake Baikal)]. Arkhaicheskie i traditsionnye kul'tury Severo-Vostochnoi Azii. Problemy proiskhozhdeniya i transkontinental'nykh svyazei: materialy Mezhdunarod. nauch. seminara, aprel' 22–28, 2000 [Archaic and Traditional cultures of North-Eastern Asia. Problems of origin and transcontinental rela-

- tions: proceedings of International scientific seminar, April, 22–28, 2000], Irkutsk: Izd-vo Irkut. un-ta, 2000, pp. 51–57.
- 8. Goryunova O.I., Khlobystin L.P. Datirovka kompleksov poselenii i pogrebenii bukhty Ulan-Khada [Dating of the camp sites and necropolis of Ulan-Khada Bay]. *Drevnosti Baikala*: collected papers, Irkutsk: Izd-vo Irkut. un-ta, 1991, pp. 41–56.
- 9. Kichigin D.E. Otchet o provedenii arkheologicheskikh razvedochnykh rabot na severo-zapadnom poberezh'e ozera Baikal v 2008 g. [Report of the archaeological test works on north-western coast of the Lake Baikal in 2008)]. *Arkhiv LAPSZhNSA IrNITU* [Archive of the LAPSSNEA of IrNRTU], Irkutsk, 2009.
- 10. Kichigin D.E. Stoyanka Krasnyi Yar II severo-zapadnogo poberezh'ya ozera Baikal: itogi i perspektivy [Site Krasnyi Iar II on north-western coast of the Lake Baikal: results and perspectives]. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii*, 2010, No. 8. pp.154–192.
- 11. Medvedev G.I. Mezoliticheskii kompleks stoyanki «Tsar'-Devitsa» [Mesolithic assemblage of the site "Tsar'-Devica"]. *Uchen. zap.*

- VSOGO SSSR, Irkut. obl. muzei kraevedeniya, 1971, ussue 4, part 1: Voprosy istorii Sibiri [Scientific reports of the ESDGC USSR] . pp. 30–44.
- 12. Savel'ev N.A., Svinin V.V. K istorii izucheniya kamennogo veka poberezh'ya Baikala [To the history of research of Stone Age on the coast of Lake Baikal]. *Stratigrafiya, paleogeografiya i arkheologiya yuga Srednei Sibiri: K XIII Kongressu INKVA (KNR, 1991)* [Stratigraphy, paleogeography and archaeology of the South of Middle Siberia: to XIII Congress of INQUA] Otv. red. G.I. Medvedev, N.A. Savel'ev, V.V. Svinin. Irkutsk: Izdvo Irkut. un-ta, 1990, pp. 111–118.
- 13. Kharinskii A.V., Emel'yanova Yu.A., Kichigin D.E. Arkheologicheskie ob"ekty severo-zapadnogo poberezh'ya ozera Baikal: po materialam razvedok 1996, 1998 i 2015 godov [Archaeological sites of the northwestern coast of Lake Baikal: based on the data of prospecting researches in 1996, 1998 and 2015]. *Izvestiya laboratorii drevnikh tekhnologii*, Irkutsk, 2015, No. 4 (17), pp. 15–51.

Сведения об авторах

Тетенькин Алексей Владимирович, кандидат исторических наук, доцент, научный сотрудник Лаборатории археологии, палеоэкологии и систем жизнедеятельности народов Северной Азии ИРНИТУ, Иркутский национальный исследовательский технический университет, 664074, Россия, Иркутск, ул. Лермонтова, 83, e-mail: altet@list.ru

Tetenkin Aleksei Vladimirovich, PhD, associate professor, stuff of the Laboratory of Archaeology, Palaeoecology and Subsistence of People of the Northern Asia, Irkutsk National Research Technical University, 664074, Russia, Irkutsk, ul. Lermontova, 83, e-mail: altet@list.ru

Харинский Артур Викторович, доктор исторических наук, профессор, руководитель Лаборатории археологии, палеоэкологии и систем жизнедеятельности народов Северной Азии ИРНИТУ, Иркутский национальный исследовательский технический университет, 664074, Россия, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83, e-mail: kharinsky@mail.ru

Kharinsky Artur Victorovich, doctor of science, professor, director of the Laboratory of Archaeology, Palaeoecology and Subsistence of People of the Northern Asia, Irkutsk National Research Technical University, 664074, Russia, Irkutsk, ul. Lermontova, 83, e-mail: kharinsky@mail.ru

УДК 394/397

ПРИМЕР КУЛЬТУРНОГО КОНТАКТА БЕЗ КОНФЛИКТА: ЭВЕНКИ-ОЛЕНЕВОДЫ И КАЗАКИ СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ МАНЬЧЖУРИИ¹

© Этель Джоан Линдгрен [6]

В статье описываются межгрупповые отношения эвенков-оленеводов и казаков, проживавших на территории Китая, как пример культурного контакта без конфликта. Выводы и предположения о возможности межгрупповых отношений без конфликта, несомненно, являются актуальными и требуют пристального изучения.

Ключевые слова: культурная антропология, эвенки-оленеводы, казаки, Северо-Западная Маньчжурия, культурный контакт без конфликта.

AN EXAMPLE OF CULTURE CONTACT WITHOUT CONFLICT: REINDEER TUNGUS AND COSSACKS OF NORTHWESTERN MANCHURIA¹

© Ethel John Lindgren

This article describes intergroup relations between the Evenks – reindeer herders and the Cossacks lived in China, as an example of the cultural conflictless contact. Conclusions and suggestions about the possibility of intergroup relations without conflict, obviously, are relevant and require careful study.

Key words: cultural anthropology, Reindeer Tungus, Cossacks, Northwestern Manchuria, culture contact without conflict.

МЕТОД ОПИСАНИЯ

Это краткое обсуждение вопроса русско-эвенкийского культурного контакта в Северо-западной Маньчжурии представлено в надежде установки значительных соответствий с раннее проводившимися исследованиями.

Поэтому при более детальном рассмотрении данной проблемы необходимо принимать в расчет так же и результаты других научных изысканий. К сожалению, мне не удалось найти ни одной подробной трактовки частной проблемы, которой я занимаюсь. Более того, изучение некоторых статей², посвященных влиянию Европей-

ской цивилизации на Африканское общество, обнаруживает расхождения уже в описательной части, поэтому любая попытка сделать какие-либо общие выводы в вопросе изучения культурных контактов будет преждевременной³.

Как известно, основной принцип классификации данных был предложен М.Д. Гершковичем, Р. Редфилдом и Р. Линтоном в *A Memorandum for the Study of Acculturation*, и опубликованном в журнале *Ман*⁴. Г. Бейтсон подверг критике предложенные ими категории и предложил свою

и п.с.

¹ Часть этого доклада была прочитана на секции Н Британской Ассоциации Продвижения Науки, Блэкпул, сентябрь 1936 г.

² 5-летний план исследования (Африка. 1932. Т. 5, № 1), который объясняет цели и задачи, и статьи А.А. Ричардса, А. Майра, А.А. Шапера и М. Фортеса в том же журнале (1932–1936). См. также: Д. Форд, Социальные изменения в Западно-Африканском сообществе (Мап. 1937, № 5).

³ Фортес, однако, полагал, что метод полевых работ, сторонником которого он является, «создает основу сравнительной социологии культурного контакта» и считает, что продемонстрировал это, объяснив различия между собственными полученными данными и данными Шапера о другом африканском племени: см.: *Культурный контакт как динамичный процесс* (Африка. 1936. Т. 5. № 1), с. 50–54.

схему⁵. Но обе системы анализа ясно показывают, что феномен контакта, несмотря на различия культур, вовлеченных в него, тем не менее имеет характеристики, позволяющие сделать обоснованные обобщения.

Далее Бейтсон допускает, что изучение контакта групп в рамках одной культуры, прольет свет на факторы, представленные в межкультурных отношениях⁶. Истинность первого утверждения часто считается не требующей доказательств в таких, например, популярных заявлениях, как «завоеватели всегда вызывают возмущение завоеванных». Тем временем антропологи, пытаясь объяснить наличие или отсутствие индивидуальных особенностей во всех возможных случаях культурного контакта, могут постепенно подготовить почву для более широкого синтеза.

Данная статья предназначена быть небольшим вкладом в решении этой задачи, несмотря на то, что речь идет о культурном аспекте, недостатком которого является сложность его определения.

Тема была выбрана скорее из-за ее непосредственной практической значимости, чем теоретических соображений. Краткое изложение вынуждено быть категоричным и неподтвержденным документально, а заключение, вследствие этого, предварительным. Я полностью согласна со стандартами сбора и анализе данных по культурному контакту, предлагаемыми Шапера⁷.

Но в моих полевых заметках⁸ полностью проанализированы только те данные, которые относятся к шаманизму, организации клана, личным именам и отношению к земле. Тем не менее даже предварительные сообщения о сделанном в других областях часто помогали мне увидеть новые стороны моей проблемы, и через межкультурные сравнения, которые стали благодаря им более простыми, феномен контакта, наиболее

ПРОБЛЕМА

Многие научные исследования, посвященные проблеме межкультурных контактов, проводились в рамках одной из двух культур. В результате чего, согласно этическим научным критериям⁹, контакт с другой культурой представляется неудачным, или даже «пагубным»¹⁰.

Как правило, культурой, вызывающей страх, является неевропейская, нехристианская, с относительно примитивной экономикой и не имеющая письменности, ее представители имеют другой, не «белый» цвет кожи, и являются зависимыми, с точки зрения политики, людьми. Вторая культура, как правило, это европейцы, христиане, образованные, с относительно развитой экономикой, ее представители - это «белые» люди, занимающие доминирующие позиции в политической власти. Сопровождающие признаки такого контакта - отношения, построенные на страхе и подозрении со стороны подчиненной группы¹¹, и отношения, колеблющиеся от презрения до отеческой заботы 12 , со стороны европейцев, при этом обе позиции включают в себе взгляд на членов противоположной группы, как на людей, в некотором смысле качественно отличающихся от них самих. Когда интересы этих двух обществ приводят к конфликту сторон, отношения такого рода могут смениться ненавистью, порождающей революционное насилие, с одной стороны, и репрессивные действия – с другой.

поддающийся обобщению, станет более объяснимым.

⁵ См.: Бейтсон Г. *Культурный контакт и схизмогенезис* (Man. 1935, № 199).

⁶ Там же. §7, 9.

⁷ См.: Полевые методы в изучении современных культурных контактов (Африка. 1935. Т. 8. № 3).

⁸ Мой интерес к этой теме пробудился благодаря теории Ф.Ч. Бартлетта, см.: «Психология и примитивные культуры» (Кембридж, 1923), гл. 5 «Психологические исследования контакта народов».

⁹ Которые редко детально излагаются и которым, очевидно, трудно дать точное определение. Фортес привлек внимание к оценочной предвзятости таких терминов, как «патологическое», «дезинтегрированное», «лишенное клановой структуры». Заметив, что «любое общество ... может быть описано как патологическое и дезинтегрированное с определенных точек зрения» (цит. произв., см. ссылку 3, с. 25).

¹⁰ См.: *5-летний план исследования*, с.1.

¹¹ См., напр.: Ричардс А.И., *Антропологические проблемы в Северо-Восточной Родезии (*Africa, 1932, Vol. 5, No. 2, pp. 127–28).

¹² См.: Кларк Ф. *The Double Mind in African Education* (Africa, 1932, Vol. 5, No. 2, pp. 161–63).

В случае эвенков и казаков¹³ северозападной Маньчжурии все, описанные выше элементы противоположности культур, так или иначе существуют во взаимоотношениях, длящихся уже около шестидесяти лет, но сопровождающие их признаки противостояния, кажется, полностью отсутствуют.

Я охарактеризовала эти отношения как межкультурный контакт без конфликта, его теоретическая значимость в том, что они не являются общепринятым явлением¹⁴, практическая же значимость в том, что члены некоторых современных культурных сообществ, включая наше собственное, рассматривают конфликт как нежелательное явление. Эти отношения в дальнейшем могут быть охарактеризованы следующими положениями¹⁵:

1. Я не слышала, чтобы эвенки или казаки выражали страх, презрение или ненависть по отношению как к другой группе в целом, так и к отдельным ее членам¹⁶. Некоторые обычаи оппозиционной группы привычно критикуются, некоторые восхваляются, по сравнению с обычаями культуры респондента. Тем не менее, и благоприятные, и неблагоприятные мнения, касающиеся самооценки членов группы¹⁷, могут быть нелогичны. Выражения неприятия или недоверия по отношению к членам другой группы точно такие же, которые применяются внутри собственной группы,

и восхищение, кажется, доминирует над осуждением 18 .

2. Не было замечено примеров использования угроз или силы во взаимоотношениях двух сообществ, несмотря на то, что воспоминания старейших членов сообществ охватывают значительную часть периода контакта. Отсутствие даже единичных случаев убийств представителей другой группы важно, так как внутри обеих групп они существуют. Также случаются жестокие стычки между казаками и китайцами, живущими по соседству с эвенками. Не так давно три эвенка были захвачены в плен бандой из другого русского поселения, но торговцы из сообщества казаков успешно решили эту проблему, выкупив их жизни.

Это состояние контакта без конфликта, которое я бы хотела объяснить, таким образом характеризует *обе* группы, вовлеченные в него и отличается наличием или отсутствием некоторых (1) вербально выраженных отношений, и (2) открытого поведения по отношению к членам другой группы.

Влияние культурного контакта на социальное и экономическое устройство, материальную культуру каждой группы будет рассмотрено только как особенность, которая может или не может быть связана с обсуждаемым здесь состоянием контакта без конфликта. По своей форме эта проблема является, таким образом, обратным утверждением, рассмотренным в A Memorandum for the Study of Acculturation. Меморандум пытается объяснить такие результаты контакта как признание, адаптация или неприятие чужеродных обычаев inter alia (в числе других) независимо, был ли «тип контакта» дружественным или враждебным, и были ли элементы культуры навязаны си-

1

 $^{^{13}}$ Проживающие в Чуерканхо и Дубово во время нашей экспедиции, до русской революции в Покровке и Усть-Урове.

¹⁴ Лоуи Р.Г. *Cultural Anthropology and Science* (American Jornal of Sociology, 1936, Vol. 42. No. 3, p. 306).

¹⁵ Собрано в 1929, 1931 и 1932 гг.

¹⁶ Утверждения об отсутствии признаков крайне ненадежны, особенно после достаточно краткого исследования, но дополнительные положительные доказательства приведены в описаниях ниже.

¹⁷ Напр.: эвенки осуждают русских из-за воровства, которое случается в их сообществах, но неизвестно среди Маньчжурских эвенков-оленеводов, в то же время русские казаки сами неустанно хвалят честность эвенков, признавая в этом вопросе их превосходство над собой. В свою очередь казаки осуждают эвенков за спонтанную жестокость под влиянием алкоголя. Жестокость казаков обычно предумышленная, эвенки же часто сожалеют о проявленной ими слабости.

¹⁸ При наблюдении взаимоотношений казаков и эвенков у меня было преимущество факта культурной новизны, не ассоциировавшейся ни с одной из этих групп, так как в моей экспедиции не было ни эвенков, ни казаков. В ней были: норвежец Б.О.М. Мамен, монгол, знающий эвенкский диалект, отдаленно похожий на язык оленеводов, а также какое-то время русский татарин, исповедовавший ислам, вместе со своим сыном, их культура значительно отличается от культуры казаков.

лой или приняты по собственной воле¹⁹. Это и было принято мной за точку отсчета.

Выводы, следующие из обеих линий исследования, должны взаимно разъяснять друг друга. С другой стороны, стремление Бейтсона все больше напоминает мне его желание найти «сдерживающий фактор» для «схизмогенезиса», или прогрессирующего дифференцирования, которым он объясняет тот факт, что «нации Европы готовы порвать друг другу глотки»²⁰.

АСПЕКТЫ КУЛЬТУР И ИХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ

В этой главе будут обобщены наиболее значимые для данной проблемы особенности культур, а так же взаимоотношений эвенков-оленеводов и казаков. Краткое описание общей модели жизни и окружающей среды эвенков, и в меньшей степени казаков, были даны автором ранее²¹.

История контакта

Сибирские эвенки противостояли и были побеждены русскими завоевателями в 1603 и 1615 годах, и были вынуждены платить пошлину до 1623 года²². Покорявшие Сибирь русские в основном были представлены казаками, вероятно, среди них были предки поселившихся позднее на границе с Маньчжурией. Предки маньчжурских эвенков-оленеводов в этот период времени жили в Сибири. Однако обе группы, проживающие сегодня в Маньчжурии, кажется, не имеют традиций, связанных с прежними конфликтами, а так же ни казаки, ни эвенки не упоминают о том времени, когда они не

Трудно определить дату первого контакта между этими двумя специфичными сообществами. Вероятно, небольшая группа эвенков-оленеводов достигла Маньчжурии в 1856 г.²³, но как сообщает русский респондент, эвенки торговали с казаками еще до того, как они пересекли Амур. Постоянные встречи с Усть-Уровскими казаками должны были начаться не позднее 1870 г.

Таким образом, через двести лет после участия в военном конфликте две небольшие группы эвенков и казаков установили мирные отношения, продолжающиеся уже около ста лет.

Территориальное устройство и отношения

Я не обнаружила наличия собственнических отношений к земле среди эвенков²⁴, несмотря на то, что семьи стремятся жить на одной и той же территории, что связано, возможно, с постоянными стоянками. Охотничьи угодья не разделены, охотился там тот, кто приходил первым. Они кочуют на территории с общей площадью около 7000 квадратных километров, где только окраины разделены в настоящее время русскими охотниками, кумарченами²⁵ и китайскими золотоискателями. Плотность населения эвенков примерно 0,2 человека на квадратную милю.

До революции 1917 года каждый забайкальский казак имел в собственности около 100 акров необлагаемой налогами земли, малая часть которой обрабатывалась им самим²⁶. После революции многие казаки из Покровки и Усть-Урова уехали из Сибири в Маньчжурию и основали земледельческие поселения в Чуерканхо на китайской стороне Аргуни, и в Дубово, дальше на юг.

жили рядом на реке Аргунь и не торговали мирно друг с другом.

¹⁹ Loc. cit., § III (A2, B1) и V. См. также: утверждение Бартлетта, что «психологический анализ результатов контакта зависит, в первую очередь, от формы инстинктивных социальных отношений, которые поддерживаются (хорошими) как в, так и между вовлеченными группами» (ор. cit., см. ссылку 5, с. 133). Формы взаимоотношений, описываемые им как «примитивное товарищество, уверенность в себе, покорность», (см. ссылку 8, с. 37).

²⁰ Op. cit., см. ссылку 5, § 20.

²¹ См.: The Reindeer Tungus of Manchuria (Journal, Royal Central Asian Society, 1935, Vol. 22, Pt. 2), и North-Western Manchuria and the Reindeer Tungus (Geographical Journal, 1930, Vol. 75, No. 6) с картами. ²² См.: Чаплицкая М.А."The Tungus" (Encyclopaedia of Religion and Ethics, 1921).

 $^{^{23}}$ См.: Равенштайн Е.Г. (*The Russians on the Amur*, London, 1861, p. 344).

²⁴ Эвенков, проживающих в Маньчжурии.

²⁵ Племена эвенков, живущие на востоке Хингана.

²⁶ См.: Чаплицкая М.А. *The Evolution of the Cossack Communities* (Jornal, Royal Central Asian Society, 1918, Vol. 5, Pt. 2, p. 53).

Еще живя в Сибири, казаки часто охотились в маньчжурских лесах. После эмиграции число таких вылазок возросло, и остальные русские эмигранты последовали их примеру. В поисках белок осенью и оленей весной, прокладывая путь все глубже в тайгу и истощая запасы дичи, они стали очевидными конкурентами эвенков. Казаки так же, как и эвенки, никак не разделяли охотничьи угодья между собой и не приходили к коллективному соглашению с эвенками по этому вопросу. Тот, кто первый приходил в распадок, оставался там охотиться, не боясь быть потревоженным, и я никогда не слышала от другой группы об угрозах, противодействиях или личных ссорах.

Дело в том, что и эвенки, и казаки всегда имели более чем достаточное пространство для того, чтобы обеспечивать продовольственные запасы на протяжении всего времени контакта, и это должно было способствовать их взаимной толерантности. С другой стороны, существуют явные предпосылки к противоречиям, связанным с несистематизированным общественным использованием территорий, особенно для охоты на белок, которая имеет важное значение для экономики эвенков. А.И. Ричардс выдвинул идею, что вероятность серьезного конфликта организованными сообществами существенно больше, чем между неформальными группами людей, а так же предложил в качестве примера способы охоты на белок. Интересно, что эвенки, охотясь обычно в одиночку или парами, делят все добытое, кроме белок, поровну между всеми семьями охотничьей стоянки; белки достаются только тому, кто их добыл, и прибыль от продажи шкурок полностью остается в его семье. Казаки охотятся партиями от двух до шести человек, между которыми делятся все трофеи. Однако существует острое соперничество между разными партиями за количество добытых белок.

Несмотря на то, что существующие условия более благоприятные, чем конфронтация организованных отрядов казаковохотников с такими же отрядами охотников-эвенков, отношения обеих групп нельзя

назвать теплыми 27 , но они и не стали открыто враждебными, как можно было бы ожидать.

Численность групп

В 1908 году китайские власти заявили, что в Маньчжурии проживают 850 эвенковоленеводов. Казаки из Усть-Урова и Покровки в то время едва ли превосходили их по численности. Сейчас²⁸ осталось менее 160 эвенков, причиной этой разницы явилась оспа, и 20 семей казаков, насчитывающих около 150 человек, которые продолжают вести традиционную торговлю. Несмотря на то, что общее количество политических эмигрантов, проживающих в деревнях Чуерканхо и Дубово, составляет около 350 человек, степень преобладания русских ничтожна по отношению к огромной территории, которую населяющие ее группы делят между собой.

Типы и частотность контакта

Контакт между эвенками и казаками принял с самого начала, несомненно, следующие основные формы:

- 1. Торговля. Два или три раза в год каждую зиму, когда эвенки заняты охотой на белку, торговцы-казаки на конных санях едут по замерзшим рекам и встречают эвенков на лесных стоянках (местах встречи), где и ведется торговля. Два-три раза каждое лето, когда казаки заняты сельским хозяйством и не хотят рисковать своими лошадьми в болотистой тайге, эвенки с оленями сами приходят в казачьи поселки. Торговля продолжается около пяти дней, и обычно несколько эвенкийских женщин и детей приезжают вместе с мужчинами. Пока продолжается торговля, многие эвенки живут в домах казаков.
- 2. Встречи в тайге. И эвенки, и казаки действительно умеют различать следы, оставленные другими охотниками, благодаря тому, что отпечатки ног и метки на деревьях отличаются друг от друга. Если след

•

²⁷ Атаман казачьего поселения Аргунский, которое находится вверх по Аргуни от Усть-Урова, как говорят, прогнал несколько эвенков, пришедших торговать на его территорию в 1904 г., так как не хотел портить охоту.

²⁸ 1932 г.

свежий, то каждый охотник стремится найти стоянку, чтобы провести ночь в компании и, возможно, поторговать.

- 3. Длительные визиты. Случаи длительного проживания членов одного сообщества в другом происходят нерегулярно и имеют разные причины:
- а) Около двадцати пяти лет назад, когда эпидемия уничтожила едва ли не всех оленей, большинство эвенков покинуло тайгу и поселилось в Усть-Урове с казаками, чтобы заработать достаточное количество денег для покупки оленей в Сибири. Мужчины работали на полях, женщины в домах, и, по словам казаков, они отлично уживались. Эвенки так же не жалуются на свою жизнь в качестве наемных рабочих, но отмечают, что в домах русских очень душно спать, и их здоровье пострадало от этого²⁹; они поторопились вернуться к своей жизни в тайге, как только были доставлены новые олени. Несмотря на радостное волнение, сопровождающее периодические визиты в деревню казаков, эвенки, если их спрашивают, категорично утверждают, что они предпочитают жить в тайге.
- б) Иногда после летних торгов молодые эвенки остаются в деревне еще на несколько дней. С одним юношей, жившим в деревне достаточно долго, возник случай недопонимания, с точки зрения эвенка³⁰, и недовольства со стороны казаков, так как он не помогал им в работе.
- в) Один из респондентов³¹ казак из Покровки, дважды убегавший в тайгу от китайского правосудия, кочевал с эвенками в течение нескольких месяцев, в сопровождении своей очень умной жены. Они держали оленей и научились многим эвенкийским приемам, некоторые они продолжали использовать после своего возвращения в деревню. Его жена стала близкой подругой шаманки, очень важной личности в племени. Из всех вышеперечисленных типов контакта только торговля позволяет встре-

чаться обеим группам через регулярные интервалы времени, короткие встречи нарушают рутину повседневной жизни, но после них обе группы продолжают жить практически независимо друг от друга. Возможно, это является причиной отсутствия раздражения с обеих сторон. Но необходимо заметить, что даже длительный и интенсивный контакт³², кажется, не вызывает никаких трудностей.

Раса и смешанные браки

У эвенков черные прямые волосы и желтая кожа, как у китайцев, с которыми они должны были столкнуться по прибытии в Маньчжурию, или даже раньше. Несмотря на контраст с дородными и крепкими казаками, эвенки или не замечают сходства своих физиологических характерных черт с китайцами³³, или не придают этому особого значения. Их отношение к другим группам, вероятно, строится на разнице культур, и культура китайцев рассматривается как наиболее чуждая из известных им. Казаки считают себя русскими. Несмотря на признание их особого статуса при старом режиме, я предполагаю, что они могут не знать о примеси в них тюркской крови, что связывает их с азиатами³⁴. Я ни разу не слышала, чтобы казаки объединяли эвенков и китайцев в одно целое в расовом отношении или обсуждали чьи-либо физиологические черты. Насколько я знаю, пока не было смешанных браков между эвенками и казаками, выросшими в родных сообществах³⁵, усыновление эвенкских детей в прошлом, видимо, было обычным делом для русских пар. Оставшийся без матери эвенкский мальчик, принятый в семью торговца, получает, возможно, даже больше внимания, чем его приемные братья. Сами эвенки говорят: «Он будет русским». И эвенки, и

 $^{^{29}}$ Казаки закрывают двери и окна домов на ночь и постоянно топят печи, в то время как эвенки спят в почти открытых чумах, легко укрывшись, и гасят огонь.

³⁰ По причине лени и плохого характера.

³¹ Термин, используемый Фортесом, см. ссылку 3, с. 54.

 $^{^{32}}$ См. гл. «Типы и частотность контактов», пункт 3а в данной работе.

³³ Они многочисленны: см.: Хадсон А.К. *The Races of Man* (New York, 1925, p. 32).

³⁴ См.: Чаплицкая. The Evolution of the Cossack Communities.

³⁵ Существующая нехватка эвенкских девушек, достигших брачного возраста, может или не может быть актуальной для типа и степени расового смешения.

казаки демонстрировали веселое любопытство по поводу славянских черт во внешности одного эвенка, недавно эмигрировавшего из Сибири, но это объяснялось ни чем иным, как тайной его происхождения и подозрением на внебрачное сожительство его родителей... Я не слышала ни насмешек, ни осуждения смешанных браков, как таковых.

С другой стороны, браки между русскими девушками и китайцами, число которых значительно возросло со времен революции, достаточно сильно осуждаются большинством русских, даже если их участники не подвергаются социальному остракизму. Как бы то ни было, замечания относятся только к культурным, не физическим отличиям³⁶. Вполне возможно, что браки между русскими и выросшими в тайге эвенками, если бы они могли быть заключены, так же вызывали негативное отношение из-за разницы культур, т. к. русские хорошо знают, как различается отношение групп, например, к гигиене, или заботе о женщине до и после рождения ребенка. Понимание культурных различий, конечно, не несет ответственности за отсутствие смешанных браков, потому что многие элементы китайской культуры также кажутся чуждыми для русских, и более того, в последнее время происходили ожесточенные конфликты между местными русскими и китайцами. Возможно, казаки и эвенки редко заключают смешанные браки только потому, что обе группы редко встречаются, и во время встреч молодые люди почти не имеет возможности оставаться наедине³⁷.

³⁶ Люди, хорошо знающие Россию, часто замечают, что у русских в основном отсутствует расовая предвзятость, и ее проявления случаются, несомненно, намного реже, чем у других европейских народов.

Тот факт, что браки между казаками и родившимися и выросшими в тайге эвенками не имеют места, очевидно, устраняет вероятный источник напряжения. Несколько случаев смешанных браков, заключенных в прошлом с эвенками, которые были воспитаны в русских семьях как русские, вероятно, были полностью признаны русскими, поскольку их отношение к межрасовым бракам строится исключительно на основе различия культур.

Язык, грамотность³⁸ и билингвизм

Эвенки-оленеводы говорят на северном эвенкском диалекте. Они ничего не знают об алфавите, созданном для коренных сибирских народов в СССР³⁹, но некоторые из мужчин вырезают на деревьях или гденибудь еще послания и отдельные слова, например, о потерявшихся оленях, обозначая эвенкские звуки русскими буквами. Все эвенкские мужчины, подростки и большинство женщин понимают и бегло изъясняются на русском языке, который используется только при торговле.

Некоторые мужчины среднего возраста умеют читать и писать, так как недолго учились в «таежной школе», на пике процветания эвенков около двадцати лет назад 40 .

Немногие молодые эвенки могут сделать записи в своих русских календарях, и каждый пишет свое имя или инициалы, и дату на различных орудиях труда. Ни один эвенк не учился арифметике, даже простое сложение слишком сложно для большинства из них. Казаки говорят на великорусском языке, без использования в речи местных выражений. Взрослые мужчины и женщины обычно умеют читать, писать и делать вычисления, хотя редко используют свои

³⁷ Один русский торговец рассказывал мне, как пример, об известной патологической ревности эвенков-мужчин. Если какой-либо охотник возвращался в лагерь раньше, чем остальные, это вызывало сильные подозрения и настойчивые расспросы о причинах такого поведения. Остановившись в лагере эвенков, этот русский сам столкнулся с подобным отношением. Так как эвенкам было известно, что он, выпив, проявлял настойчивое внимание к русским девушкам в своей деревне, они чрезвычайно внимательно следили за ним. В любом случае, эта история показывает, что возможность сексуаль-

ных отношений между представителями обеих групп существует в сознании, как эвенков, так и русских.

³⁸ Я благодарна г. Б.С. Селигман за то, что она прочла наброски этой статьи и подняла вопрос, может ли грамотность казаков оказывать каким-либо образом влияние на их отношения с эвенками.

 $^{^{39}}$ В 1925 г., см.: Василевич Г.М. Учебник эвенкийского (тунгусского) языка. Москва, 1934. С. 4.

⁴⁰ В настоящее время маньчжурский соболь уже истреблен, в связи с этим период процветания закончился.

умения, один очень рассудительный торговец хвалился мне, что не прочел ни одной книги⁴¹.

Нерусские термины, которые казаки используют в речи и считают их эвенкскими, почти или совсем не имеют сходства с реальным языком⁴², но этот факт просто игнорируется казаками, так как никто из них не говорит на эвенкском. Искусный торговец запоминает, как посчитать до десяти по-эвенкски, узнает в речи слово «соболь»; беглые, живущие в течение нескольких месяцев с эвенками, знают несколько фраз, но они считаются исключением из правила. Авторитет и преимущества в торговле, приобретенные казаками благодаря большей степени грамотности, и усиленные владением арифметикой, монопольным частично уравновешиваются превосходными лингвистическими талантами эвенков. Несмотря на то, что эвенки не могут проверить бухгалтерию торговцев, они могут обсудить друг с другом все вопросы, связанные с торговлей на языке, непонятном для всех остальных. Во всем остальном неравенство между ними не настолько велико, чтобы уважение, которое является обстоятельством, необходимым для сохранения хороших отношений, перестало быть вза $имным^{43}$.

Социальное устройство и политические отношения

Социальное устройство эвенков характеризуется явной независимостью отдельных семей, несомненно, усилившейся в Маньчжурской группе в результате изолянии.

Племенные старейшины еще выбираются, но их власть невелика, так же как существует немного возможностей ее применить, воровство неизвестно, а случаи жестокости, происходящие только благодаря пьянству, обычно не требуют компенсации. Встречи племени обычно совпадают с торгами, где торговцы делятся советами. Казаки, вероятно, с ранних времен жили свободной, кочевой жизнью, нетерпимые к внешнему вмешательству и без классовых различий между собой⁴⁴. Позднее их военная служба привела к созданию более организованного устройства сообщества. Усть-Уровская группа, эмигрировавшая в Маньчжурию после революции, развивалась благодаря больше личной инициативе, чем совместным усилиям.

Представитель, назначенный на короткие отрезки времени, действует, главным образом, как посредник между китайскими властями и советом казаков, состоящим из взрослых мужчин. Несмотря на то, что Маньчжурия принадлежала Китаю около двух столетий, когда эвенки-оленеводы переселились в нее, каждый охотник до Первой Мировой войны платил ежегодно три рубля атаману казачьего поселения на русской стороне Аргуни.

Русские пошлины иногда выступали как церковный сбор, когда эвенки приезжали в русские деревни, чтобы совершить крестины или свадьбу. По-видимому, они не имели никаких дополнительных обязательств по отношению к русским властям, как и не признавали обязательства по отношению к китайским.

Начиная с 1908 года китайские власти стали проявлять интерес к границе, и вскоре вдоль нее были установлены посты. Эвенки оказались слишком неуловимыми,

⁴¹ Несмотря на это, они стремятся дать образование своим детям, оплачивая работу деревенского учителя, и даже отправляют мальчиков учиться в городских школах

⁴² Вероятно, заимствованы у других сибирских племен.

⁴³ В новейших психологических исследованиях по «конструктивному социальному мышлению» Ф.Ч. Бартлетт обнаружил, что значительное число субъектов, в данном случае 33 %, считают, что существенные различия в IQ между сообществами сделало бы их сотрудничество невозможным (см.: The Co-operation of Social Groups: a Preliminary Report and Suggestions (Occupational Psychology, 1938. Vol. 12, No. 1, p. 39). К сожалению, я не вела систематических наблюдений, основанных на оценке условного интеллекта эвенков и казаков, но эвенки поразили меня более быстрой, чем у казаков, интеллектуальной и физической реакцией. Другие члены моей экспедиции никогда не предполагали в своих высказываниях, что эвенки находятся на более низком умственном уровне, чем казаки. Сами казаки, действительно, не претендовали на такое первенство, скорее подчеркивали экстраординарную способ-

ность эвенков к обучению, приводя в пример их совершенное владение русским языком.

⁴⁴ См.: Чаплицкая М.А. The Evolution of the Cossack Communities.

чтобы иметь с ними дело напрямую, но когда казаки поселились в Маньчжурии, китайцам удалось собрать дань с обеих групп, значительно увеличив казакам налог на торговлю мехом. Другие налоги и принудительные повинности были введены, особенно в связи с введения военного режима, последовавшего после русско-китайского «конфликта» в 1929 году. Несмотря на то, что позднее, в 1931 году, более передовые гражданские власти понизили налоги в районе Дубово, чем заслужили популярность, растущая власть третьей группы, воспринимаемая как деспотичная, несомненно, усилила союз между казаками⁴⁵ и эвенками во время наших полевых исследований.

Взаимная независимость эвенков и казаков, минимальный контроль, когда-то осуществляемый русским правительством над эвенками, и экономические трудности, вызванные для тех и других третьей группой, несомненно, внесли свой вклад в укрепление сегодняшних дружественных отношений обеих групп.

Экономика⁴⁶ и торговля

Продукты охоты, которыми удачливый охотник делится с остальными семьями на стойбище⁴⁷, как правило, используются для еды, изготовления одежды, чумов и седельных сумок. Белки, которые остаются личной собственностью охотника, служат товаром для обмена на муку, чай, соль, сахар,

табак, алкоголь, ткани, патроны, порох и т. д.

Казаки обычно охотятся партиями, в этом случае доход, полученный от продажи меха или оленьих рогов, делится поровну между всеми охотниками.

С другой стороны, земледелием и скотоводством, которые являются основными элементами экономики, казачьи семьи занимаются независимо друг от друга. Процесс торговли казаков и эвенков происходит между отдельными лицами, называющими себя андаками, т. е. «друзьями». У казака-торговца, как правило, бывает несколько андаков, в то время, как у эвенка только один, которому он и продает все свои шкурки. Деньги редко участвуют в таких сделках. Теоретически эвенки накапливают кредиты зимой, чтобы погасить их, покупая еду летом, когда часто нет меха. Иногда ленивые охотники исчезают, уходя в другую местность, где они могут заново начать торговлю с китайцами. Один такой должник недавно вернулся и заключил соглашение с новым андаком-казаком. Прежний кредитор не предпринял никаких шагов, чтобы возместить свои потери. Коммерческий союз казаков существует благодаря распределению выплат китайских пошлин среди всех торговцев-казаков, и они, возможно, даже не пытаются разделить их с эвенками. Большинство эвенков вполне удовлетворены такой системой и, в основном⁴⁸, соблюдают все условия. Они могут заказывать необходимые им товары заранее к следующим торгам, и их белье, куртки и т. д. будут сшиты по примерным меркам семьей торговца. Эвенки часто хвалятся богатством и отличными товарами своего казака-андака, тот, в свою очередь, - охотничьими достижениями эвенка. Когда эвенк приезжает в деревню, он останавливается в доме андака и живет, как гость, казака встречает такое же гостеприимство в лесном лагере своего андака⁴⁹.

⁴⁵ Ср. Бейтсон: «Несомненно, что любой тип схизмогенезиса (конфликта) между двумя группами может быть определен фактором, который объединяет эти две группы или в лояльном отношении, или в противодействии некоторому внешнему элементу» (ор. cit., см. ссылку 5, § 20, d).

⁴⁶ Бейтсон пишет: «Меморандум основан на заблуждении, что мы можем классифицировать признаки культуры по таким разделам, как экономика, религия, и т. д.», возражая против того, что эти категории являются в большей степени абстракциями или ярлыками. Однако их значимость для целей *описания* является несомненной благодаря отмеченному Бейтсоном факту, т. е. «что некоторые коренные народы, возможно, даже все, в любом случае, народы Западной Европы, – действительно считают, что их культура подразделяется таким образом (ор. cit., см. сслыку 5, § 5, 6 и note 2).

⁴⁷ См. гл. «Территориальное устройство и отношения» в данной работе.

⁴⁸ Русские жители приграничной зоны Советского Союза, которые часто охотились в Маньчжурии до 1930 г., по сведениям, говорили эвенкам, что глупо продавать весь товар только андаку, но тем не менее, они не преуспели в торговле с эвенками.

⁴⁹ Ср.: описание отношений Кула (особой форме обмена между племенами, распространённой на

История торговли эвенков и казаков показывает значительную взаимную адаптацию не только в вопросе выбора удобного места торговли⁵⁰. Во времена, когда был соболь, и потом, когда цена на белку поднялась, казаки получали большие прибыли и доставляли эвенкам самое лучшее. Потом наступили тяжелые годы, особенно последние, но запросы эвенков остались прежними. В то время, когда казаки отказались от таких предметов роскоши, как сливочное масло и шелковые платки, эвенки ко времени моего отъезда фактически ни в чем не испытывали недостатка. Жены эвенков предпочитали белую муку, хотя казачки пекли хлеб из темной.

Как считают теперь эвенки, и, возможно, справедливо, они не смогут выжить без поставок из внешних источников муки⁵¹, патронов и пороха. С этого времени они стали более зависимы от казаков, чем казаки от них, для казаков торговля не имеет сравнительно большого значения и иногда становится убыточной.

островах Тробиан и Новой Гвинеи) у Малиновского, в книге «Аргонавты западной части Тихого океана» (Лондон, 1922), которое несколько напоминает взаимоотношения андаков. Принимая во внимание гостеприимство и даже физическую защиту эвенков своим казаком-андаком (см. гл. «Проблема» данной работы), читать их чрезвычайно интересно: «Защитная роль заморского партнера становится яснее, когда мы осознали, с каким нервным потрясением каждая экспедиция Кула должна была приближаться в былые времена к земле, полной мулуквауси ... и другой магией...» (с. 224); и еще: «Заморский гость приходит обычно в дом своего партнера с маленьким подарком - пари... резким контрастом является обязательная враждебность между двумя незнакомыми соплеменниками, такие дружественные отношения должны быть выделены как поразительное отклонение от общей нормы» (с. 275–276).

 50 См. гл. «Типы и частотность контакта», пункт 1 в данной работе.

51 Эвенки, по всей видимости, почти или совсем не использовали хлеб в еду до того, как начали торговать с этой группой казаков, но сегодня он преобладает в их рационе над мясом и рыбой. С таким малым количеством добычи, как сейчас, сомнительно, что эвенки смогли бы прожить на одном мясе, и они не знают, как сушить и хранить рыбу. Внезапные и радикальные перемены в питании должны были быть очень сложными для них. Три семьи, прожившие несколько месяцев с ганченами, не смогли привыкнуть к просу вместо хлеба и вернулись туда, где можно было достать муку.

Тот факт, что их экономическое соглашение было практически одинаково важно для обеих сторон в прошлом, должен помочь создать настоящий паритет в социальных и других отношениях. Существующая асимметрия в экономической зависимости может вскоре начать проявлять свои результаты, несмотря на то, что она частично замещается возросшей торговлей с китайцами, у которых эвенки иногда покупают что-либо.

Взаимообмен материальных культур

Кроме уже упомянутых предметов, у эвенков имеются огнестрельное оружие, топоры, железные кастрюли и сковороды, медные чайники, керамическая и эмалированная посуда, стаканы, ложки, вилки, иголки, нитки, ножницы и другие предметы русского, китайского или японского производства, которые были приобретены ими, главным образом, через казаков-торговцев, научившись пользоваться ими, от чьих предков, возможно, эвенки узнали назначение этих вещей.

В материальной культуре казаков так же видны следы влияния эвенкской культуры. Жнецы сооружают на поле укрытия конической формы, как у жилища эвенков⁵². Зимой охотники носят кожаную верхнюю одежду, сшитую эвенками, или выдубленную похожим способом, и стремятся одеть своих детей, по возможности в эвенкскую обувь.

Когда вся деревня Дубово бежала в леса от русских бандитов в 1930 году, женщина, долго жившая среди эвенков⁵³, учила остальных печь хлеб без печи, как эвенки. Это любопытный пример обратного заимствования, так как первоначально секрет выпечки хлеба был получен эвенками у русских.

Обмен технологиями и материальными предметами формирует взаимное уважение и интерес, важность которых не может быть недооценена.

⁵² Cm.: North-Western Manchuria and the Reindeer Tungus. P. 526.

 $^{^{53}}$ См. гл. «Типы и частотность контакта», п. 3 данной работы.

Религиозный дуализм

Сибирские эвенки официально обращены в православие, примерно, в начале девятнадцатого века. До революции эвенки-оленеводы Маньчжурии платили за ежегодный визит русского священника, который пересекал границу для совершения обрядов крестин и свадеб, и в течение долгих лет, оказавшись отрезанными от церковных служб и священников, они продолжали вешать иконы в своих чумах и ставить кресты на могилах. Параллельно с христианскими обрядами эвенкские шаманы спокойно занимались своим древним ремеслом. В племени практикуют три шамана, каждый из которых работает в своей зоне кочевок. Одна из них - женщина, инициированная кумарченским шаманом⁵⁴. Одетые в искусно украшенную одежду, они поют, бьют в барабан, танцуют в темном жилище, устанавливая связь с духами, и таким образом исцеляют больных и предсказывают будущее. Шаманы пользуются большим уважением и играют важную роль в жизни сообщества. Несомненно, христианство оказало намного более значительное влияние на культуру казаков, существуя в ней на протяжении веков. Казаки с особым рвением отмечают все церковные праздники, в то же время стойко придерживаясь некоторых суеверий, похожих на эвенкские.

Их отношение к шаманам двойственно. С одной стороны, казаки знают, что им, как христианам, не следует верить в такие вещи, и время от времени они демонстрируют ложный скептицизм. С другой стороны, они безмерно восхищаются проницательностью шамана и правдивостью его предсказаний⁵⁵.

Таким образом, вместо религиозной нетерпимости и репрессий происходит частичный взаимообмен между христианством и шаманскими обычаями. Вместе с уже описанным выше взаимообменом умениями, он способствует еще большему сближению обеих групп.

Характерные особенности эвенков и казаков

Прежде чем сделать выводы на основании культурных факторов, мы должны рассмотреть вопрос, действительно ли психологические особенности, которые, как считается, характеризуют эвенков и казаков в целом, могут объяснить отсутствие конфликта между этими двумя группами.

Катрен пишет об эвенках-оленеводах Сибири так:

«das reinste, idealste J□gervolk, das in den Ein6den Sibiriens weilt [and further as] ein rasches, hurtiges and unerschrockenes Volk..... Uebrigens lieben sie, im Gegensatz zu andern sibirischen Volkern, Tanz, Spiel und iiberhaupt ein muntere Leben».

«Настоящий, идеальный народ охотников, который обосновался в глухих местах Сибири... И далее: Ловкий, проворный и бесстрашный народ. В противоположность другим сибирским народам они любят игры, танцы и вообще активную жизнь».

Такие качества полностью объясняют ровные межгрупповые отношения, хотя Катрен утверждает, что другие племена эвенков «rauben und plindern wie Feinde auf beiderseitigem Gebiet (грабят и занимаются разбоем, как враги, по обе стороны границы)»⁵⁶. Более того, взаимоотношения живущих в Маньчжурии ганченов и кумарченов с китайцами часто заканчиваются кровопролитием, а нуминчены из поколения в поколение воруют лошадей своих соседей.

Традиционно казаки ассоциируются со страхом, вызываемым ими среди национальных меньшинств, на усмирение которых их посылал царь благодаря их несомненной преданности и безграничной смелости. Госпожа Чаплицкая, полька по национальности, говорит о том, насколько она была изумлена, открыв для себя в процессе изучения другие стороны характера казаков, включая «творческую и исследовательскую». Автор так описывает оренбургских казаков: «Спокойные, приветливые и гостеприимные, пионеры русской цивили-

⁵⁴ Кумарчены являются шаманистами.

⁵⁵ Вз. Чаплицкая М.А. *Мой год в Сибири*. Лондон, 1916. Гл. 9, об отношении русских колонистов к шаманам.

⁵⁶ Александр Катрен. Этнологические лекции об алтайских народах. С.-Петербург, 1857. С. 22–24.

зации, смелые, трудолюбивые и стойкие»⁵⁷, все эти описания полностью соответствуют усть-уровским казакам; но существуя в нерушимом мире с эвенками, они в то же время по воле обстоятельств убивали многих ганченов, китайцев и своих соотечественников.

Краткий обзор фактов, тем не менее, дает предположение, что даже если бы был точно установлен ряд универсальных черт характера эвенков и казаков, одних этих описаний было бы недостаточно для объяснения отношений между двумя особенными группами.

ПРЕДЛОЖЕНИЯ ДЛЯ ДАЛЬНЕЙШИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Как я уже говорила в начале этой статьи, существование или отсутствие конфликта не может быть определенно связано с теми или иными явлениями без сравнительного исследования, которое не было мной проведено. Ранее опубликованные материалы о контакте европейской и «примитивных» культур необходимо сначала проанализировать именно с этой точки зрения, но, вероятно, еще не собрано достаточное число примеров или данных, касающихся обеих групп, которые необходимы для решения данной проблемы.

В случае моего собственного исследования в Маньчжурии, эвенки были первостепенным объектом изучения, наблюдения над культурой казаков были в целом несистематизированными и недостаточными. Может быть, позднее будет возможно определить, какая информация является значимой для решения проблемы, и какой метод полевых исследований необходим для ее сбора.

Вопрос, возможно, решается путем установления относительной значимости некоторых или всех факторов, перечисленных в предыдущих докладах. В любом единичном случае степень влияния этих факторов неясна из-за сопутствующих им обстоятельств, а так же потому, что они могут в определенной степени усиливать друг друга. Любая попытка сделать даже предвари-

тельные выводы является чисто теоретической.

Тем не менее, все перечисленные факторы, которые считаются причинами происходящих где-либо конфликта или гармонии, могли бы быть полезны при анализе отдельно взятого примера контакта. Так, известно утверждение арабов, что ключевыми аспектами ситуации в Палестине являются территориальная система и соотношение населения, которые, в свою очередь, обуславливают контраст в северо-западной Маньчжурии. Общественные волнения в разных частях света часто объясняют вмешательством политиков, привлекает внимание тот факт, что до настоящего времени казаки и эвенки были не затронуты пропагандой.

Совершенно ясно, что для дальнейшего проведения сравнений требуются дополнительные данные об условиях Маньчжурии, и без более глубокого изучения вопроса мы не достигнем значительных результатов.

Разнообразие факторов русскоэвенкских отношений, рассмотренных в нашем обсуждении, индивидуалистический тип социальной и экономической структуры, межгрупповая торговля⁵⁸ хорошо объясняют отсутствие конфликта даже в тяжелые времена. Я склонна полагать, что взаимообмен культурными особенностями является важной предпосылкой для межгрупповой дружбы, и, несомненно, соответствует смешению культур, которое Бартлетт ассоциировал с «примитивным товариществом»⁵⁹.

Харстон, Кэмбридж, Англия

⁵⁷ Чаплицкая M.A. The Evolution of the Cossack Communities.

⁵⁸ Вз. из комментариев: А.А. Ричардса, см. гл. «Территориальное устройство и отношения» данной работы.

⁵⁹ В цитируемом произведении, (ссылка 8). С. 140–43.

Приложение

КУЛЬТУРНАЯ АНТРОПОЛОГИЯ – ОСНОВНАЯ ТЕМА ЕЁ НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В 2015 году исполнилось 110 лет со дня рождения британского антрополога Этель Джоан Линдгрен (1905–1963)

Ю.О. Синёва*

Несмотря на то, что ее имя, несомненно, стоит в рядах пионеров современной антропологии, таких как Б. Малиновский, Чаплицкая, Д. Бейтсон, М. Шапера, А. Майр, M. Фортес, A.A. Ф.Ч. Бартлетт, М. Херсковиц и др., в Росподробности научной работы Э.Д. Линдгрен были и остаются малоизвестными. Поэтому наряду с публикацией перевода ее статьи "An Example of Culture Contact without Conflict: Reindeer Tungus and Cossacks of Northwestern Manchuria" («О примере культурного контакта без конфликта: эвенки-оленеводы и казаки Северо-Западной Маньчжурии»), которая была опубликована в журнале "American Anthropologist" в 1938 году как результат ее полевых исследований в Маньчжурии в 1929-1932 годах, мы публикуем её краткую биографию.

Этель Джоан Линдгрен родилась в 1905 году в штате Иллинойс США, в шведскоамериканской семье, но в 1940 году получила британское гражданство. Она закончила Кембриджский университет, где изучала синологию и психологию. Предметом ее научных интересов в аспирантуре становится новинка тех лет - культурная антропология. Необходимо отметить, что название «культурная антропология» в большей степени присуще американской научной традиции, в Великобритании эта область научных знаний носит название «социальная антропология». Как известно, являясь одним из основных направлений системы знаний, объединенных общим названием «антропология», наряду с физической, философской, религиозной и др., культурная антропология ставит в центре своего внимания человека, который рассматривается в контексте культуры. В качестве объекта культурной антропологии выступали чаще всего экзотические общества, не имеющие письменности и характеризующиеся относительно простой культурой. Так называемые современные первобытные или примитивные общества. Родоначальником культурной антропологии в США был Ф. Боас (1858–1942), изучавший культуру и языки индейцев и эскимосов, живущих в Северной Америке. В Великобритании основателями и лидерами социальной антропологии считаются Б. Малиновский (1884–1942) и А.Р. Рэдклифф-Браун (1881–1955) [1, с. 49].

Изучение коренных народов Сибири, Монголии и Китая стало основным направлением полевых исследований Линдгрен в 1927-30 годах. Свою первую поездку в Монголию и Манжурию она совершила в 1927 году. Во время экспедиции проводились продолжительные полевые исследования в Северо-Западной Маньчжурии, в том числе среди эвенков-оленеводов, кочевавших вдоль реки Аргунь, а также забайкальских казаков в Трехречье (поселения в Чуерканхо и Дубово на реке Аргунь), уехавших из Сибири в Маньчжурию после революции 1917 года и основавших земледельческие поселения в Чуерканхо и Дубово на реке Аргунь на территории Китая, однако первостепенным объектом изучения оставались эвенки и их традиционные верования, шаманские традиции и ритуалы.

Следуя предложенному Малиновским кодексу проведения полевых исследований, Линдгрен использовала в своей работе метод «включенного наблюдения», т. е. продолжительное и интенсивное проживание в исследуемом сообществе («палатка, разбитая посреди деревни») с отказом от мыслительных категорий и стереотипов, навязанных культурой исследователя, и стремлением понять способ мышления местного населения. Члены экспедиции с уважением относились к «туземцам», могли спать в их жилищах и есть их пищу, дружеские отношения связывали Линдгрен и женщинушамана группы Ольгу Кудрину. Нужно

также отметить, что Э.Д. Линдгрен, свободно владея немецким, французским и шведским языками, достаточно хорошо говорила на русском и китайском, понимала монгольский и эвенкийский языки [5].

Такие доверительные отношения позволили собрать уникальные антропологические данные, которые легли в основу тезисов докторской диссертации Э.Д. Линдгрен. Результатами ее поездки в Северо-Западную Манжурию стали также фотографии информантов и картин быта местного населения, и документальный чернобелый немой фильм «The Reindeer Tungus of Manchuria» («Тунгусы-оленеводы Маньчжурии»), снятый Этель Джон Линдгрен и её супругом Оскаром Маменом в 1932 году. После захвата японцами Харбина Линдгрен вернулась в Великобританию, проведя перед отъездом несколько месяцев под домашним арестом в Улан-Баторе (до 1924 года Урга) [9].

Вернувшись домой, она не решилась публиковать результаты полевых исследований из-за страха навлечь опасность политических репрессий на своих коллег и помощников из Советского Союза и Монголии. Только в последние месяцы жизни она дала разрешение на публикацию своих научных работ, которые были изданы посмертно. Все экспонаты, собранные во время полевых работ экспедицией Линдгрен, хранятся сегодня в Музее антропологии и археологии в Кембридже.

После возвращения (1936—1939) Линдгрен читала лекции по социальной антропологии в колледже Ньюнхем Кембриджского Университета и продолжила начатые в Маньчжурии исследования, изучая лопарей (саами) в Шведской Лапландии. Это позволило ей стать одним из немногих западноевропейских исследователей, имеющих возможность вести свои собственные наблюдения, сравнивая азиатскую и скандинавскую культуры оленеводства [8]. В годы Второй мировой войны, как и другие антропологи США и Великобритании,

Линдгрен была призвана на службу в вооруженные силы, где занималась исследованием культуры воюющих стран и разработкой рекомендаций и предложений для военно-политического и военного руководства. В течение 28 лет Э.Д. Линдгрен была членом Совета Королевского института антропологии в Лондоне и главным редактором его научного журнала. С 1952 года главным научным проектом, которым Линдгрен занималась вместе со своим вторым мужем М. Утси, стало возвращение в Шотландию северных оленей и оленеводства [8].

Спустя долгие годы в научном мире вновь возник интерес к кембриджской исследовательнице Э.Д. Линдгрен - как к личности, и как к антропологу. Знакомство с текстами ее работ "North - Western Manchuria and the Reindeer - Tungus", "The Shaman Dress of the Dagurs, Solons and Numinchens in N.W.Manchuria", "An Example of Culture Contact without Conflict: Reindeer Tungus and Cossacks of Northwestern Manchuria" и другими научными материалами дают нам возможность обратиться к ряду вопросов и предположений, касающихся поездки представительницы Кембриджского университета к эвенкам. Очевидно, что именно этнографические исследования в Маньчжурии стали определяющими для Этель Джоан Линдгрен в построении ее концепции культурного контакта без конфликта, сформулированной в ее работе "Ап Example of Culture Contact without Conflict: Reindeer Tungus and Cossacks of Northwestern Manchuria" («О примере культурного контакта без конфликта: эвенки-оленеводы и казаки Северо-Западной Маньчжурии»). Несомненным является также то, что выводы и предположения, сделанные Этель Джоан Линдгрен на основании ее исследований проблемы аккультурации и культурного контакта, являются актуальными и требуют пристального изучения.

Статья поступила 04.02.2016 г.

Библиографический список

- 1. Клакхон Клайд Кей Мейбен. Зеркало для человека: Введение в антропологию / Пер. с англ. СПб.: Евразия, 1998. 352 с.
- 2. Культурология. XX век. Словарь. СПб.: Университетская книга, 1998. 447 с.

- 3. Фонд знаний Ломоносов URL:http://lomonosovfund.ru/enc/ru/encyclop edia:01223:article. (дата обращения: 20.11.2015)
- 4. CENSUS OF BRITISH ANTHROPOLOGISTS (A71). URL; http://www.therai.org.uk > ... > Archive Contents. (дата обращения: 20.11.2015)
- 5. Dr E.J. Lindgren-Utsi | European languages across borders URL: http://european-collections.wordpress.com/.(дата обращения: 20.11.2015)
- 6. Lindgren T.J."An Example of Culture Contact without Conflict: Reindeer Tungus and Cossacks of Northwestern Manchuria". Source; *American Anthropologist*, New Series, Vol. 40, No. 4, Part 1 (Oct. Dec., 1938), pp.

- 605–621. Published by: Blackwell Publishing on behalf of the American Anthropological Association Stable. URL:
- http://www.jstor.org./stable/661616. (дата обращения: 20.10.2014)
- 7. Obituary Cambridge Journals. URL: http://journals.cambridge.org/article_S003224 74000. (дата обращения: 20.11.2015)
- 8. Proveniens iFokus Inlägg. URL; http://www.proveniens.ifokus.se, 2013-04-03, nekrolog i Royal Geographical Societys av Terence Armstrong). (дата обращения: 20.11.2015)
- 9. Tyler N. Dr E. J. Lindgren-Utsi Septentrio Academic Publishing. 1988.URL; http://septentrio.uit.no/index.php/rangifer/.../691. (дата обращения: 20.11.2015)

References

- 1. Klakkhon Klaid Kei Meiben. Zerkalo dlya cheloveka: Vvedenie v antropologiyu [Mirror for human: Introduction to the anthropology], St. Petersburg: Evraziya, 1998, 352 p.
- 2. Kul'turologiya. XX vek. Slovar' [Culturology. XX century. Dictionary], St. Petersburg: Universitetskaya kniga,1998. 447 p.
- 3. Fond znanii Lomonosov, available at: http://lomonosovfund.ru/enc/ru/encyclopedia: 01223:article (November 20, 2015)
- 4. CENSUS OF BRITISH
- ANTHROPOLOGISTS (A71), available at: http://www.therai.org.uk > ... > Archive Contents. (November 20, 2015)
- 5. Dr E.J. Lindgren-Utsi | European languages across borders, available at: http:// europeancollections.wordpress.com/. (November 20, 2015)
- 6. Lindgren T.J."An Example of Culture Contact without Conflict: Reindeer Tungus

- and Cossacks of Northwestern Manchuria". Source; American Anthropologist, New Series, Vol. 40, No. 4, Part 1 (Oct. Dec., 1938), pp. 605–621. Published by: Blackwell Publishing on behalf of the American Anthropological Association Stable, available at: http://www.jstor.org./stable/661616. (October 20, 2014)
- 7. Obituary Cambridge Journals, available at: http://journals.cambridge.org/article_S003224 74000. (November 20, 2015)
- 8. Proveniens iFokus Inlägg, available at: URL; http://www.proveniens.ifokus.se, 2013-04-03, nekrolog i Royal Geographical Societys av Terence Armstrong). (November 20, 2015)
- 9. Tyler N. Dr E. J. Lindgren-Utsi Septentrio Academic Publishing. 1988, available at: http://septentrio.uit.no/index.php/rangifer/.../691. (November 20, 2015)
- * Перевод статьи и краткую биографию Э.Д. Линдгрен подготовила **Синёва Юлия Олегов- на,** старший преподаватель кафедры иностранных языков для технических специальностей № 2 факультета прикладной лингвистики, Иркутский национальный исследовательский технический университет, 664074, Россия, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83. e-mail: sineva2009@mail.ru
- * Translation of the article and brief biography of E.J. Lindgren was written by **Sinyova Yulia Olegovna**, Senior Teacher of Foreign Languages for Engineering Specialties № 2 Department of Applied Linguistics Faculty, Irkutsk National Research Technical University, 664074, Russia, Irkutsk, ul. Lermontova, 83, e-mail: sineva2009@mail.ru

УДК 27-788

ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МОНАСТЫРЕЙ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ В XVII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

© О.Е. Наумова

В статье освещена хозяйственная деятельность восточно-сибирских монастырей в указанный период. В ней рассмотрены основные составляющие монастырского хозяйства, раскрыты его особенности, присущие монастырям только данного региона. В статье показан вклад монастырей в хозяйственно-экономическое развитие Восточной Сибири.

Ключевые слова: вкладчики, деревня, епархия, земледелие, крестьяне, монастыри, промыслы, секуляризация, хозяйство, церковь.

ECONOMIC ACTIVITY OF THE MONASTERIES OF RUSSIAN ORTHODOX CHURCH IN EASTERN SIBERIA IN XVII – 1^{ST} HALF OF XIX CENTURIES

© O.E. Naumova

The article is devoted to economic activity of the Eastern Siberian monasteries in XVII -1st half of XIX cen. Author describes main aspects of the monastery economy as well as their specifics and focuses on their impact in to the economy development in Eastern Siberia.

Key words: investor, village, eparchy, husbandry, peasants, monasteries, field activities, secularization, economy, church.

В XVII и XVIII веках (до секуляризации) монастыри являлись главным хозяйственным звеном в системе церковных учреждений Русской православной церкви в Восточной Сибири.

Старейшими среди них были Якутский Спасский, основанный в 1662 г., и Киренский Троицкий, основанный в 1663 г. Несколько позже, в 1672 г. началось строительство Иркутского Вознесенского монастыря. Возникновение Селенгинского Троицкого и Посольского Преображенского монастырей связано с историей первой православной миссии в Забайкалье. В феврале 1681 г. по повелению царя Федора Алексеевича и патриарха Иоакима из Москвы на Селенгу отправилась миссия из 12 человек, которая и основала в 1683 г. Селенгинский, а затем Посольский монастыри. В 1693 г. в Иркутске был основан единственный в Восточной Сибири женский монастырь – Знаменский. В начале XVIII в. закладывается Нерчинский Успенский монастырь, упраздненный в 1773 г. в связи с секуляризацией¹. В целом, к моменту образования Иркутской епархии в 1727 г. сеть монастырей в Восточной Сибири практически сформировалась.

Монастыри энергично занимались хозяйственной деятельностью, уделяя особое внимание на первом этапе своего существования расширению земельных наделов. Их рост шел традиционным для России путем — через царские пожалования, вклады, покупку и прямые захваты.

¹ Следует отметить, что исследователь хозяйства сибирских монастырей Л.П. Шорохов ошибочно считал, что в Восточной Сибири в начале XVIII в. был основан еще один монастырь – Якутский Покровский, упраздненный при секуляризации [см.: 18, с. 31]. В действительности это была Покровская пустынь, основанная по указу тобольского митрополита Филофея Лещинского. В 1724 г. ее приписали к Якутскому Спасскому монастырю – см.: Иркутские епарх. вед. 1862. № 28. С. 417.

Основной формой приобретения земли являлись царские дачи. Так, Иркутский Вознесенский монастырь в 1688 г. получил царскую грамоту на приобретение земли по р. Иркут и Белая [18, с. 55]. Посольскому Преображенскому монастырю в 1713 г. были отведены 50 десятин «порожней» пахотной земли по р. Куяде и там же земля под сенокосы на 500 копен [4, с. 607]. Земельные наделы имели все монастыри епархии.

На своих землях монастыри основывали земледельческие поселения. Тем самым они способствовали развитию земледелия в Восточной Сибири и ее заселению русским населением. В частности, тот же Вознесенский монастырь на землях в районе р. Иркут основал Введенскую слободу и деревню Баклашинскую, а в районе р. Белой Бадосскую слободу и три деревни [18, с. 55]. На землях Нерчинского Успенского монастыря было основано село Монастырское на р. Шилке [9, с. 44]. Также в разные годы к этой обители числились приписанными до 10 селений в разных частях Восточного Забайкалья. В вотчинах Селенгинского и Посольского монастырей возникли села: Троицкое, Посольское, Куяда, Кудара, Голоустное, Творогово, Купалейское, Еланское, ставшие одновременно и православными приходами [12, с. 239].

В целом, накануне секуляризации монастыри епархии, по оценке Л.П. Шорохова, владели 2528 десятинами земли, 38 деревнями, в которых проживало 2869 крестьян мужского пола [18, с. 62, 86]. Данные о численности крестьян вызывают некоторые сомнения. Дело в том, что ранее, еще в начале XIX в., известный исследователь истории православной церкви епископ Амвросий Орнатский в своем многотомном труде «История российской иерархии» попытался на основе изучения документальных источников установить численность крестьян накануне секуляризации по всем российским монастырям. По Иркутской епархии он привел следующие данные: Иркутский Вознесенский монастырь владел 614 крестьянами мужского пола, Иркутский Знаменский – 355, Посольский – 233, Нерчинский – 150 и Якутский – 87 [2, c. 580; 3, c. 192; 4, c. 161, 615; 5, c. 834], итого 1439 чел. В его списке отсутствуют данные по Киренскому и Селенгинскому монастырям. Однако, учитывая слабую заселенность Восточной Сибири русскими крестьянами в это время, а также сравнительно небольшие общие размеры монастырского землевладения по сравнению с монастырями Европейской России, представляется маловероятным, чтобы численность монастырских крестьян значительно превышала 2000 лиц мужского пола, что также само по себе является значительной цифрой и достаточно характеризует роль монастырей в заселении региона².

Основу хозяйства большинства монастырей епархии составляли земледелие и скотоводство. Монастырские вотчины довольно интенсивно развивались в первой половине XVIII в. Это наглядно видно на примере Селенгинского Троицкого монастыря. Селенгинский монастырь являлся крупным собственником скота, причем его поголовье постоянно росло. Если в 1721 г. монастырское стадо насчитывало 125 лошадей и 55 голов крупного рогатого скота, то через двадцать лет, в 1740 г. – уже 830 лошадей и 449 голов крупного рогатого скота [10, с. 160]. В том же 1740 г. сбор хлеба в монастырских вотчинах составил 7300 пудов [18, с. 70].

Господствующими зерновыми культурами в монастырских хозяйствах были рожь, овес, ячмень, конопля. Их урожайность позволяла монастырям в основном обходиться своими продуктами, а также осуществлять поставки в епархию и продавать излишки на рынке. В частности, тот же Селенгинский монастырь в 1740 г. продал 2800 пудов хлеба на сумму 560 рублей [18, с. 72]. Помимо хлеба монастыри активно продавали скот, мясо, рыбу, масло, жиры, крупы и т. д., принимая посильное участие в формировании местного рынка.

В первые десятилетия существования Иркутской епархии монастыри являлись, пожалуй, основной ее опорой. По распоряжению епископов они поддерживали Ир-

² В пользу данного соображения говорят и цифры, приведенные в «Журнале Министерства народного просвещения» за 1840 г. (№ 26). В нем на с. 52 численность монастырских крестьян Восточной Сибири оценивается в 2090 душ мужского пола.

кутскую духовную школу³ и приходское духовенство во вновь организованных приходах. Роль монастырей в жизни епархии и их вклад в укрепление положения православной церкви в регионе хорошо видны на примере Посольского Преображенского монастыря. В 1727 г. Иннокентий Кульчицкий обязал этот монастырь содержать семь учеников иркутской школы. Согласно распоряжению епископа, монастырь должен был ежемесячно отпускать на каждого из них: денег по 10 алтын (30 копеек), ржаной муки по 2 пуда, круп по 5 фунтов, соли по 2 фунта. Эти продукты и деньги выдавались монастырем в течение двадцати лет [4, с. 610], до временного закрытия школы. Посольский монастырь также обязали содержать церкви в Кяхте и Троицкосавской крепости. Например, Кяхтинской церкви он ежегодно с 1728 по 1736 г. поставлял: 20 фунтов воска, 0,5 ведра церковного вина, 3 фунта святилен, 5 пудов пшеничной муки на просфоры; а ее причту: 100 пудов ржаной муки, 3 пуда ячменной крупы, 4 пуда толокна, 2,5 пуда гороха, 2 бочки омулей, 3 пуда юколы сиговой (вяленый сиг), 0,25 пуда мяса коровьего, по 1 пуду жира говяжьего и омулевого, священнику – шубу и суконную рясу, дьячку и старосте - по шубе и зипуну, каждому по 24 аршина холста на рубахи, по 2 шапки, по паре суконных чулок и по паре рукавиц [18, с. 610-611].

Монастыри Иркутской епархии не только способствовали укреплению позиций православной церкви в Восточной Сибири и ее хозяйственному освоению. Нередко они становились пионерами развития региона. Так, именно монахи Якутского Спасского монастыря в первой половине XVIII в. стали основоположниками земледелия в Якутии и на Камчатке, где, по свидетельству известного путешественника и исследователя С.П. Крашенинникова, им удавалось собирать приличные урожаи ржи и ячменя [7; 9, с. 116; 12, с. 242].

Монастырская пашня состояла из двух частей: собственно монастырской и крестьянской (переданной в пользование крестьянам). Первая играла ведущую роль в земле-

делии. В частности, в Селенгинском монастыре монастырская пашня составляла 102 десятины, а крестьянская 52 десятины [18, с. 78]. Ведущей формой феодальной ренты для монастырских крестьян в Восточной Сибири являлся натуральный оброк. Все крестьяне платили монастырям пятую часть урожая («пятину»). Наряду с оброком применялась и отработочная рента на монастырских полях. Помимо этого, крестьяне обязаны были поставлять в монастыри различные припасы (сено, дрова, яйца, масло, лошадей с подводами и т. п.).

В то же время историки не раз отмечали, что в Сибири для монастырских хозяйств характерным было не усиление крепостнического пресса на крестьян (как в Европейской России), а наоборот, известное «размягчение» феодальных отношений, что находило свое отражение в преобладании оброка, в использовании наемного трула

С этим выводом, видимо, следует согласиться. Хотя, конечно же, не надо идеализировать отношения между сибирскими монастырями и монастырскими крестьянами. Нередко они складывались совсем не просто. Так, в Государственном архиве Иркутской области (фонд 482), где хранятся документы Киренского Троицкого монастыря, сохранились материалы о волнениях, «самовольстве и ослушании» крестьян этого монастыря в 1756 г. Монастыри вообще пытались доступными им мерами расширить круг зависимых людей. Например, в 1748 г. Сенат рассматривал ходатайство Иннокентия Неруновича о разрешении иркутским монастырям использовать труд людей с просроченными паспортами [15].

Важную роль в хозяйстве восточносибирских монастырей играли различные промыслы (рыбный, соляной, кожевенный и др.), которые приносили большой доход монастырским хозяйствам. Поэтому монастыри всеми силами стремились обзавестись промыслами. Особенно широкие масштабы этот процесс принял в XVIII в. В частности, в 1705 г. по указу Петра I и Сибирского приказа Вознесенскому монастырю пожаловали во владение Усольское соляное месторождение, где монастырь основал солеварницу. Соляные промыслы име-

³ Первоначально, при создании школы именно на епархиальные монастыри было возложено ее содержание.

ли также Якутский Спасский и Селенгинский Троицкий монастыри. Последнему, помимо этого, принадлежала еще и рыбная ловля на оз. Котокель. Рыбная ловля на оз. Байкал занимала заметное место в хозяйствах Киренского Троицкого и Посольского Преображенского монастырей, особенно последнего, которому первоначально в 1707 г. по указу Петра I отвели рыбную ловлю в урочище Каргинский (Посольский) Сор на Байкале, а впоследствии, в 1727 г. предоставили право рыбной ловли в любой точке Байкала, за исключением устья р. Селенги. Кроме рыбной ловли, Посольский монастырь накануне секуляризации являлся владельцем четырех мукомольных мельниц, первую из которых построили еще в 1724 г. [4, с. 605-615]. Промыслы служили монастырям основным источником дохода от хозяйственной деятельности. Например, Вознесенский монастырь на поставках соли в казну (по 10 копеек за пуд) заработал в 1762–1763 гг. 3134 рубля [18, с. 80].

Развитие промыслов способствовало распространению наемного труда в монастырских хозяйствах Иркутской епархии. В течение XVIII в. доля наемного труда неуклонно возрастала. Его использовали не только на промыслах, но и в строительстве, скотоводстве и даже в земледелии, привлекая монастырских крестьян на условиях денежной или натуральной платы. Например, в 1762 г. Посольский монастырь выплатил девяти своим крестьянам за различные работы 69 рублей [18, с. 104]. Надо сказать, что, в отличие от других районов страны, наемный труд в монастырских хозяйствах наиболее широко был распространен именно в Восточной Сибири. Практически все местные монастыри содержали по несколько десятков наемных рабочих [18, c. 104–111].

Помимо использования труда монастырских крестьян и наемных работников, хозяйство монастырей опиралось на систему вкладчиков. Существовали две категории вкладчиков – богатые и бедные. Состоятельные вкладчики передавали монастырям в качестве вкладов землю, деньги, меха, драгоценности, хлеб, скот и т. п. Например, яренский купец Г.А. Осколков в начале XVIII в. в качестве вклада в Посоль-

ский монастырь выстроил там кельи для настоятеля и монахов (братии), передал 300 тыс. штук кирпича и скотный двор с табуном лошадей [4, с. 607]. Вклады вносились как оплата права погребения в монастыре и занесения в его поминальную книгу. Резко отличались от богатых вкладчиков вкладчики, отрабатывавшие вклады своим личным трудом. По существу, для этой категории вкладничество представляло собой специфическую форму добровольного превращения пришлых «гулящих людей» в феодально-зависимое население монастырей. В хозяйствах монастырей Иркутской епархии такие вкладчики играли особенно крупную роль. Они выполняли самые различные работы, но чаще всего на монастырских промыслах. В первой половине XVIII в., по оценке Л.П. Шорохова, на их долю приходилось от 50 до 90 % всего населения монастырских вотчин [18, с. 112-113].

В целом, накануне секуляризации 1764 года восточно-сибирские монастыри представляли собой достаточно крепкие хозяйственные единицы. Штат семи епархиальных монастырей насчитывал в 1762 г. 48 лиц монашеского сана (в шести мужских -41: 1 архимандрит, 2 игумена, 3 наместника, 2 строителя, 3 эконома, 2 казначея, 14 иеромонахов, 3 иеродьякона, 7 рядовых монахов, 4 больничных монаха; в женском - 7: 1 наместница, 1 казначееца, 5 рядовых монахинь) [1, с. LXXX]. Следует отметить, что, по сравнению с первой половиной XVIII в., их число сократилось более чем вдвое. Так, согласно ведомости 1745 г., в Иркутской епархии было 117 лиц монашеского сана (1 архимандрит, 4 игумена, 10 иеромонахов, 6 иеродьяконов, 96 монахов) [13, л. 1].

Хозяйственное положение монастырей резко изменилось после 1764 г. в результате секуляризации церковных земель. Монастыри Иркутской епархии преимущественно поступили на содержание государства. Якутский Спасский монастырь до 1798 г. оставался на содержании епархии, а Нерчинский Успенский монастырь был вообще упразднен в 1773 г. Следует отметить, что монастыри Иркутской епархии, в отличие от монастырей других епархий, в основном

уцелели после реформы 1764 г. Как известно, по церковной реформе не получили государственного содержания более половины всех российских монастырей [17, с. 285]. Иркутская же епархия временно потеряла лишь один монастырь⁴. Сохранение восточно-сибирских монастырей объясняется, видимо, теми важными функциями, которые выполняла здесь православная церковь.

Упразднение церковного землевладения сопровождалось разделением оставшихся монастырей на три класса, в соответствии с которыми вводились штаты и определялось денежное содержание. Первоначально все монастыри Иркутской епархии Синод отнес к III классу с годовым содержанием 806 рублей каждому [12, приложение, с. 1]. В 1797 г. Павел I увеличил денежное содержание монастырей до 1436 рублей 50 копеек (для монастырей III класса). Эти деньги расходовались на жалование монахам, на продукты питания и обслуживание различных нужд монастыря. Так, например, в Посольском монастыре в 1816 г. указанная сумма была израсходована следующим образом: игумен получил 200 рублей, пять иеромонахов по 24 рубля, четыре монаха по 20 рублей, подьячий – 16 рублей, остальные деньги потратили на продукты питания и дрова, приобретение церковной утвари и ремонт монастыря, а также на приобретение сена для монастырской конюшни [6, л. 8–16].

Согласно штатному расписанию, мужским монастырям III класса полагалось иметь 12 монашествующих лиц, а женским – 17.

В первой половине XIX в. епархиальные монастыри поднялись по ступеням классификации. В 1836 г. Иркутский Вознесенский монастырь становится монастырем I класса, а Якутский Спасский, Киренский Троицкий и Иркутский Знаменский — монастырями II класса. Следует отметить, что в восточно-сибирских монастырях штатное расписание строго не выдерживалось и больше определялось нуждами и возможностями того или иного монастыря.

В частности, штаты Иркутского Вознесенского монастыря после перевода его в монастыри I класса не были постоянными. В среднем монастырь имел, помимо архимандрита, 18–20 монахов (8–10 иеромонахов, 4–5 иеродьяконов, 4–5 монахов и указных послушников), а также более 100 послушников, принятых временно, которые несли различные мелкие «послужения». Всего же в нем бывало вместе с учениками, мастерами, и рабочими от 150 до 200 чел. [8, с. 669].

Некоторое время спустя после секуляризации начинается восстановление хозяйственной деятельности монастырей Иркутской епархии. (Хотя, конечно, того положения, которое монастыри занимали до 1764 г., они никогда не достигли.) Уже император Павел I позволил российским монастырям иметь до 30 десятин земли. В частности, Посольскому монастырю в 1797 г. были возвращены сенные покосы и рыбные ловли на Байкале [4, с. 619]. Затем Александр I дважды, в 1805 и 1810 гг., разрешал своими указами российским монастырям вновь приобретать недвижимое имущество. Наконец, Николай I в 1838 г. разрешил им приобретать лесные угодья в размере до 150 десятин [17, с. 550]. Данные меры, несомненно, позволили несколько укрепить хозяйственное положение монастырей. Так, Иркутский Вознесенский монастырь в середине XIX в. владел 70 десятинами земли, правда, не приносившими ему дохода [8, c. 6701.

Постепенное восстановление хозяйственной деятельности восточно-сибирских монастырей уменьшило их зависимость от государственного содержания и позволило в большей степени влиять на экономическое развитие региона. Например, в 1816 г. Посольский Преображенский монастырь за счет хозяйственной деятельности, пожертвований и церковных сборов получил дополнительный доход в сумме 1321 рубля [6, л. 4–7]. Причем, основную его часть (более 930 рублей) составили доходы от продажи пойманной рыбы.

Иркутский Вознесенский монастырь в середине XIX в. значительную часть доходов получал от своих мастерских (швейной, сапожной, слесарной, переплетной и др.),

⁴ В 1835 г. в Забайкалье основали Чикойский Иоанно-Предтечинский монастырь взамен упраздненного в 1764 г. Нерчинского монастыря.

процентов с капиталов, а также от продажи свеч, икон, религиозной литературы, образов святых, от платы за требы и молебны. К концу XIX в. эти доходы достигли 50 000 рублей [8, с. 670]. Важную статью дохода монастыря составляли и пожертвования частных лиц. Этот источник активно использовался и до секуляризации. Так, еще в 1737 г. Синод разрешил Вознесенскому монастырю сбор пожертвований в Петербурге и в городах по тракту от столицы до Иркутска на строительство каменной церкви [14, л. 3]. Наиболее значительные пожертвования были сделаны в первой половине XIX в. Например, в 1808 г. купец И.П. Мыльников заказал в Москве для монастыря серебряную раку, купец К.Ф. Трабольшой пезников передал медносеребряный подсвечник весом 8 пудов, в 1832 г. надворный советник М.П. Лоскутов пожертвовал три иконы «греческого письма» в серебряных и золоченых ризах, в 1838-1839 гг. на средства купца Н.П. Трапезникова была построена каменная Иннокентьевская церковь в честь канонизированного первого иркутского епископа [11, с. 17-21, 33]. Этот список можно продолжать довольно долго.

В целом, в рассматриваемый период (особенно до секуляризации) монастыри, безусловно, внесли заметный вклад в хозяйственное освоение Восточной Сибири, энергично развивая земледелие, скотоводство, рыболовство, солеварение и др.

Говоря о значении монастырей в жизни региона, не следует забывать, что они вы-

полняли еще одну важную социальную функцию — учреждений общественного призрения. Монастыри становились последним приютом для людей преклонного возраста. Факты свидетельствуют, что, в частности, в первой половине XIX в. основной контингент принявших монашество в мужских монастырях составляли престарелые представители белого духовенства и солдаты, отслужившие двадцатипятилетнюю рекрутскую службу, а в женских — крестьянские вдовы, затем купчихи и мещанки [16, с. 93].

Завершая краткий экскурс в историю хозяйственной деятельности восточносибирских монастырей, необходимо отметить, что данные о их реальной деятельности ставят под сомнение еще сравнительно недавно господствовавший в отечественной исторической науке упрощенный взгляд на монастыри XVII-XIX вв. как на, в основном, бесполезные учреждения (кстати, эта точка зрения неоднократно высказывалась и в дореволюционное время). Его распространение объясняется не только идеологическими причинами, но и слабой изученностью темы. История восточно-сибирских монастырей и их роли в жизни региона является довольно сложной, многогранной и малоизученной и, безусловно, требует отдельного самостоятельного и серьезного исследования.

Статья поступила 20.12.2015 г.

Библиографический список

- 1. Амвросий Орнатский. История российской иерархии. М., 1814. Т. 2. Ч. 2.
- 2. Амвросий Орнатский. Указ. соч. Ч. 3.
- 3. Амвросий Орнатский. Указ. соч. Ч. 4.
- 4. Амвросий Орнатский. Указ. соч. Ч. 5.
- 5. Амвросий Орнатский. Указ. соч. Ч. 6.
- 6. Государственный архив Иркутской области. Ф. 50. Оп. 7. Д. 120.
- 7. Иркутские епархиальные ведомости. 1865. № 32.
- 8. Иркутские епархиальные ведомости. 1898. № 24.
- 9. История Дальнего Востока СССР. М.,1991. Т. 2.

- 10. Машанова Л.В. Хозяйство Селенгинского Троицкого монастыря в первой половине XVIII в. // Вопросы истории Сибири досоветского периода. Новосибирск, 1973.
- 11. Никодим (архимандрит). Описание Иркутского Вознесенского первоклассного мужского монастыря. СПб, 1840.
- 12. Покровский И.М. Русские епархии в XVI–XIX вв., их открытие, состав и приделы. Казань, 1913. Т. 2.
- 13. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф.796. Оп. 12. Д. К 502. 14. РГИА. Ф.796. Оп.16. Д. 91.
- 15. РГИА. Ф.796. Оп. 26. Д. 385.

- 16. Ростиславов Д.И. О православном белом и черном духовенстве в России. Лейпциг, 1866.
- 17. Русское православие. Вехи истории. M.,1989. 719. c.
- 18. Шорохов Л.П. Корпоративно-вотчинное землевладение и монастырские крестьяне в Сибири в XVII–XVIII веках. Красноярск, 1983.

References

- 1. Amvrosii Ornatskii. *Istoriya rossiiskoi ierarkhii* [History of Russian Hierarchy], Moscow, 1814, vol. 2, part 2.
- 2. Amvrosii Ornatskii. *Istoriya rossiiskoi ierarkhii* [History of Russian Hierarchy], Moscow, 1814, vol. 2, part 3.
- 3. Amvrosii Ornatskii. *Istoriya rossiiskoi ierarkhii* [History of Russian Hierarchy], Moscow, 1814, vol. 2, part 4.
- 4. Amvrosii Ornatskii. *Istoriya rossiiskoi ierarkhii* [History of Russian Hierarchy], Moscow, 1814, vol. 2, part 5.
- 5. Amvrosii Ornatskii. Istoriya rossiiskoi ierarkhii [History of Russian Hierarchy], Moscow, 1814, vol. 2, part 6.
- 6. Gosudarstvennyi arkhiv Irkutskoi oblasti [State Archive Of Irkutskaya Oblast']. F. 50. Op. 7. D. 120.
- 7. *Irkutskie eparkhial'nye vedomosti* [Irkutsk Eparchial News], 1865, No. 32.
- 8. *Irkutskie eparkhial'nye vedomosti* [Irkutsk Eparchial News], 1898, No. 24.
- 9. *Istoriya Dal'nego Vostoka SSSR* [History of Soviet Far Eastern], Moscow, 1991, vol. 2.
- 10. Mashanova L.V. *Khozyaistvo Selengin-skogo Troitskogo monastyrya v pervoi polovine XVIII v.* [Economy of Selenginsk's Trinitary Monastery in 1st half of XVIII cen.],

- Voprosy istorii Sibiri dosovetskogo perioda, Novosibirsk, 1973.
- 11. Nikodim (arkhimandrit). *Opisanie Irkutskogo Voznesenskogo pervoklassnogo muzhskogo monastyrya* [Description of Irkutsk Vosnesensky 1st class Monastery) St. Petersburg, 1840.
- 12. Pokrovskii I.M. *Russkie eparkhii v XVI–XIX vv., ikh otkrytie, sostav i pridely* [Russian Eparchies in XVI–XIX cen., their discovery, content and appendixes], Kazan', 1913, vol. 2.
- 13. Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv (RGIA) [Russian State Historical Archive], F. 796. Op. 12. D. K 502.
- 14. RGIA. F.796. Op.16. D. 91.
- 15. RGIA. F.796. Op. 26. D. 385.
- 16. Rostislavov D.I. *O pravoslavnom belom i chernom dukhovenstve v Rossii* [To Orthodox white and black clergy in Russia], Leiptsig, 1866.
- 17. Russkoe pravoslavie. Vekhi istorii [Russian Orthodoxy. Milestones in the history], Moscow, 1989, 719 p.
- 18. Shorokhov L.P. Korporativno-votchinnoe zemlevladenie i monastyrskie krest'yane v Sibiri v XVII–XVIII vekakh [Corporative-estate agriculture and monastery peasants in Siberia in XVII–XVIII centuries], Krasnoyarsk, 1983.

Сведения об авторе

Наумова Ольга Ефимовна, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории и философии Иркутского национального исследовательского технического университета, 664074, Россия, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83, тел.: (3952) 40-51-86, e-mail: histor@istu.edu **Naumova Olga Efimovna**, PhD, associate-professor of the Department of History and Philosophy of Irkutsk National Research Technical University, 664074, Russia, Irkutsk, ul. Lermontova, 83, tel.: (3952) 40-51-86, e-mail: histor@istu.edu

УДК 930:355/359.07

«КОМИССИИ ПРЕДСТОИТ ВОЗВЕСТИ...» ОПЫТ ОРГАНИЗАЦИИ РАБОТЫ ВОЙСКОВЫХ СТРОИТЕЛЬНЫХ КОМИССИЙ В ИРКУТСКОМ ВОЕННОМ ОКРУГЕ В 1908–1910 гг.

© Авилов Р.С.

Статья посвящена анализу опыта организации работы войсковых строительных комиссий в Иркутском военном округе в 1908–1910 гг. Этот округ был воссоздан в 1906 г., вскоре после окончания Русско-японской войны 1904–1905 гг., причем на этот раз в его состав была включена и Забайкальская область, бывшая в 1884–1906 гг. частью Приамурского военного округа. В то же время после войны в округе заметно возросла численность войск, изменилась их дислокация, и остро встал вопрос о необходимости их казарменного размещения. Казармы строились силами 10 войсковых строительных комиссий, специально созданных в округе для этой цели, которые на начальном этапе своей деятельности столкнулись с рядом трудностей, но в целом зарекомендовали себя прекрасно.

Ключевые слова: Иркутский военный округ, войсковые строительные комиссии, русская армия, дислокация, военное строительство, Восточная Сибирь.

«COMMISSION IS GOING TO BUILD…» THE EXPERIENCE OF THE MANAGEMENT OF WORK OF THE FORCE BUILDING COMMISSIONS IN IRKUTSK MILITARY DISTRICT IN 1908–1910

© Avilov R.S.

This article examines the experience of the management of work of the Force Building Commissions in Irkutsk Military District in 1908–1910. This Military District was creating again in 1906, soon after the Rissian-Japanese War of 1904–1905, and at this time the Transbaikal Region was included into it. Earlier in 1884–1906, it was a part of Priamursky Military District. At the same time after the war there was increased the forces strength in Irkutsk Military District, their dislocation were changed, and the question of their hosting became the question of the hour. The barracks were been built by ten Force Building Commissions, which were specially created for it in this Military District. There were many problems in the early stage of the work, but generally, the Commissions have given a good impression of themselves.

Key words: Irkutsk Military District, force building commissions, Russian Army, dislocation, military building, Eastern Siberia.

В последнее время история Иркутского военного округа все чаще вызывает интерес историков [3; 20; 22], что не удивительно – в советское время изучению военной истории Сибири и Дальнего Востока во 2-й половине XIX — начале XX в. внимания уделялось значительно меньше, чем исследованию Европейской России. Подобная ситуация имела как плюсы, так и ощутимые минусы. К числу последних относится и явная однобокость оценки многих мероприятий (реформ, хозяйственных нововве-

дений и т. п.), эффективность которых анализировалась, а, соответственно, и оценивалась, сугубо на основе опыта европейских военных округов Российской империи, в то время как опыт округов Сибири и Дальнего Востока вообще не рассматривался. В то же время, в силу целого комплекса географических, экономических и социальных факторов, именно на этих территориях значительная часть общероссийских армейских нововведений начинала давать сбои или приносила плоды, весьма далекие от

ожидаемых, вплоть до противоположных. Даже самая тщательно продуманная мера, вроде распоряжения о строительстве полковых патронных сараев исключительно из кирпича, в целях снижения пожарной опасности рисковала наткнуться в имперской глуши на какое-нибудь непреодолимое препятствие в виде полного отсутствия кирпичного производства на тысячи верст вокруг.

Многие из этих факторов и сегодня продолжают оказывать влияние на службу войск, дислоцирующихся за Уралом, в связи с чем анализ исторического опыта, в том числе времен Российской империи, приобретает огромное практическое значение, тем более что опыт этот был во многом положительным. Примером могут служить революционные нововведения 1909 г. в области организации казарменного строительства, в результате которых был практически полностью решен в том числе и вопрос казарменного размещения войск всего Приамурского военного округа. Офицеры получили удобные квартиры в кирпичных флигелях, а нижние чины разместились в добротных кирпичных казармах. строительная операция заняла не более четырех с половиной лет [1, с. 139–159; 2, с. 366-368], при том, что списочный состав нижних чинов и офицеров в округе составлял, по данным на 1 января 1911 г., 100 321 и 3044 чел., на 1 января 1912 г. – 126 271 и 3038 чел. соответственно [12, с. 324, 341]. Качество построек оказалось таким, что они в большинстве своем благополучно пережили все катаклизмы ХХ в. и в значительной степени до сих пор используются по прямому назначению.

Для Иркутского военного округа проблема организации казарменного строительства в период между Русско-японской 1904—1905 гг. и Первой мировой 1914—1918 гг. войнами по-прежнему остается одной из самых малоизученных. В рамках данной статьи будет уделено внимание лишь началу процесса организации работы войсковых строительных комиссий в Иркутском военном округе в 1908—1910 гг., дальнейшее изучение которого требует не только серьезных архивных изысканий, но и некоторых полевых исследований.

Иркутский военный округ был воссоздан по окончании Русско-японской войны 1904–1905 гг., поскольку созданный в 1899 г. Сибирский военный округ [17, т. 19, № 17214; 18] не оправдал в полной мере возложенные на него надежды [см.: 4, с. 15-21]. На этот раз он воссоздан с полсистемой военно-окружного ноценной управления, несколько адаптированной к условиям региона. Обязанности Командующего войсками округа возложили на Иркутского генерал-губернатора. Возросла и территория округа, в который кроме Иркутской и Енисейской губерний и Якутской области вошла также Забайкальская область, ранее находившаяся в составе Приамурского военного округа [17, т. 26, Площадь округа составляла № 27565]. $142\,511$ миль² т. е. больше территории Европейской России вместе с Финляндией и Предкавказьем ($100~468~\text{миль}^2$), а население, по данным на 1911 г., - 2 683 000 чел., т. е. 19 чел. на 1 милю 2 территории [5, с. 24]. 12 мая 1906 г., после проработки деталей указанных преобразований был отдан соответствующий приказ по военному ведомству [19]. Новый округ начал функционировать 2 октября 1906 г. [15, с. 33–34].

Поскольку к моменту воссоздания округа значительная часть войск находилась еще за его пределами, первым и важнейшим вопросом, ставшим перед окружным начальством, была разработка и предоставление в Главный штаб для Высочайшего утверждения нормальной дислокации мирного времени для возвращавшихся частей. А поскольку их количество существенно превышало численность войск, дислоцировавшихся на вошедших в состав округа территориях до войны, то работа не была завершена даже к 1907 г. Задержка была вызвана необходимостью предварительно выяснить условия постройки казарм в пунктах, намеченных для квартирования войск, и окончательно решить вопрос о размещении перебрасываемой в начале 1907 г. из Маньчжурии 4-й Восточно-Сибирской стрелковой дивизии [6, с. 15]. Со всем этим худо-бедно разобрались только в 1908 г., когда и была утверждена нормальная дислокация войск Иркутского военного округа [7, с. 11]. Здесь нужно отме-

№ 292.

С.-Петербургъ. Мая 12-го дия 1906 года.

ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ въ 17-й день Марта сего года благоугодно было Высочай шв повельть:

- 1) Образовать Иркутскій военный округь изъ губерній: Иркутской и Енисейской и областей: Якутской и Вабайкальской съ возложеніемь на Иркутскаго Генераль-Губернатора обязанностей Командующаго войсками въ семъ округь и наименованіемъ его «Иркутскимъ Генералъ-Губернаторомъ и Командующимъ войсками Иркутскаго военнаго округа».
- 2) Оставить въ составъ Сибирскаго военнаго округа губернія: Тобольскую и Томскую и области: Акмолинскую и Семиналатинскую, нереименовавъ ихъ въ «Омскій военный округъ».
- 3) Включить въ составъ Иркутскаго Генералъ-Губернаторства Забайкальскую область, выдъливъ ее изъ Приамурскаго Генералъ-Губернаторства.

(По Главному Штабу).

Рис. 1. Приказ по военному ведомству № 292 от 12 мая 1906 г. о воссоздании Иркутского военного округа и вхождении в его состав Забайкальской области (копия)

тить, что сами возвращавшиеся войска в округе пришлось принимать, не дожидаясь окончательного решения вопроса об их будущем размещении, что породило колоссальное количество сложностей и имело самые печальные последствия в плане размещения прибывающих частей и соединений.

Существенно ухудшало ситуацию и то, что параллельно с этим в Военном министерстве пытались наконец определиться с общими взглядами на концепцию обороны государства, разрабатывали общероссийскую военную реформу, а, соответственно, и решали вопрос о численности и составе частей и соединений, которые по новым условиям и необходимо было иметь в каждом военном округе [28, с. 113-145]. Это тоже сильно оттягивало начало работ по масштабному казарменному строительству, поскольку именно от решения всех этих вопросов зависел окончательный выбор пунктов постоянного квартирования войск, а значит, и мест строительства казарменных городков. До этого времени дислокация войск определялась во многом фактическими возможностями их размещения, т. е. наличием помещений и удаленностью населенных пунктов от железной дороги,

по которой войска, в случае начала войны, надлежало в максимально короткие сроки перебросить либо на Запад, либо на Восток.

Характерно, что когда к 1910 г. в Военном министерстве наконец определились с новой дислокацией войск на территории всей империи, то проблемы с казарменным размещением войск возникли даже в Московском, Петербургском и Казанском военных округах. Причем в последнем все было настолько плохо, что тогдашний военный министр генерал от кавалерии В.А. Сухомлинов вынужден был в феврале 1910 г. доложить Николаю II сразу две схемы: «на первой изображена постоянная дислокация войск, намеченная мобилизационными и стратегическими соображениями, и на второй - временная дислокация, обусловлентребованиями размещения впредь до постройки казарм в пунктах постоянной дислокации» [10, л. 1-3]. И это было в сердце империи. На периферии же ситуация традиционно выглядела заметно хуже.

Военный министр Российской империи в 1905—1909 гг. А.Ф. Редигер писал поэтому поводу в своих воспоминаниях: «Войска, расположенные в Сибири, всегда были в тяжелом положении в смысле их расквар-





Рис. 2. Военный министр Российской империи Александр Федорович Редигер (21.06.1905—11.03.1909)

тирования, и до войны значительная часть имевшихся казарм была построена самими войсками хозяйственным способом. После войны состав сибирских войск значительно усилился вследствие обращения стрелковых полков в четырехбатальонный состав и добавления многих частей специальных родов оружия, а вместе с тем недостаток в казармах стал ощущаться особенно остро... Ввиду этого, тотчас по окончанию войны, местное начальство стало настоятельно просить об отпуске денег на постройку казарм. Взяв сколько возможно из нашего скудного предельного бюджета, я стал ежегодно выпрашивать у Совета министров по несколько миллионов на это дело; но крупный размер предстоявших работ заставлял относиться особенно внимательно к способу производства» [21, с. 237].

Александр Федорович Редигер был убежден, что если военные инженеры будут вести строительство обычным подрядным способом, то оно будет выполнено «либо плохо, либо едва удовлетворительно, и не менее четверти ассигнуемых сумм разойдутся по карманам». И тогда он решил в корне изменить систему казарменного строительства в империи - вести строительство при посредстве Главной казарменной комиссии, производившей работы в Европейской России, через войсковые комиссии, при участии в них Контроля. Характерно, что начальство Иркутского военного округа, в отличие от Приамурского, быстро согласилось на подобную меру [21, c. 237-238].

По сути, войсковая строительная комиссия представляла собой легализованную, институционализированную и официально финансируемую форму и ранее существовавшей системы организации военно-жилищного строительства, когда сами войска решали, что им нужно строить и как, а затем и строили «силами самих» полков, батарей и т. д. Эта парадоксальная форма самообеспечения казармами была наиболее всего распространена на окраинах империи, например, в Приамурском военном округе, где расквартированным частям приходилось порой годами и десятилетиями ждать, когда у инженерного ведомства дойдут руки до строительства им казарм. Проще было найти деньги и построить самим, что и делали с завидной регулярностью. Теперь же решение вопроса передали от Окружных инженерных управлений и инженерных дистанций (где таковые имелись) напрямую войскам, хотя разработкой проектов или адаптацией проектов типовых (чаще всего - «кирпичных ящиков обычного образа нашего Казарменного Комитета» в Петербурге, совершенно непригодных для суровых климатических условий Сибири и Дальнего Востока [1, с. 365]), попрежнему могли заниматься военные инженеры. Следить за отсутствием коррупции, традиционно именуемой в Российской империи казнокрадством, мздоимством и лихоимством, должен был Государственный Контроль [1, с. 139-144]. Проверка осуществлялась либо предварительная, либо фактическая — в зависимости от ситуации [7, c. 10].

Проблема действительно требовала радикального решения. В 1908 г. в Иркутском военном округе было самое малое в империи количество каменных «казарменных помещений» - всего 54, «различных строений» -26 и госпиталей -6; при том что по количеству деревянных «казарменных помещений» он был на 3-м месте в империи – 1279, после Виленского (2110) и Приамурского (1572) военных округов [14, с. 5]. Списочный же состав нижних чинов и офицеров в округе составлял, по данным на 1 января 1911 г., – 58 277 и 1988 чел., на 1 января 1912 г. – 68 519 и 1973 чел., на 1 апреля 1912 г. – 71 753 и 2072 чел., соответственно [12, с. 308, 341-342].

Таким образом, как официально указывалось в одном из отчетов, написанных в 1910-1911 гг.: «В 1908 году, вследствие не вполне успешной строительной деятельности военно-инженерного ведомства и в видах удешевления стоимости построек, дело казарменного строительства в Иркутском и Приамурском военных округах было передано в ведение войсковых строительных комиссий, под общим руководством Высочайше учрежденной при Военном Совете главной казарменной комиссии, преобразованной ныне в главный комитет по устройству казарм» [8, с. 395]. Причем, несмотря на то что из-за скудности военного бюджета империи в Омском, Иркутском и Приамурском округах строительные мероприятия начали за счет чрезвычайных кредитов, во многих пунктах этих округов войсковые строительные комиссии были созданы в том же году [16, с. 51]. Всего в 1908 г. в распоряжение Высочайше учрежденной при Военном совете комиссии по устройству казарм было ассигновано 4 694 000 руб., причем к концу года эта сумма была полностью израсходована [16, с. 10–11]. Из предназначенного к отпуску из чрезвычайной сметы канцелярии Военного министерства 1908 г. ассигнования 8 000 000 руб., на постройку казарм в трех Сибирских военных округах отпущено было 1 655 663 руб. и испрашивалось к отпуску на следующий год 1 845 991 руб. 52 коп. [14, с. 8].

Скорее всего, начальный этап работы войсковых строительных комиссий в Иркутском военном округе оставил бы после себя крайне мало документов, причем преимущественно технического характера, что существенно осложнило бы историкам работу по его исследованию, если бы не одна случайность. В 1910 г. в округе работала ревизия сенатора Антона Адамовича Глищинского, направленная для ревизии «учреждений и установлений военного ведомства» Иркутского и Приамурского военных округов - одна из трех ревизий военных округов из более чем 126 сенаторских ревизий, проведенных в 1801-1917 гг. [9, с. 84-87], которая не только увидела этот процесс вживую, но и описала. Соответствующий том отчета удалось разыскать сравнительно недавно [8]. Представленные в нем данные позволяют достаточно полно воссоздать картину начала работы войсковых строительных комиссий в Иркутском военном округе и проанализировать проблемы, с которыми они сталкивались.

Ко времени прибытия ревизора в Иркутском военном округе действовали уже 10 войсковых строительных комиссий:

- 1) Красноярская (в г. Красноярске) по постройке казарм с офицерскими квартирами для 30-го и 31-го Сибирских стрелковых полков и для 8-го Сибирского горного артиллерийского дивизиона с парком. Состав комиссии: председатель генерал-майор П.А. Андреев (командир 1-й бригады 8-й Сибирской стрелковой дивизии, штабы бригады и дивизии находились в Красноярске [13, с. 78; 25, с. 644]), 2 представителя от войсковых частей, член от гражданской администрации, техник и его помощник.
- 2) Даурская (на станции Даурия [Мациевская]) по постройке казарм с офицерскими квартирами для 15-го Сибирского стрелкового полка, под председательством полковника И.Е. Гулыги (командир полка [13, с. 74; 27, с. 532]), в составе 2 представителей от войсковых частей, члена от гражданской администрации и техника.
- 3) Антипихинская (в пос. Антипиха) по постройке казарм с офицерскими квартирами для 1-го Сибирского осадного артиллерийского полка, под председательством полковника В.П. Сагатовского (коман-



Рис. 3. Переправа орудия через реку. Урочище Березовка Забайкальской области, начало ХХ в.

дир полка¹), в составе 2 представителей от войсковых частей и техника.

- 4) Ново-Цурухатуйская (в пос. Ново-Цурухатуй) — по постройке казарм для 1-го Аргунского казачьего полка и 1-й Забайкальской батареи Забайкальского казачьего войска. Ко времени производства ревизии председателем комиссии был полковник А.Д. Софронов (командир 1-го Аргунского казачьего полка [26, с. 594]), в составе нее числился 1 техник, а представители от войсковых частей еще не были назначены.
- 5) Троицко-Савская (в г. Троицкосавске) по постройке казарм с офицерскими квартирами для 20-го Сибирского стрелкового полка, под председательством генерал-майора В.Ф. Эльша (по официальным данным на 1 января 1910 г. командир 2-й бригады 5-й Восточно-Сибирской стрелковой дивизии; штаб бригады располагался в г. Троицкосавске [23, с. 74; 24, с. 716]), в составе 2 представителей от вой-

сковых частей, представителя от гражданской администрации и техника.

- 6) Нижнеудинская (в г. Нижнеудинске) по постройке казарм с офицерскими квартирами для 3-го Сибирского мортирного артиллерийского дивизиона, под председательством полковника Ф.А. Александрова (командир существовавшего до реформы 1910 г. 2-го пехотного Сибирского резервного Читинского полка, дислоцировавшегося в г. Нижнеудинске [23, с. 119; 26, с. 46]), в составе 2 представителей от войсковых частей, 1 члена от гражданской администрации и техника.
- 7) Канская (в г. Канске) по постройке казарм с офицерскими квартирами для штаба и двух батальонов 32-го Сибирского стрелкового полка, под председательством генерал-майора К.И. Бачевского (командир 2-й бригады 8-й Сибирской стрелковой дивизии, штаб которой тогда временно находился в г. Канске [13, с. 78; 26, с. 698]), в составе 2 представителей от войсковых частей, члена от гражданской администрации и техника.
- 8) Ачинская (в г. Ачинске) по постройке казарм с офицерскими квартирами для 29-го Сибирского стрелкового полка,

¹ Биография В.П. Сагатовского подробно исследовалась, однако этот эпизод его службы ранее известен не был [1, с. 384–388].

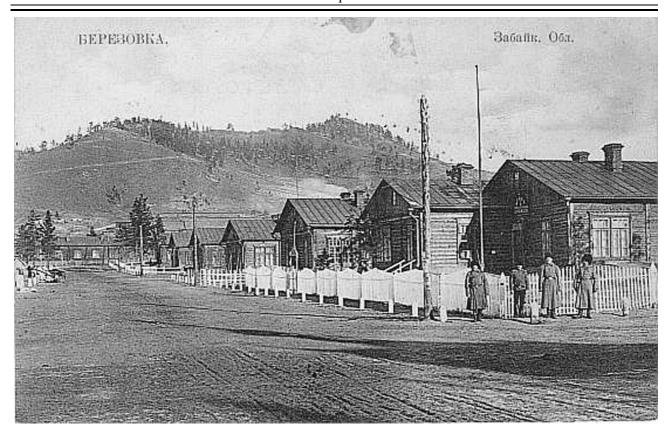


Рис. 4. Урочище Березовка Забайкальской области, конец XIX – начало XX в.

под председательством полковника Г.Н. Ермолова (командир существовавшего до реформы 1910 г. 4-го пехотного Сибирского резервного Верхнеудинского полка, официальным местом дислокации которого был г. Ачинск [23, с. 119; 26, с. 664]), в составе 2 представителей от войсковых частей, члена от гражданской администрации и техника.

9) Березовская (в урочище Березовка) — по постройке офицерских квартир для 17-го, 18-го и 19-го Сибирских стрелковых полков, под председательством генералмайора А.В. Де-Роберти, в составе 2 представителей от войсковых частей, члена от гражданской администрации и техника.

10) Стретенская (на станции Стретенской) – по постройке казарм с офицерскими квартирами для штаба и одного батальона 16-го Сибирского стрелкового полка, под председательством генерал-майора Н.К. Болдырева (по официальным данным до 21 мая 1910 г. командир 2-й бригады 4-й Восточно-Сибирской стрелковой дивизии, штаб которой находился в Стретенске [13, с. 74; 23, с. 73; 25, с. 549]), в составе двух представителей от войсковых частей и техника [8, с. 395–397].

Таким образом, почти все комиссии были созданы непосредственно в местах дислокации частей, для которых предполагалось вести строительство.

Теперь остановимся на деятельности каждой из перечисленных комиссий и рассмотрим задачи, поставленные каждой из них. Это даст возможность более конкретно представить как объем производимых работ, так и трудности, с которыми сталкивалась каждая из войсковых строительных комиссий. Боле того, эти данные облегчат проведение дальнейших полевых исследований, т. е. поиск и изучение возведенных сооружений непосредственно на местности.

Изучение деятельности войсковых строительных комиссий ревизующий сенатор начал с **Красноярской войсковой строительной комиссии**, которой предстояло осуществить огромный объем работ даже по современным меркам. Так, для 30-го Сибирского стрелкового полка должны были построить: 1) каменный одноэтажный дом для командира полка; 2) каменный 3-этажный флигель на 14 квартир для 4 штаб-офицеров, 2 старших и 8 младших офицеров; 3) каменный 3-этажный флигель на 15 квартир для 3 штаб-



Рис. 5. Переправа через р. Шилка в г. Стретенск Забайкальской области, конец XIX – начало XX в.

офицеров, 2 старших и 9 младших офицеров; 4) каменный 3-этажный флигель на 12 квартир для 12 старших офицеров; 5) каменный 2-этажный флигель на 7 квартир для 1 старшего и 6 младших офицеров; 6) каменный 2-этажный флигель на 8 квартир для 8 младших офицеров; 7) каменный 3-этажный флигель на 12 квартир для 12 офицеров; 8) 2 каменных младших 3-этажных флигеля на 12 квартир для 12 младших офицеров каждый; 9) каменное одноэтажное здание для офицерского собрания; 10) каменный 2-этажный флигель для канцелярии и гауптвахты; 11) 3 каменных 2-этажных солдатских батальонных корпуса; 12) каменную одноэтажную батальонную столовую с кухнями; 13) каменный 2-этажный флигель для помещения учебной команды; 14) каменный 2-этажный флигель для помещения нестроевых и мастеровых нижних чинов и мастерских: швальной, закройной и шорной; 15) каменную полковую кузницу с мастерскими: плотничной и оружейной; 16) каменную полковую пекарню с помещением для муки, хлеба и жилья хлебопеков; 17) каменную солдатскую полковую баню с прачечною; 18) каменный 2-этажный флигель для помещения команд разведочной, ординар-

ческой и пулеметной; 19) 4 каменных погреба: 3 на 4 отделения и 1 на два отделения; 20) 3 каменных одноэтажных здания полковых цейхгаузов для хранения неприкосновенного запаса оружия, а также шорных, расходных и лазаретных вещей; 21) каменный 2-этажный приемный покой на 20 кроватей; 22) каменную конюшню на 88 лошадей; 23) каменный павильон для музыкантов; 24) 2 каменных патронных сарая; 25) 8 каменных сараев для хранения полкового обоза; 26) 6 каменных сараев для хранения дивизионного обоза; 27) 2 каменных сарая для хранения сухарного запаса; 28) деревянный навес для артельных пово-ДВУМЯ экипажными 29) 6 больших бетонных помойных ям и 2 малых; 30) 6 колодцев; 31) каменную одноэтажную баню с прачечной; 32) 6 каменных ледников для полкового командира офицерского собрания и офицеров; 33) 8 сараев для дров; 34) пять бетонных отхожих мест; 35) 5 бетонных помойных ям малого размера.

Большинство перечисленных выше каменных сооружений к концу строительного периода 1910 г. уже были начаты постройкой: были сложены фундаменты и цоколи, а в некоторых даже стены до первых этажей.

Для 31-го Сибирского стрелкового полка комиссии предстояло возвести: 1) каменный одноэтажный дом для командира полка; 2) каменный 3-этажный флигель на 14 квартир для 4 штаб-офицеров, 2-х старших и 8 младших офицеров; 3) каменный 3-этажный флигель на 15 квартир для 3 старших и 9 младших офицеров; 4) каменный 3-этажный флигель на 12 квартир для 12 старших офицеров; 5) 2 каменных 3-этажных флигеля на 10 квартир для 2 старших и 8 младших офицеров; 6) каменный 2-этажный флигель на 7 квартир для 1 старшего и 6 младших офицеров; 7) 2 каменных 2-этажных флигеля на 8 квартир для 8 офицеров; 8) 2 каменных 3-этажных флигеля на 12 квартир младших офицеров; 9) каменный 3-этажный флигель на 12 квартир для младших офицеров; 10) каменный одноэтажный флигель для одного штаб-офицера; 11) каменную одноэтажную офицерскую баню с прачечною; 12) 6 каменных ледников – для командира полка, офицерского собрания и офицеров; 13) 8 сараев для дров – командира полка, офицерского собрания офицеров; И 14) 6 бетонных отхожих мест и 6 бетонных помойных ям малых; 15) каменное одноэтажное здание офицерского собрания; 16) каменный 2-этажный флигель для канцелярии и гауптвахты; 17) 4 каменных 2-этажных солдатских батальонных корпуса; 18) 4 каменных одноэтажных батальонных столовых с кухнями; 19) каменный 2-этажный флигель для помещения учебной команды; 20) каменный 2-этажный флигель для помещения нестроевых и мастеровых нижних чинов и швальной, закройной и шорной мастерских; 21) каменную полковую кузницу с мастерскими плотничной и оружейной; 22) каменную полковую пекарню с помещением для муки, хлеба и хлебопеков; 23) каменную солдатскую полковую баню с прачечной; 24) каменный 2-этажный флигель для помещения разведочной, ординарческой и пулеметной команд; 25) 5 каменных погребов; 26) 3 каменных одноэтажных полковых цейхгауза для хранения неприкосновенных запасов, оружия и шорных расход-

также лазаретных вешей: 27) каменный 2-этажный приемный покой на 20 кроватей; 28) здание каменной конюшни на 88 лошадей; 29) каменный павильон для музыкантов; 30) два каменных патронных склада; 31) 8 каменных сараев для хранения полкового обоза; 32) 6 каменных сараев для хранения дивизионного обоза; 33) 2 каменных сарая для хранения сухарного запаса; 34) деревянный навес для артельных повозок с двумя экипажными сараями для офицеров; 35) 7 бетонных помойных ям большого размера; 36) 2 бетонных помойных ямы малого размера; 37) 6 колодцев с теплыми деревянными будками. Из этих построек к концу строительного периода 1910 г. только в солдатских казармах были сложены фундаменты и один ряд цоколя. Для остальных зданий была произведена лишь разбивка и частью выкопаны рвы.

Кроме этого, та же комиссия должна была соорудить для частей 8-й Сибирской стрелковой дивизии в г. Красноярске церковь на 900 молящихся. К этой работе приступили лишь 15 августа 1910 г., однако к концу строительного периода фундамент церкви был уже выведен.

Что касается постройки казарм и необходимых сооружений для 8-го Сибирского горного артиллерийского дивизиона с парком, то эти работы так и не начали «за неполучением из главного комитета по устройству казарм перечня проектов зданий» [8, с. 397–400].

Приступить непосредственно к строительству ранее мая 1910 г. комиссии не удалось. Мешали происходившие в дислокации войск изменения, необходимость заранее приобрести нужные земельные участки и осуществить прочие подготовительные мероприятия. Тем не менее, как констатировал сенатор, «строительная комиссия, сравнительно, весьма успешно приступила к выполнению лежащей на ней задачи».

Весь 1909 г. заняла заготовка строительных материалов, заключение контрактов и договоров на производство работ и доставку материалов. Вот здесь и начала проявляться специфика региона, ибо комиссия нередко попадала в затруднитель-

ное положение, «вследствие неудачи объявленных ею торгов, за отсутствием желающих торговаться. Посему приходилось, обыкновенно, назначать соревнование лишь между отдельными лицами, причем такая постановка дела приводила иногда к благоприятным результатам в смысле понижения объявленных цен до 25 %, что имело, например, место по отношению к кузнечно-слесарным, земляным и асфальтовым работам».

Система отдачи подрядов и поставок с торгов давала сбои из-за крайне ограниченного количества мелких подрядчиков в районе деятельности Красноярской войсковой строительной комиссии. По мнению ревизующего сенатора, сыграло свою роль и то, что из «имеющихся налицо подрядчиков и поставщиков подавляющее большинство евреи, которые... объединены солидарностью интересов и племенною замкнутостью, взаимно поддерживают друг друга и отнюдь не склонны состязаться на торгах, в ущерб собственным интересам и к выгоде казны» [8, с. 400–401].

Еще одна проблема, с которой сталкивались практически все войсковые строительные комиссии на всем пространстве от Владивостока до Красноярска - это отсутствие кирпича, из которого и предстояло строить. Его доставка была делом хлопотным, дорогим, а главное - очень медленным. Именно поэтому для большей части Приамурского и Иркутского военных округов типовым решением проблемы стала организация кирпичного производства на месте. Во Владивостоке, например, его производили даже на Русском острове, причем обе работавшие там войсковые строительные комиссии [1, с.153–157; 8, c. 424-448].

Красноярская комиссия тоже оборудовала на средства в размере 75 000 руб., отпущенные главным комитетом по устройству казарм, кирпичный завод, поскольку достаточного количества кирпича на местном рынке не было. «Завод этот располагает в настоящее время двумя гофманскими печами, производительностью от 10 до 15 миллионов кирпичей в год и начал действовать с мая месяца 1909 г., причем ко времени осмотра его в порядке ревизии, про-

изведенном 25 сентября 1910 года, найден был в полной исправности, а вырабатываемый кирпич оказался хорошего качества», – констатировал А.А. Глищинский [8, с. 401].

Любопытно, что во время производства ревизии «ревизующим Сенатором были получены, между прочим, негласные сведения о злоупотреблениях, допущенных будто бы Красноярскою войсковою строительною комиссиею по отдаче подрядов и поставок исключительно местным евреям, сосредоточившим в своих руках строительное дело, причем русские предприниматели, несмотря на то, что предлагали низшие цены, не могли получить ни одного подряда. Однако, при проверке в порядке ревизии означенные сведения не нашли себе достаточного подтверждения» [8, с. 401]. Таким образом, приступ конкурентного антисемитизма был пресечен. В честности сенатора сомневаться не приходится, поскольку, например, после его работы во Владивостокской крепости под суд были отправлены вообще практически все строившие там военные инженеры, поголовно [1, с. 159–186; 8, c. 166–219, 380–394, 468–474]²!

Сопоставимые по масштабам задачи стояли и перед Даурской войсковой строительной комиссией, которая должна была возвести для 15-го Сибирского стрелкового полка: 1) 8 2-этажных каменных казарм на 2 роты каждая; 2) 4 батальонных одноэтажных казармы; 3) 2-этажное здание для канцелярии и гауптвахты; 4) такие же здания для учебной команды, нестроевой роты и пулеметной команды; 5) одноэтажное здание оружейной мастерской; 6) здания хлебопекарни, бани, конюшни и цейхгауза; 7) 4 обозных сарая; 8) патронный склад; 9) помещение для хранения сухарей; офицерских экипажей; навес для 11) лазарет на 100 кроватей; 12) павильон для музыкантов; 13) 8 2-этажных офицерских флигелей; 14) 4 одноэтажных офицерских флигеля; 15) дом для командира бригады; 16) дом для командира полка; 17) офицерское собрание; 18) офицерскую баню; 19) 2 типовых одноэтажных дере-

² Биографии инженеров Владивостокской крепости вместе со всеми перипетиями судебных процессов, в итоге закрытых, исследовались специально [2].

вянных офицерских дома по 4 квартиры (к отъезду ревизора здания эти закончили настолько, что в них разместились чины строительной комиссии, нижние чины технического отдела и канцелярия комиссии. Выстроены они были из дерева на каменных фундаментах, и «впоследствии будут обложены снаружи кирпичом»); 20) 2 типовых одноэтажных офицерских дома по две квартиры каждый – находились в таком же состоянии и служили тем же целям, как и предыдущие два строения; 21) 2 типовых офицерских 2-этажных дома по 4 квартиры каждый - была закончена кирпичная кладпредстояли плотничьи работы; 22) 2 типовых офицерских 2-этажных каменных дома по 12 квартир – в одном кирпичную кладку довели до балок 2-го этажа, в другом вывели из бутового камня фундамент до изолирующего слоя; 23) офицерскую баню, в которой кладку уже закончили и собирались приступить к плотницким работам: 24) здание ДЛЯ телеграфного отделения - уже выстроен деревянный дом, в котором с ноября 1909 г. и размещается почтово-телеграфное отделение; 25) павильон для музыкантов – тоже уже выстроен из бревен на каменном фундаменте и служил манежем для занятий находящейся в Даурии роты; 26) две казармы.

Сверх этого комиссия уже успела выстроить ряд сооружений вспомогательного характера: 2 временных деревянных барака для размещения охранной роты, находящейся в Даурии; 6 таких же бараков для чинов комиссии; 3 временных сооружения; 2 временных конюшни для обозных лошадей комиссии; здание кузницы; 4 склада для железа, приборов, разных материалов и динамита; 6 сараев для извести и 2 колодца с тепляками и печами для обогревания насосов. Для ускорения и облегчения работ комиссия даже соорудила на протяжении 10 верст «дековилевский путь» - узкоколейную железную дорогу для подвоза бутового камня «хозяйственным способом».

«В общем, – как констатировал А.А. Глищинский, – деятельность Даурской войсковой строительной комиссии следует признать вполне удовлетворительной, тем более что войсковые строительные комиссии в Сибири, по сравнению с комиссиями,

действующими в Европейской России, поставлены в крайне неблагоприятные условия, так как успех работ здесь зависит от многообразных привходящих тельств, не поддающихся точному учету. Как на пример затруднений, тормозящих правильный ход деятельности сих комиссий, можно указать на случай поголовного ухода в июле 1910 года возчиков камня и чернорабочих с построек, возводимых Даурской войсковою строительною комиссиею для 15 Сибирского стрелкового полка, на так называемый тарабаганий промысел³. Вследствие сего на означенные выше работы назначались временно, в течение двух недель, нижние чины, что не могло не отразиться на успешности общего хода работ» [8, c. 401–402].

Значительно меньший объем работ предстояло осилить Троицко-Савской войсковой строительной комиссии, возводившей для 20-го Сибирского стрелкового полка в строительный период 1910 г.: 1) 4 солдатских корпуса – «фундаменты выбучены» (т. е. сложен фундамент из каменно-бутовой кладки), цоколи сложены и покрыты асфальтовым изоляционным слоем, а кирпичная кладка стен доведена до окон первого этажа; 2) столовую № 1, с капустниками и погребами - сложены цоколи, стены капустников и погребов до потолочных балок; 3) столовую № 2 – «фундаменты выбучены»; 4) лазарет на 100 человек - «фундаменты выбучены», сложены цоколи, положен асфальтовый изоляционный слой и асфальт прикрыт двумя рядами кирпича; 5) канцелярию с гауптвахтой -«фундаменты выбучены», сложены цоколи и покрыты асфальтовым изоляционным слоем, а стены доведены кладкой до окон первого этажа; 6) церковь - «фундаменты выбучены».

Поскольку работы по возведению этих построек были начаты лишь в мае 1910 г. и

³ Точнее — тарбаганий промысел — охота на сибирского сурка (тарбагана, Marmota Sibirica, около 60 см длиной, природный носитель чумы), широко распространенного в Забайкалье. Велась самыми различными способами, в основном с целью добычи меха, реже — мяса и жира. Обычно происходила весной и осенью, так как именно в это время мех был наилучшего качества. Реже — в первой половине лета [11, с. 331–333].

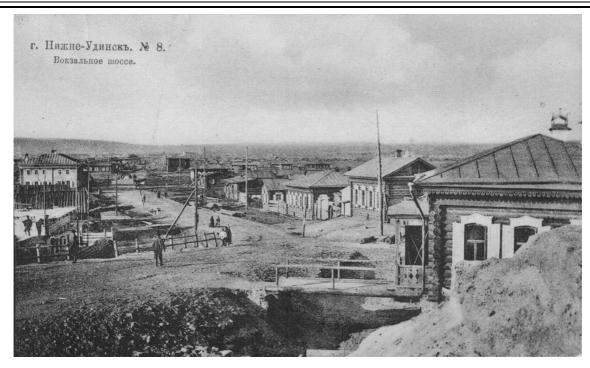


Рис. 6. Вокзальное шоссе в г. Нижнеудинск Забайкальской области, конец XIX – начало XX в.

прекращены 9 октября того же года в связи с окончанием строительного сезона, «за столь краткий срок указанная деятельность комиссии может считаться успешною». В строительный сезон 1911 г. предполагалось 4 солдатских корпуса, столовую с капустниками, лазарет, церковь и канцелярию довести под крышу и покрыть.

Характерно, что и здесь «весь успех указанных выше работ находится в зависимости от количества кирпича, которое будет в состоянии выработать единственный местный кирпичный завод инженера Смигельского, законченный постройкою 24 июля 1910 г. и оборудованный машинами лишь 25 октября». Ревизующий сенатор с грустью констатировал: «Такую зависимость квартирного устройства войск от частной предпринимательской деятельности едва ли можно признать нормальной» [8, с. 403–404].

Со строительства собственного кирпичного завода начала свою деятельность и Нижнеудинская войсковая строительная комиссия. Чтобы не перевозить кирпичи на подводах, от завода к месту производства строительных работ провели узкоколейную железную дорогу. Завод в рамках проектных мощностей работал отменно и ко времени приезда в Нижнеудинск ревизующего сенатора уже успел произвести и об-

жечь до 700 000 штук кирпича. В том же 1910 г. активно вели заготовку бутового камня, песка, извести, кровельного железа, дерева и других строительных материалов. Это дало ревизору основание надеяться, что «Нижнеудинская войсковая строительная комиссия будет обеспечена сими материалами и с успехом выполнит лежащую на ней задачу».

Впрочем, в 1910 г. к постройке зданий так и не приступили, «за неутверждением проектов». Начать собирались 1911 г. и закончить к ноябрю 1912 г., выстроив за это время для 3-го Сибирского мортирного артиллерийского дивизиона: 1) 1 2-этажную казарму для 1-й батареи; 2) 2-этажную казарму для 2-й батареи; 3) 2-этажное здание штабного флигеля (дивизионная канцелярия, караул, приемный покой и учебная команда); 4) 2 конюшни, на 96 лошадей каждая; 5) 3 артиллерийских сарая; 6) 3 цейхгауза для артиллерийского и интендантского имущества; 7) здание пекарни; 8) склад сухарного запаса; 9) капустный погреб; 10) солдатскую баню; 11) мастерские и 2 кузницы; 12) ветеринарный лазарет; 13) отделение заразных лошадей; 14) склад боевого комплекта; 15) навес для артельных повозок; 16) офицерское собрание; 17) дом для командира дивизиона; 18) 3 2-этажных и 1 одноэтажный флигели для офицерских квартир; 19) здание офицерской бани; 20) 6 опускных колодцев с отапливаемыми над ними будками; 21) необходимые сооружения вспомогательного характера, как то дровяные сараи, помойные и навозные ямы, ограды, канавы и проч. Все указанные здания, за исключением заразного отделения для лошадей, навеса для артельных повозок и дровяных сараев, предполагалось выстроить из кирпича, на каменном фундаменте [8, с. 404–405].

Сооружения для 32-го Сибирского стрелкового полка в г. Канске (для штаба и двух батальонов) должна была возвести Канская войсковая строительная комиссия: 1) 8 каменных флигелей для офицерских квартир, из которых 2 – одноэтажных, 2 - 2-этажных и 4 - 3-этажных; 2) каменную одноэтажную баню с прачечной; 3) 13 каменных ледников для командира полка и младших офицеров; 4) 10 сараев для дров при квартирах командира полка и офицеров; 5) бетонные помойные ямы и бетонные отхожие места для офицерской прислуги; 6) одноэтажное здание для офицерского собрания; 7) каменное 2-этажное здание для полковой канцелярии и гауптвахты; 8) 2 каменных батальонных корпуса; 9) 1 каменный 2-этажный флигель для учебной команды; 10) каменный 2-этажный флигель для помещении музыкантов нестроевых полковых мастерских (швальной и закройной) и жилья мастеровых; 11) каменный 2-этажный флигель для разведочной и пулеметной команд; 12) 2 каменных одноэтажных батальонных столовых с кухнями; 13) 1 каменный капустный погреб на 10 отделений (для 8 рот, офицерского собрания, учебной команды и нестроевой роты); 14) каменную полковую хлебопекарню с помещением для муки, хлеба и жилья хлебопеков; 15) каменную полковую баню с прачечною; 16) каменную полковую кузницу с мастерскими: плотничной, оружейной, шорной и помещением для 4 полковых каптенармусов и ветеринарного фельдшера; 17) каменный павильон «для сыгрывания музыкантов»; 18) каменный 2-этажный приемный покой на 20 кроватей; 19) 3 каменных одноэтажных цейхгауза; 20) одну 4-рядную конюшню на 56 лошадей; 21) каменный патронный склад; 22) 6 каменных обозных сараев; 23) каменный сарай для сухарного запаса; 24) деревянный навес для артельных повозок с двумя сараями для офицерских экипажей; 25) разного рода вспомогательные сооружения, как то: помойные ямы, колодцы и проч.

Из этих построек ко времени приезда ревизора были начаты два каменных 2-этажных батальонных корпуса, причем в одном из них приступили к кладке фунда-



Рис. 7. «Главный виновник» случая, чуть не приведшего к срыву работ Даурской войсковой строительной комиссии в строительный сезон 1910 г. – сурок тарбаган

мента, для строительства другого только сняли с земли растительный слой. В зданиях каменных одноэтажных батальонных столовых с кухнями возвели фундаменты с цоколями и положили изоляционный слой. Более никаких сооружений, не считая одного каменного колодца, возведено не было, и деятельность Каннской войсковой строительной комиссии «до последнего времени носила чисто подготовительный характер».

Заготовленные комиссией строительные материалы ревизующему сенатору тоже не понравились: заготовленный в ноябре 1909 г. камень (25 куб. саж.) был мелкий, а заготовленный к тому же сроку в весьма ограниченном количестве лес имел много досок неудовлетворительного качества и частью гнилых. «Ввиду приведенных данных и принимая во внимание, что начало деятельности названной выше комиссии относится к февралю 1909 года, нельзя, казалось бы, не признать, что деятельность этой комиссии до настоящего времени представляется не вполне удовлетворительною», - писал в отчете А.А. Глищинский [8, с. 405-407].

Более успешной оказалась деятельность Ачинской войсковой строительной комиссии, возводившей для 29-го Сибирского стрелкового полка следующие постройки: 1) дом для командира полка - к концу строительного сезона 1910 г. - заканчивался вчерне; 2) 4 2-этажных флигеля для офицерских квартир – из них для двух «выбучены» были к концу октября фундаменты; 3) 7 3-этажных офицерских флигелей - под 2 из них «выбучены» фундаменты, остальные не начаты еще постройкой; 4) офицерскую баню с прачечной; 5) 9 ледников – для командира полка, офицерского собрания и офицерских квартир; 6) 7 дровяных сараев - для квартир командира полка и офицеров; 7) 5 бетонных отхожих мест и 5 бетонных помойных ям малого размера; 8) здание офицерского собрания; 9) полковую канцелярию с гауптвахтой - все перечисленные сооружения, начиная с четвертого, еще не начаты постройкой; 10) 4 батальонных корпуса - к концу строительного периода 1910 г. 2 из них закончены были вчерне и 2 – до нижней линии пояса

1-го этажа; 11) флигель для учебной команды – еще не начат постройкой; 12) флигель для музыкантов, нестроевых и т. д. - к концу того же строительного периода был закончен вчерне; 13) флигель для пулеметной и разведочной команд - также к концу октября закончен был вчерне; 14) 4 здания батальонных столовых с кухнями - к вышеуказанному сроку одно закончено было вчерне, под одно производилась бутовая кладка фундамента, а 2 остальных не были начаты постройкой; 15) 2 капустных погреба один на 8, другой на 10 отделений – ко времени визита сенатора не были начаты еще постройкой; 16) здание полковой хлебопекарни с помещением для муки, хлеба и хлебопеков; 17) полковую баню с прачечной; 18) кузницу с мастерскими; 19) павильон для музыкантов; 20) приемный покой на 20 кроватей – все перечисленные здания, начиная с 16 по порядку, еще не 21) полковой 22) 4-рядную конюшню на 80 лошадей и патронный склад - еще не начинали постройкой; 23) 6 обозных сараев - закончены вчерне, а 3 еще не были начаты постройкой; 24) сарай для сухарного запаса; 25) навес для артельных повозок с сараями; 26) 5 бетонных помойных ям; 27) 6 колодцев опускных каменных - все строения, начиная с 24 по порядку, не начаты еще постройкой. Кроме того, комиссии предстояло оградить участок земли и «в настоящее время вырыта уже канава кругом». Все здания, за исключением навеса для артельных повозок, предполагалось возвести из камня и покрыть железом.

Сверх того, этой комиссией было возбуждено в установленном порядке ходатайство о разрешении построить полковую церковь, лазарет и два дивизионных сарая [8, с. 407–408].

Значительно больший объем работ Березовской войсковой предстоял строительной комиссии, которая должна была строить помещения сразу для не-Для 17-го, частей. 18-го и скольких Сибирских стрелковых 1) 2 кирпичных одноэтажных флигеля для командира полка и 2-х штаб-офицеров; 2) 7 кирпичных 2-этажных флигелей для квартир офицеров; 3) кирпичную одноэтаж-

No 100

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО. Не подлежить оглашенію.

ВСЕПОДДАННЪЙШІЙ ОТЧЕТЪ

о произведенной въ 1910 году,

по ВЫСОЧАЙШЕМУ повельню,

СЕНАТОРОМЪ ГЛИЩИНСКИМЪ

РЕВИЗІИ

УЧРЕЖДЕНІЙ И УСТАНОВЛЕНІЙ ВОЕННАГО ВЪДОМСТВА ИРКУТСКАГО И ПРИАМУРСКАГО ВОЕННЫХЪ ОКРУГОВЪ.

Военно-инженерное въдомство и войсковыя строительныя Номмисіи.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ. Государственная Типографія. 1911.

Рис. 8. Титульный лист Всеподданнейшего отчета о произведенной в 1910 г., по Высочайшему повелению, сенатором А.А. Глищинским ревизии учреждений и установлений военного ведомства Иркутского и Приамурского военных округов. Военно-инженерное ведомство и войсковые строительные комиссии. СПб.: Государственная типография, 1911

ную офицерскую баню с прачечной – для всех вышеперечисленных построек к моменту приезда ревизора были уже заложефундаменты и уложены цоколи; 4) 2 2-этажных кирпичных флигеля для младших обер-офицеров; 5) кирпичный одноэтажный флигель для одного штабофицера и 2-х младших семейных оберофицеров - к работам по возведению флигелей, указанных в пп. 4 и 5, еще не приступали «вследствие приостановления проектов, согласно новой Высочайше утвержденной табели квартирного довольствия младших семейных обер-офицеров». Одновременно с рытьем фундаментов комиссией производилась по возможности и частичная планировка местности, причем было добыто и употреблено в дело 800 куб. саж. песка и заготовлено его же для будущих работ около 300 куб. саж.

Для 1-го Сибирского железнодорожного батальона комиссия должна была выстроить: 1) 2 кирпичных 2-этажных ротных казармы; 2) кирпичную одноэтажную кухню с пекарней; 3) кирпичный погреб на 4 роты; 4) деревянное здание батальонной мастерской; 5) кирпичное здание учебной команды; 6) деревянное здание приемного покоя; 7) деревянную конюшню; 8) деревянный обозный сарай; 9) деревянный неприкосновенного цейхгауз запаса: 10) кирпичную баню с прачечной и деревянное здание батальонной канцелярии; 11) такое же здание офицерского собрания; 12) 11 деревянных флигелей для квартир командира батальона и офицеров; 13) деревянный караульный дом; 14) деревянный оружейный цейхгауз; 15) деревянный патронный склад. Предполагалось также возведение нежилых надворных построек при офицерских флигелях.

К работам по возведению зданий 1-го Сибирского железнодорожного батальона до конца строительного периода 1910 г. не приступали, занимаясь только заготовлением строительных материалов, качество которых А.А. Глищинскому не очень понравилось: «Заготовленный хозяйственным способом лес, по своим качествам, требует тщательной сортировки прежде употребления в дело, ибо помимо обычной в Забайкалье косослойности и крупно-

слойности древесных пород, наблюдались гнилые части даже в штабелях, уже отсортированных комиссиею. Засим, заготовленные последнею доски, сложены в кучу почти без промежутков, что мешает правильной и равномерной их просушке. Камень, заготовленный комиссиею, в общем, хорошего качества, однако имеется много мелкого и укладка в штабеля недостаточно плотная. [Не очень понятно, идет ли речь в данном случае о небрежности или некоторых злоупотреблениях, поскольку объемы заготовленного камня обычно рассчитывали как раз по размерам штабеля. – Р.А.] Известь в непогашенном виде гасилась очень успешно, погашенная же известь заключала в себе много твердых тел в виде крупы, нерассыпавшихся частиц извести».

Однако эти проблемы были отнюдь не главными, поскольку строить сами здания было не из чего – достаточного количества кирпича на местном рынке не оказалось. В итоге, как писал ревизующий сенатор, комиссией был «поставлен на очередь вопрос о составлении сметы на оборудование полного кирпичного производства для заготовки кирпича хозяйственным способом. За отсутствием достаточного количества кирпича на местном рынке, такое начинание Березовской войсковой строительной комиссии нельзя не признать весьма целесообразным, так как, по-видимому, единственно отсутствием достаточного количества означенного строительного материала можно объяснить возведение для 1 Сибирского железнодорожного батальона даже патронного сарая из дерева, что представляет немалую опасность в случае пожара» [8, c. 408–410].

Почти исключительно заготовкой строительных материалов занималась и Стретенская войсковая строительная комиссия. К августу 1910 г. заготовлено было: сосновых бревен - 3799 шт., таких же чистых обрезных досок - 7311 шт., песка – 190,42 куб. саж. и кирпича 536 000 шт. Правда, качество их внушало серьезные опасения, поскольку камень был «сравнительно хорош, но укладка его неудовлетворительна - с большими пустотами в штабелях. Песок слишком мелок и со значительным содержанием глины, вследствие чего его нельзя признать вполне годным для проектированных работ. Засим в штабелях леса, принятых комиссиею, встречается значительное количество бревен с гнилью или признаками ея, несмотря на то, что лес свежий. Равным образом, не может быть признана удовлетворительною и известь, которая даже при продолжительном смачивании и даже вымачивании ея в ведре впитывала воду, принимая розовый цвет, но не гасилась и даже не растрескивалась, причем не наблюдалось и повышения температуры».

Между тем комиссия должна была выстроить для 16-го Сибирского стрелкового полка: 1) каменный одноэтажный дом командира полка; 2) 5 3-этажных каменных флигелей квартир офицеров; ДЛЯ 3) 2 2-этажных флигеля для той же цели; 4) каменное одноэтажное здание офицерского собрания; 5) каменную одноэтажную офицерскую баню с прачечной; 6) 5 или 6 каменных ледников для квартир командира полка, офицерского собрания и офицеров; 7) 4 или 5 сараев для дров; 8) 2 каменных 2-этажных 2-ротных корпуса; 9) 3 каменных одноэтажных батальонных столовых с кухнями, кладовыми и помещениями для хлебопеков; 10) 2 каменных капустных погреба; 11) каменный одноэтажный полковой цейхгауз; 12) каменную конюшню на 168 лошадей; 13) каменный патронный склад. Кроме того, названной строительной комиссии надлежит выстроить каменные полковые сараи на 403 повозки и необходимые усадебные постройки вспомогательного характера, как-то: колодцы, бетонные помойные ямы и проч. [8, c. 410-411].

Антипихинская войсковая строительная комиссия должна возвести для 1-го Сибирского полевого тяжелого артиллерийского дивизиона: 1) дом для командира дивизиона; 2) 7 флигелей для квартир офицеров; 3) ветеринарный лазарет; 4) солдатскую баню; 5) 2 сарая для хранения орудий; 6) 3 сарая для хранения электроосветительного имущества, зарядных ящиков и осадных дрог; 7) 2 сарая для хранения парных повозок и интендантского обоза; 8) офицерскую баню; 9) разного рода над-

ворные постройки вспомогательного характера, как-то: кузницу, ледники и проч.

В строительный сезон 1910 г. во всех перечисленных зданиях вывели бутовую кладку до цоколя (около 270 куб. саж.) и вырыли для них около 272 куб. саж. фундаментных рвов. В следующем строительном периоде предполагалось все намеченные к постройке здания возвести вчерне под крышу.

Ревизующий сенатор и здесь проверил заготовленный комиссией материал, который оказался «в общем, удовлетворителен. В частности, камень хорошего качества, но укладка его в штабелях очень слабая, со значительными промежутками. Ступени для лестниц заготовляются хорошие, из прочного камня. Заготовленная известь гасится успешно и рассыпается в мелкий порошок. Однако в мае месяце 1910 года комиссия еще не приступила к гашению извести и последняя гасилась и рассыпалась под влиянием воздушной влаги. В составе заготовленного леса, помимо косослойности, наблюдались гнилые части, вследствие чего, предварительно употребления леса в дело, его необходимо тщательно отсортировать» [8, с. 411–412]. В общем, упущения в деятельности Антипихинской войсковой строительной комиссии, хотя были налицо, но их вполне можно было ликвидировать в сравнительно короткий срок.

Не так было в Ново-Цурухатуйской войсковой строительной комиссии, где ситуация оказалась крайне запущенной. Хотя она и была обязана возвести казармы для 1-го Аргунского полка Забайкальского казачьего войска и 1-й Забайкальской казачьей бригады, но в 1910 г. не только не приступила к постройке зданий, но даже не начала и заготовки строительных материалов. «Вся деятельность комиссии исчерпывалась лишь тем, что 11 сентября 1910 года ею был сдан подряд на поставку кирпича и 25 октября того же года назначены торги на лесной материал и известь. Таким образом, названная комиссия за все время своего существования, начиная с 28 сентября 1909 года, почти ничем не проявила своей деятельности», - с нескрываемым удивлением констатировал столичный ревизор.

Ha неудовлетворительную деятельность этой войсковой строительной комиссии к этому времени обратил внимание даже Командующий войсками Иркутского военного округа Генерального штаба генерал от инфантерии А.В. Брилевич, который в октябре 1910 г. предписал командиру 2-го Сибирского армейского корпуса произвести по этому поводу расследование. Впрочем, А.А. Глищинский практически сразу обнаружил причину подобных безобразий. Дело в том, что в пос. Ново-Цурухатуй была допущена ошибка, крайне редкая встречающаяся в организации деятельности войсковых строительных комиссий, - председатель комиссии проживал «не в месте возведения построек, что не только тормозит иногда дело, но и нарушает принцип коллегиального решения вопросов, подлежащих ведению комиссии» [8, c. 412].

Однако ситуация Ново-Цурухатуйской войсковой строительной комиссией была скорее исключением, вызванным несколькими управленческими просчетами. В целом же, несмотря на объективные трудности, вызванные сложными климатическими и географическими особенностями региона, отсутствием необходимой производственно-экономической базы для организации масштабного строительства и нормальной транспортной инфраструктуры, начало деятельности войсковых строительных комиссий в Иркутском военном округе можно признать вполне успешным. В регионе было начато невиданное по масштабам военное строительство, причем начато оперативно и результативно. Параллельно создавалась необходимая производственная база по выпуску ряда строительных материалов, прежде всего - кирпича, а также создавалась временная транспортная инфраструктура прокладывались узкоколейные железные дороги. Более того, судя по имеющимся данным, типовые проекты казарменных сооружений достаточно успешно адаптировали к местным природно-климатическим условиям. Об этом свидетельствуют, например, особенности возведения в строительный сезон 1910 г. в г. Троицкосавске полкового лазарета 20-го Сибирского стрелкового полка, при строительстве которого сначала был заложен каменно-бутовый фундамент, затем сложены цоколи, после чего «положен асфальтовый изоляционный слой и асфальт прикрыт двумя рядами кирпича» [8, с. 404]. При строительстве казарм во Владивостокской крепости (Приамурский военный округ), подобные инженерные решения никогда не применялись, а асфальт использовали лишь в качестве покрытия пола, в случае если казарму возводили на ленточном фундаменте.

Самое же удивительное то, что все это происходило при полном отсутствии какихлибо злоупотреблений «коррупционной направленности», на поиск которых была заточена сенаторская ревизия. С учетом же того, какими полномочиями обладал ревизующий сенатор и сколько всего он обнаружил в остальных делах Иркутского и Приамурского военных округов, версию о том, что А.А. Глищинский что-то пропустил всерьез рассматривать нельзя.

Рассмотрение ситуации со срочным военным строительством в Иркутском военном округе позволяет сделать еще один вывод, актуальный и в настоящее время. Любое перемещение значительной группировки войск в новые места постоянного квартирования должно сопровождаться созданием инфраструктуры, необходимой для их нормального размещения, обеспечения, обучения и т. д. Причем наиболее практичной является такая организация передислокации, при которой создание инфраструктуры предшествует переброске войск, а не наоборот. Тогда не придется и заниматься казарменным строительством «в пожарном режиме».

* * *

Завершая статью, автору хотелось бы выразить благодарность за неоценимую помощь в сборе материала для нее доктору химических наук, действительному члену Общества изучения Амурского края Приморского краевого отделения Русского географического общества — Сергею Анатольевичу Авилову.

Статья поступила 26.01.2016 г.

Библиографический список

- 1. Авилов Р.С., Аюшин Н.Б., Калинин В.И. Владивостокская крепость: войска, фортификация, события, люди. Ч. ІІ. Уроки Порт-Артура. 1906—1917 гг. Владивосток: Дальнаука, 2014.
- 2. Авилов Р.С., Аюшин Н.Б., Калинин В.И. Владивостокская крепость: войска, фортификация, события, люди. Ч. IV. Инженеры Владивостокской крепости: счастливые люди. Владивосток : Дальнаука, 2015.
- 3. Авилов Р.С. Иркутский военный округ (1884—1899, 1906—1918 гг.): страницы истории // Военно-исторический журнал. 2014. N 12.
- 4. Авилов Р.С. Сибирский военный округ (1899–1906 гг.): страницы истории // Военно-исторический журнал. 2014. № 7.
- 5. Военная энциклопедия. Т. 11. СПб.: Т-во И.Д. Сытина, 1911.
- 6. Всеподданнейший отчет о действиях Военного министерства за 1906 г. СПб., 1908.
- 7. Всеподданнейший отчет Военного министерства за 1908 год. СПб.: Военная типография, 1910.
- 8. Всеподданнейший отчет о произведенной в 1910 году, по Высочайшему повелению, сенатором Глищинским ревизии учреждений и установлений военного ведомства Иркутского и Приамурского военных округов. Военно-инженерное ведомство и войсковые строительные комиссии. СПб.: Государственная типография, 1911.
- 9. Высшие и центральные государственные учреждения России 1801–1917 гг. Т. 1: Высшие государственные учреждения. СПб. : Наука, 2004.
- 10. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 543. Оп. 1. Д. 59.
- 11. Грум-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия и Урянхайский край. Л., 1926. Т. 3. Вып. 1.
- 12. Безугольный А.Ю., Ковалевский Н.Ф., Ковалев В.Е. История военно-окружной системы в России. 1862—1918. М.: Центр-полиграф, 2012.
- 13. Краткое росписание сухопутных войск. Исправленное по сведениям к 1 января 1911. СПб. : Военная типография, 1911.

- 14. Отчет Главного инженерного управления за 1908 год // Приложение № 4 к Всеподданнейшему отчету Военного министерства за 1908 год. СПб. : Военная типография, 1910.
- 15. Отчет по Главному штабу за 1906 г. // Приложение № 1 к Всеподданнейшему отчету о действиях Военного министерства за 1906 г. СПб. : Военная типография, 1908.
- 16. Отчет по Главному штабу за 1908 год // Приложение № 1 к Всеподданнейшему отчету Военного министерства за 1908 год. СПб. : Военная типография, 1910.
- 17. Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. (ПСЗ РИ III). СПб. : 1881–1913. Т. 19, 26.
- 18. Приказ по военному ведомству № 161 от 18 июня 1899 г. // Приказы по военному ведомству за 1899 г. СПб. : Военная типография, 1899.
- 19. Приказ по военному ведомству № 292 от 12 мая 1906 г. // Приказы по военному ведомству за 1906 г. СПб. : Военная типография, 1906.
- 20. Ращупкин Ю.М. Формирование и деятельность военных округов в системе государственной власти России: на материалах Восточной Сибири. Иркутск : Вост.-Сиб. ин-т МВД России, 2003.
- 21. Редигер А.Ф. История моей жизни. Воспоминания военного министра : в 2-х т. М. : Канон-пресс; Кучково поле, 1999. Т. 2.
- 22. Романов Г.И., Новиков П.А. Иркутское казачество (2-я половина XVII начало XX в.). Иркутск : ООО НПФ «Земля Иркутская», 2009.
- 23. Росписание сухопутных войск. Исправленное по 1 мая 1910 г. СПб.: Военная типография, 1910.
- 24. Список генералам по старшинству. Составлен по 1 января 1910 г. Ч. І. СПб. : Военная типография, 1910.
- 25. Список генералам по старшинству. Составлен по 1 января 1911 г. Ч. І. СПб. : Военная типография, 1911.
- 26. Список полковникам по старшинству. Составлен по 1 марта 1910 г. Ч. І. СПб. : Военная типография, 1910.
- 27. Список полковникам по старшинству. Составлен по 1 марта 1911 г. Ч. І. СПб. : Военная типография, 1911.

28. Шацилло К.Ф. От Портсмутского мира к Первой мировой войне. Генералы и поли-

тика. М.: РОССПЭН, 2000.

References

- 1. Avilov R.S., Ajushin N.B., Kalinin V.I. *Vladivostokskaja krepost': vojska, fortifikacija, sobytija, ljudi, part. II: Uroki Port-Artura.* 1906–1917 gg. [Vladivostok Fortress: troops, defenses, events, persons. Part II. The lessons of Port Arthur. 1906–1918], Vladivostok: Dal'nauka, 2014.
- 2. Avilov R.S., Ajushin N.B., Kalinin V.I. Vladivostokskaja krepost': vojska, fortifikacija, sobytija, ljudi, part. IV. Inzhenery Vladivostokskoj kreposti: schastlivye ljudi [Vladivostok Fortress: troops, defenses, events, persons. Part IV. Engineers of Vladivostok Fortress: happy people], Vladivostok: Dal'nauka, 2015.
- 3. Avilov R.S. Irkutskij voennyj okrug (1884–1899, 1906–1918 gg.): stranicy istorii [Irkutsk Military District (1984–1899, 1906–1918): pages of history], *Voenno-istoricheskij zhurnal*, 2014. No. 12.
- 4. Avilov R.S. Sibirskij voennyj okrug (1899–1906 gg.): stranicy istorii [Sibirian Military District (1899–1906): pages of history], *Voenno-istoricheskij zhurnal*, 2014, No. 7.
- 5. Voennaja jenciklopedija [Military Encyclopedia], vol. 11, St. Petersburg: T-vo I.D. Sytina, 1911.
- 6. Vsepoddannejshij otchet o dejstvijah Voennogo ministerstva za 1906 g. [Loyal report of activity of the Military Ministry in 1906], St. Petersburg, 1908.
- 7. Vsepoddannejshij otchet Voennogo ministerstva za 1908 god [Loyal report of activity of the Military Ministry in 1908], St. Petersburg: Voennaja tipografija, 1910.
- 8. Vsepoddannejshij otchet o proizvedennoj v 1910 godu, po Vyso-chajshemu poveleniju, senatorom Glishhinskim revizii uchrezhdenij i ustanovlenij voennogo vedomstva Irkutskogo i Priamurskogo voennyh okrugov. Voennoinzhenernoe vedomstvo i vojskovye stroitel'nye komissii [Loyal report of the revision made by senator Glishinsky of the departments and charters of the Irkutsk and Primorsky Military Districts of Military Ministry in 1910. Military-engineering department and military

- building commissions], St. Petersburg: Gosudarstvennaja tipografija, 1911.
- 9. Vysshie i central'nye gosudarstvennye uchrezhdenija Rossii 1801–1917 gg. [Higher and central government departments in Russia in 1801–1917], vol. 1: Vysshie gosudarstvennye uchrezhdenija [Higher government departments], St. Petersburg: Nauka, 2004.
- 10. Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii (GARF) [State Archive of Russian Federation (SARF)]. F. 543. Op. 1. D. 59.
- 11. Grum-Grzhimajlo G.E. *Zapadnaja Mongolija i Urjanhajskij kraj* [Western Mongolia and Uryankhaisky Krai)], Leningrad, 1926, vol. 3, ussue 1.
- 12. Bezugol'nyi A.Yu., Kovalevskii N.F., Kovalev V.E. *Istoriya voenno-okruzhnoi sistemy v Rossii. 1862–1918* [History of the system of military districts in Russia in 1862–1918], Moscow: Tsentrpoligraf, 2012.
- 13. Kratkoe rospisanie suhoputnyh vojsk. Ispravlennoe po svedenijam k 1 janvarja 1911 [Brief schedule for ground forces improved to January, 1, 1911], St. Petersburg: Voennaja tipografija, 1911.
- 14. Otchet Glavnogo inzhenernogo upravlenija za 1908 god [Report of Main Engeneering Department for 1908], [Appendix No. 4 to Loyal Report of War Ministry for 1908], St. Petersburg: Voennaja tipografija, 1910.
- 15. Otchet po Glavnomu shtabu za 1906 god [Report of Main Staff for 1906], Prilozhenie № 1 k Vsepoddannejshemu otchetu o dejstvijah Voennogo ministerstva za 1906 god [Appendix No. 1 to Loyal Report of War Ministry for 1906], St. Petersburg: Voennaja tipografija, 1908.
- 16. Otchet po Glavnomu shtabu za 1908 god [Report of Main Staff for 1908] Prilozhenie №1 k Vsepoddannejshemu otchetu Voennogo ministerstva za 1908 god [Appendix No. 1 to Loyal Report of War Ministry for 1908], St. Petersburg: Voennaja tipografija, 1910.
- 17. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii (PSZ RI III) [Complete collection of lows of the Russian Empire (CCLRE III)], St. Petersburg, 1881–1913, vol. 19, 26.

- 18. Prikaz po voennomu vedomstvu № 161 ot 18 ijunja 1899 g. Prikazy po voennomu vedomstvu za 1899 g. [Order by the War Ministry No. 161, June, 18, 1899], St. Petersburg: Voennaja tipografija, 1899.
- 19. Prikaz po voennomu vedomstvu № 292 ot 12 maja 1906 g. Prikazy po voennomu vedomstvu za 1906 g. [Order by the War Ministry No. 292, May, 12, 1906)], St. Petersburg: Voennaja tipografija, 1906.
- 20. Rashhupkin Ju. M. Formirovanie i dejatel'nost' voennyh okrugov v sisteme gosudarstvennoj vlasti Rossii: na materialah Vostochnoj Sibiri [Formation and activity of the military districts in the system of state power of Russia: on the data of Eastern Siberia], Irkutsk: Vost.-Sib. in-t MVD Rossii, 2003.
- 21. Rediger A.F. *Istorija moej zhizni. Vospo-minanija voennogo ministra* [History of my life. Memoirs of War Minister], Moscow: Kanon-press, Kuchkovo pole, 1999, vol. 2.
- 22. Romanov G.I., Novikov P.A. *Irkutskoe kazachestvo (2-ja polovina XVII nachalo XX v.)* [Irkutsk Kossaks (2nd half of XVII –

- beginning of XX cen.)], Irkutsk: OOO NPF «Zemlja Irkutskaja», 2009.
- 23. Rospisanie suhoputnyh vojsk. Ispravlennoe po 1 maja 1910 g. [The schedule for ground forces, improved to May, 1, 1910], St. Petersburg: Voennaja tipografija, 1910.
- 24. Spisok generalam po starshinstvu. Sostavlen po 1 janvarja 1910 g. [List of generals according to seniority], part I, St. Petersburg: Voennaja tipografija, 1910.
- 25. Spisok generalam po starshinstvu. Sostavlen po 1 janvarja 1911 g. [List of generals according to seniority], part I, St. Petersburg: Voennaja tipografija, 1911.
- 26. Spisok polkovnikam po starshinstvu. Sostavlen po 1 marta 1910 g. [List of colonels according to seniority] part I, St. Petersburg: Voennaja tipografija, 1910.
- 27. Spisok polkovnikam po starshinstvu. Sostavlen po 1 marta 1911 g. [List of colonels according to seniority], part I. St. Petersburg: Voennaja tipografija, 1911.
- 28. Shacillo K.F. *Ot Portsmutskogo mira k Pervoj mirovoj vojne. Generaly i politika* [From the Treaty of Portsmouth to World War I], Moscow: ROSSPJeN, 2000.

Сведения об авторе

Авилов Роман Сергеевич, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, 690001, Россия, г. Владивосток, ул. Пушкинская, 89, тел. (423)222-03-37; главный библиотекарь Научной библиотеки Дальневосточного федерального университета, 690095, Россия, г. Владивосток, ул. Алеутская, 65-6; e-mail: avilov-1987@mail.ru

Avilov Roman Sergeevich, Candidate of Historical Science (PhD), Researcher of Institute of history, archaeology and ethnography of the peoples of the Far East FEB RAS, 690001, Russia, Vladivostok, Pushkinskaya st. 89, tel.: (423)222-03-37; Main librarian of Far Eastern Federal University, 690095, Russia, Vladivostok, Aleutskaya st. 65b; e-mail: avilov-1987@mail.ru

УДК 355/359 «1914/1917»

ПОЛКИ ИЗ ИРКУТСКА В БОЯХ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: 7-я И 12-я СИБИРСКИЕ СТРЕЛКОВЫЕ ДИВИЗИИ В 1914—1917 гг.

© П.А. Новиков

В статье рассматривается боевой путь 7-й и 12-й Сибирских стрелковых дивизий в Первой мировой войне. Полки 7-й в 1906—1914 гг. дислоцировались в Иркутске, а при всеобщей мобилизации летом 1914 г. на их базе были развернуты полки 12-й. На основе 38 журналов военных действий и 15 именных списков потерь реконструирована картина боевой работы воинских соединений, причем особое внимание уделялось уточнению ее хронологии и географии.

Ключевые слова: Первая мировая война, сибирские стрелки, полки, дивизии, Иркутск, боевой путь, людские потери.

REGIMENTS OF IRKUTSK IN WORLD WAR I: $7^{\rm TH}$ AND $12^{\rm TH}$ SIBERIAN RIFLE DIVISION IN 1914–1917

© P.A. Novikov

This article describes the battle route of 7th and 12th Siberian rifle divisions in WWI. Regiments of 7th division in 1906–1914 located in Irkutsk, and under the common mobilization in summer, 1914 based on this military body there were formed the regiments of 12th Siberian rifle division. Due to the 38 journals of military operation and 15 personal lists of causalities author reconstructs the combat performance of military units and stressed the attention o the chronology and geography.

Key words: World War I, Siberian shooters, regiments, divisions, Irkutsk, battle route, human causalities.

К 1914 г. в Иркутске дислоцировалась 7-я Сибирская стрелковая дивизия, включавшая 25-й, 26-й, 27-й и 28-й Сибирские стрелковые полки, 7-ю Сибирскую стрелковую артиллерийскую бригаду. Эти части уже имели славные ратные традиции и отличались высоким боевым духом.

Полки были сформированы в крепости Порт-Артур 30 октября 1903 г. из Порт-Артурского крепостного полка и выделенных по жребию рот из пехотных дивизий Европейской России, составив 7-ю Восточно-Сибирскую стрелковую бригаду. В январе 1904 г. она развернута в одноименную дивизию, при которой 15 февраля образован 7-й Восточно-Сибирский стрелковый артиллерийский дивизион. 7-я Восточно-Сибирская стрелковая дивизия прослави-

лась 329-дневной обороной Порт-Артура от японцев в 1904 г., потеряв 2100 бойцов убитыми и свыше 4500 ранеными. Начальник дивизии генерал-майор Роман Исидорович Кондратенко являлся «душой обороны» Порт-Артура и погиб 2 декабря 1904 г. 24 декабря крепость капитулировала.

11 октября 1905 г. полки переформированы из трехбатальонного в четырехбатальонный состав, а 13 декабря артиллерийский дивизион переформирован в бригаду. С 1906 г. 7-я Восточно-Сибирская стрелковая дивизия квартировала в Иркутске. 8 июня 1907 г. ее полкам пожалованы Георгиевские знамена с надписью «За доблестную оборону Порт-Артура в 1904 г.» и знаки на головные уборы с надписью «За Порт-Артур в 1904 г.», батареям — Георгиевские серебряные трубы с надписью «За Порт-Артур в 1904 г.». 25-му Восточно-

¹ Все даты по старому стилю.

Сибирскому стрелковому полку 14 января 1908 г. присвоено имя Кондратенко. В 1910 г. все Восточно-Сибирские соединения и части переименованы в Сибирские. Отныне 7-я Сибирская стрелковая дивизия была укомплектована личным составом примерно наполовину, включая «скрытые кадры», предназначенные для формирования при мобилизации 12-й Сибирской стрелковой дивизии.

С 18 июля 1914 г. началось пополнение 7-й Сибирской стрелковой дивизии до полных штатов. Каждый из ее полков выделил по 19 офицеров, одному военному чиновнику и 262 унтер-офицеров и солдат на образование 45-го, 46-го, 47-го и 48-го Сибирских стрелковых полков 12-й Сибирской стрелковой дивизии. Формирование завершено к 31 августа. Таким образом, Иркутск на битвы Первой мировой войны выставил восемь (25-й, 26-й, 27-й, 28-й, 45-й, 46-й, 47-й и 48-й) Сибирских стрелковых полков и две (7-я и 12-я) Сибирские стрелковые артиллерийские бригады, а также дивизионные и корпусные части. На фронте эти части проявили «силу и мощный дух необъятной Сибири, неся крепость сибирского крестьянина, его положительность и опыт Японской войны» [2, с. 472]. Стрелковый полк по штату насчитывал 88 офицеров и 4245 унтер-офицеров и солдат, артиллерийская бригада — 44 офицера и 1399 унтер-офицеров и солдат.

Доблестно сражались в Первой мировой войне и образованные: в 1863 г. – 93-й пехотный Иркутский полк и в 1907 г. – 16-й гусарский Иркутский полк. Однако они никогда в Иркутске не дислоцировались и были связаны с Иркутском только названиями. 1914 г. эти части встретили в Пскове и Риге соответственно.

В начале августа 1914 г. 7-я Сибирская стрелковая дивизия в составе 3-го Сибирского армейского корпуса убыла на театр войны, а 11 сентября – 12-я Сибирская стрелковая дивизия. Первая переброшена на границу Восточной Пруссии, вторая - в уже занятую русскими войсками Галицию, в верховья рек Сан и Днестр, оказавшись единственной Сибирской дивизией в составе Юго-Западного фронта. Соответственно первый бой 7-я дивизия приняла у немецкого г. Лык (ныне Элк) 30-31 августа [5], 12-я – при «старом месте» г. Самбор и у д. Бережница 19 октября [6]. Рассмотрим боевой путь каждой дивизии из Иркутска по годам войны. Жители Сибири преобладали в личном составе этих соединений



Рис. 1. Вокзал г. Иркутска. Внешний вид на 1907-1918 гг.

осенью 1914 г., в дальнейшем же они пополнялись уроженцами из всех регионов России.

3-й Сибирский корпус в составе русской 10-й армии 14-21 сентября 1914 г. участвовал во встречных боях у г. Августов, оттеснив германцев за границу и взяв до 1000 пленных. 25-й Сибирский стрелковый полк захватил 3 пулемета. Отразив контратаки противника, к концу октября 7-я Сибирская дивизия вышла на подступы к немецкой крепости Летцен. Ее бойцы наступали на укрепленные перешейки между озерами Бувельно и Тиркло. Русские вели апрошные (сапные) работы и активную разведку. Утром 3 ноября 27-й и 28-й Сибирские полки штыками атаковали и овладели германскими окопами у д. Чершпинен (ныне Цешпенты) и редутом на высоте 158, захватив 1 офицера, 87 солдат, 21 орудие, и, по разным данным, от 9 до 16 пулеметов. В середине ноября медленное продвижение вперед продолжилось.

12 декабря 1914 г. русские части атаковали высоты Папродкенские, 167 и 160 у д. Руден. 26-й Сибирский полк прорвал у Нитлицкого болота две линии германских окопов, захватил 10 орудий и 160 пленных. Однако соседи (5-я стрелковая бригада и 30-й Сибирский полк) продвинуться не смогли. Не поддержанный и 27-м Сибирским полком (его отсекла немецкая артиллерия), 26-й Сибирский полк оказался в окружении, его батальоны понесли большие потери и сдались. 13 декабря было приказано сближаться с неприятелем, беспокоить его разведками, делать проходы, вести минные галереи.

В составе 8-й армии 12-я Сибирская дивизия с 31 октября 1914 г. разделена на два отряда, действовавших в северных предгорьях Карпат. В районе Балиграда сибиряки поддержали наступление 14-го армейского корпуса к Лупковскому перевалу, 2 ноября отбили контратаки у д. Волосата (ныне Волосянка), 6 ноября прикрыли разрыв между 8-м и 24-м русскими корпусами, 8 ноября вели бой у д. Великий Вислок, 9 ноября — у д. Ясель и т. д. 10 ноября 12-я Сибирская дивизия достигла Ясло, выйдя к главному гребню Бескид, а 11 ноября атаковала на Чертеж-Хабур. Русские форсиро-

вали Бескиды, захватили станции Мезо Лаборч и Гуменное. Однако 14 ноября в связи с отходом в Западной Польше наступление в пределах Словакии прекращено. С 19 ноября 1914 г. 12-я Сибирская дивизия вошла в 12-й армейский корпус (штатно включал 12-ю и 19-ю пехотные дивизии). 23 ноября 48-й Сибирский полк вел бой за д. Ростоки.

28–29 ноября у Радошице и Тужанска 47-й Сибирский полк отражал атаки спустившейся с Бескид австрийской 1-й кавалерийской дивизии. 7 декабря этот же полк поддержал атаки своего корпуса на селение Ленки (к западу от г. Пильзно). 8 декабря 45-й Сибирский полк вел бои у д. Венлювка. К 10 декабря 12-й армейский корпус овладел Кросно, Кросьценко и Мильчей, взяв 1000 пленных. Ночной атакой на 12 декабря 12-я Сибирская стрелковая дивизия заняла г. Змигруд. К 15 декабря она продвинулась до Ольховца.

Из Западной Галиции перенесемся в Восточную Пруссию. С 27 января 1915 г. 3-й Сибирский корпус (7-я и 8-я Сибирские дивизии) отходил на тыловые позиции. Боковые авангарды, выдвинутые к Арису и Дригалену, задержали продвижение немцев во фланг 10-й армии и позволили вывезти из-под Летцена осадную артиллерию. 30-31 января сибиряки упорно оборонялись у г. Лык и озера Зельмент против тройных сил германцев. Только 1 февраля немцы заняли Лык. Противник занял Лык позднее, чем рассчитывал, – 1 февраля. Постепенно оставляя позиции, 3-й Сибирский корпус медленно отошел 3 февраля к г. Августов, а затем и за р. Бобр (ныне Бебжа), обеспечив благополучный отход и 26-го армейского корпуса. 8 февраля артиллерия 7-й Сибирской дивизии подожгла Штабин и Чарнылус. С 17 февраля 3-й Сибирский корпус продвигался за отступающими немцами, а 25 февраля его части ворвались на позиции противника у линии Кольница – Бялобржеги. Немцы 27 февраля готовили удар на Францки и Махарцы, но русские уклонились, уйдя за р. Бобр. Отошли назад и немцы.

С 11 марта сибиряки снова наступали на линию Августовский канал — Сувалки, участвуя в упорных фронтальных боях 10-й армии. 4—6 апреля 3-й Сибирский корпус по

железной дороге переброшен со станции Ново-Каменка в район Олиты (ныне Алитус) и Симно. Его части заняли оборону по берегу р. Шяшупе от верховьев до Людвинова. В ночь на 11 апреля отбиты атаки немцев от фольварка Сувалки-Новые, от деревень Малина и Михайловка. 16-18, 22 апреля, 2 и 6 мая сибиряки настойчиво атаковали в районе Кальварии, но успеха не добились. Упорные бои шли у Сувалок-Новых, Малины, высоты 69,3 и комплекса казарм. 22-27 мая немцы в Козлово-Рудских лесах атаковали русские части и оттеснили их на передовые позиции крепости Ковно. На помощь в район Плутышки – Ингованга выдвинут 3-й Сибирский корпус, чтобы с гвардейской кавалерией и Ковенским отрядом ополчения «нанести противнику решительный удар». 27 мая 7-я Сибирская дивизия отбросила немцев за линию Ворсели, Попутине, Жвеги, Пришмонты, захватив более 500 пленных, 1 орудие, 1 пулемет. 29 мая сибиряки отошли за реки Давина и Есся. Особое значение придавалось удержанию прохода между болотами Пале и Амальва. 31 мая -1 июня немцы отчаянно атаковали, но были многократно отбиты с громадными потерями, потеряв 35 пленных и 1 пулемет. Весь июнь шли позиционные бои. 8 июля 3-й Сибирский корпус отошел с Давины, но удержал рубеж по правому берегу р. Есся протяженностью 37 км. 26 июля немцы начали обстрел фортов Ковенской крепости, а последовавший у Моргово фланговый удар сибиряков успеха не имел. 3-5 августа немцы захватили Ковно. 8 августа корпус оборонял Прены, затем отошел на восточный берег Немана. Сибиряки сражались юго-западнее Вильно (ныне Вильнюс), ночью отход, а днем окопные работы под огнем. 29 августа 7-я Сибирская дивизия перевезена на северо-восток к станции Подбродзье (ныне Пабраде). К 30 августа 3-й Сибирский корпус развернулся фронтом на север и северо-восток, загнув правый фланг 10-й армии. В ночь 31 августа 7-я Сибирская дивизия наступала, к 9 часам авангардами достигла линии Концепты -Стакинцы. Основные ее силы растянулись на 68 км вдоль изгибов р. Вилии. 1-4 сентября шли упорные бои, но готовился от-



Рис. 2. Генерал-майор В.Н. Братанов

ход. 5-6 сентября корпус отступал к железной дороге Вильно-Минск. 7 сентября оборона фольварка Олесин, 12 сентября - господского двора Мыссой. В ночь на 13 сентября 7-я Сибирская дивизия, в полках которой осталось треть штатного состава, сменила у Крево 5-й Кавказский корпус. 16 сентября взяты в плен 3 германских офицера и 135 солдат при 2 пулеметах у д. Суцков и по 1 немцу у Закревья и Закосья. Противник перешел к обороне, фронт в Западной Белоруссии стабилизировался до февраля 1918 г. 2-4 октября у двора Мыссой и Михневичей сибиряки вели атаки, чтобы задержать переброску войск противника на другие фронты. С 31 октября личный состав командировался на строительство тыловых укреплений. 23 декабря 1915 г. император Николай II провел смотр войск 3-го Сибирского корпуса.

12-я Сибирская дивизия начало 1915 г. встретила в Бескидских горах, в Словакии. Вторую половину января и февраль ее части провели в боях севернее г. Свидник, у деревень Верхнее Едлова, Нижнее Едлова, Юрко Воля, Верхнее Орлик, Нижнее Орлик. 17 февраля 12-я Сибирская дивизия, оставаясь в составе 12-го армейского корпуса, передана из 8-й армии в 3-ю. В апреле она временно включена в 24-й армейский корпус (48-я и 49-я пехотные дивизии) и

противостояла главному удару немцев, нанесенному от Горлицы. Вехи ожесточенных боев её полков: деревни Издевка, Дубецка, Цетула, Сурмачевка, села Беско и Сурахов, окрестности городов Бржозов и Ярослав, реки Вислок и Сан и т. д. К 16 мая, несмотря на пополнения, в 12-й Сибирской дивизии осталось 2000 бойцов или 13 % штатного состава.

В начале июня 12-я Сибирская дивизия была переброшена в Ригу, где месяц пополнялась, войдя в состав 5-й армии. 17 июня 1915 г. из 12-й и 13-й Сибирских дивизий был образован 7-й Сибирский армейский корпус, в составе которого они и действовали до конца войны. В июле 12-я Сибирская дивизия вела бои с немцами в районе г. Митава (ныне Елгава). Затем до конца сентября боевая работа сочетала наступления и отходы с целью остановить немцев на подступах к Риге. Рубежами борьбы были реки Аа (ныне Лиелупе), Эккау (Иецава), Миссе (Миса), Звирзе, Карум. Бои шли и за населенные пункты: корчму Гаррозенъ, д. Свенки, с. Грикки и т. д. 12 августа корпус включен в 12-ю армию. Местом ожесточенных схваток 11-15 сентября был Чукшъ, взятый Сводной (из разных дивизий) бригадой из 46-го и 49-го Сибирских полков. В ночь 4 октября 7-й Сибирский корпус отошел на Рижские укрепленные позиции, на которых и отражал немецкие атаки. 12-я Сибирская дивизия удержала укрепления № 14 и 15. 25–26 октября ее бойцы захватили мызу Олай. Зима 1915-1916 гг. примечательна поисками разведчиков и войсковых партизан. 11 декабря партизаны 4-й кавалерийской бригады и 46-го Сибирского полка уничтожили немецкую заставу в 70 человек у Кельдеръ и привели 6 пленных. 24 декабря на участке 12-й Сибирской дивизии у лесничеств Лапс и Залай немцы безрезультатно выпустили отравляющие газы.

Теперь рассмотрим позиционную борьбу 1916-1917 гг. С 14 января 1916 г. 3-й Сибирский корпус находился в резерве, а к 24 февраля выдвинут к передовой. В ходе безуспешной наступательной операции на озере Нарочь 5–15 марта корпус входил в группу генерала П.С. Балуева, которая предназначаясь для наращивания удара 5-го и 36-го армейских корпусов. С 13 часов 9 марта 8-я Сибирская дивизия подключилась к атаке, а 10 марта преодолела Длинный лес. 11-12 марта велась оживленная перестрелка. В ночь на 13 марта части 3-го Сибирского корпуса провели две атаки, но к 8 часам лишь небольшие группы 26-го и 32-го Сибирских полков проникли за германскую проволоку. В 21 час, ввиду невозможности «прорвать живой силой заграждения», было приказано отойти. Утром 14 марта 26-й Сибирский полк поддерживал части 8-й Сибирской дивизии в северной части Длинного леса. 16-17 марта на фронте велся редкий огонь. 18 марта 7-я Сибирская дивизия атаковала «Фердинандов нос» (названную по карикатурам на царя Болгарии), но отражена массированным пулеметным огнем. Всего за Нарочскую операцию корпус потерял 129 офицеров и 9115 солдат или 21 % состава. К 21 марта корпус отведен в резерв, с 5 ап-



Рис. 3. Линия фронта в 1916-1917 гг.



Рис. 4. Группа офицеров 28-го Сибирского стрелкового полка

реля – у господского двора Беница, с 14 апреля – в составе 4-й армии.

Русские планировали наступление южнее г. Сморгонь. 28 мая 3-й Сибирский корпус получил приказ подготовить прорыв у Новоспасского леса. Однако 3 и 7 июня немцы сами безуспешно атаковали его передовые позиции. Затем дожди размыли передовые плацдармы русских, и наступление отменили, а корпус 11 июня отвели в резерв.

13 июня он был переброшен к северовостоку от Барановичей. В ночь на 20 июня корпус выдвинулся к фронту в район Мир, Великое Село, р. Уши, Малая Медвядка. Утром 19 июня и утром 24 июня проведена

артподготовка. В 2 часа 25 июня 7-я Сибирская дивизия перешла в наступление, но натолкнулась у Карчевского леса и Тращевичей на непробитую проволоку. Потери девизии составили 43 офицера и 2259 солдат. Атаки были отложены, а затем отменены.

С июля 1916 г. в 3-м Сибирском корпусе была налажена регулярная ротация полков между передовыми позициями (фольварки Румок и Дробыши, д. Великое Село, господские дворы Тугановичи и Осташин и т. д.) по рекам Неман и Сервечь и резервом в Полонечском лесу и урочище Россошь. Для будущих наступлений готовились передовые плацдармы у Тращевичей и Быт-

ковщины, мостовой материал, изучались дороги, артиллерия экономила боеприпасы, прокладывались узкоколейки. Половина частей находилась не на передовой, а в ближайшем тылу. О боевой работе 7-й Сибирской дивизии в 1916—1917 гг. дает наглядное представление сохранившийся альбом фотографий 28-го Сибирского стрелкового полка.

27 ноября 1916 г. 3-й Сибирский корпус включен во 2-ю армию. На фронте происходили добровольные сдачи отдельных вражеских солдат (преимущественно эльзасцев и познанских поляков), выходы бежавших из неприятельского плена русских солдат, стычки разведчиков (6 и 26 декабря, 13 января). Обычные суточные потери корпуса 3—4 раненых. Противник оценивал 7-ю и 8-ю Сибирские дивизии, как «выдающиеся воинские части». 4 марта, 17 марта, 6 апреля 1917 г. были отбиты вылазки германских разведчиков.

19 мая 1917 г. 26-й и 27-й Сибирские полки отказались выйти из резерва на позиции, причем солдаты первого ненадолго арестовали начальника 7-й Сибирской дивизии генерал-майора С.И. Богдановича. Напротив, 25-й Сибирский полк самовольно вернулся на фронт, узнав о желании сменивших его частей «открыть фронт». При наступлении немцев в феврале 1918 г. 3-й Сибирский корпус отошел в Смоленск,

где его штаб был расформирован, а личный состав распущен.

Январь 1916 г. на позициях 12-й Сибирской дивизии под Ригой примечателен удачными действиями русских разведчиков. 12 февраля немцы усиленно обстреливали левый фланг ее траншей. В остальные дни — без перемен. 8 марта русские предприняли попытку наступления, главные атаки вела у усадьбы Франц 13-я Сибирская дивизия, 12-я Сибирская дивизия лишь отвлекала на себя немцев огнем. В 8 часов были захвачены три линии германских окопов у с. Югге, но к 16.30. сибиряки оттеснены на исходные позиции.

В дальнейшем интенсивность боевых действий снизилась, зачастую сводясь к артиллерийской перестрелке, особенно сильной 2 и 8 мая. Русские разведчики 5, 8, 12 мая проводили поиски. С 20 мая 7-й Сибирский корпус находился у озера Егель в резерве Северного фронта. Велись занятия по подготовке к наступлению. В ночь на 30 июня 12-я Сибирская дивизия выдвинулась на линию фронта от р. Кеккау до Серуль, причем в первую линию направлены у Баусского шоссе 45-й и 47-й Сибирские полки.

После полудня 3 июля 12-я Сибирская дивизия двинулась в атаку, бойцы 45-го и 47-го Сибирских полков местами ворвались в 1-ю линию германских окопов, но затем



Рис. 5. Полевая кухня

под огнем неподавленных укреплений отошли. Удалось закрепиться лишь в небольшом окопе к юго-востоку от Зальгоскална. Русские возобновили артиллерийскую подготовку. Повторная атака в 23 часа успеха не имела, а потери дивизии достигли 53 офицеров и 3400 солдат.

4 июля в 19 часов 40 минут, после усиления атакующих 1-й бригадой 13-й Сибирской дивизии (49-й и 50-й Сибирские полки) наступление в направлении Вилла возобновилось. К 20 часам к востоку от шоссе 46-й Сибирский полк местами захватил 1-ю линию германских окопов, но дальнейшие атаки 5-6 июля успеха не имели. С 8 июля главную атаку вел 6-й Сибирский корпус, а части 7-го Сибирского вечером поддержали его ударом между реками Кеккау и Сунуп. Однако русское наступление отбито. Полки 12-й Сибирской дивизии потеряли до четверти, а 13-й Сибирской до половины личного состава. 10-11 июля 7-й Сибирский корпус отведен в резерв 12-й армии. С 23 июля по 15 августа корпус занимал фронтовые позиции от Кутников до р. Сухая Двина у мызы Берземюнде, причем 12-я Сибирская дивизия располагалась от Кутников до лесничества Плакес.

С 15 августа началась переброска 7-го Сибирского корпуса со станции Рига-

Сортировочная на Юго-Западный фронт. Эшелоны следовали через Псков, Двинск, Витебск, Могилев, Калинковичи, Коростень, прибыв к 26 августа в район Вишнивец – Зарудье – Лановцы. 1 сентября 7-й Сибирский корпус включен в 7-ю армию, пытавшуюся наступать на Львов. Штаб 12-й Сибирской дивизии разместился в фольварке Поноры. 7-я армия атаковала на р. Нараювка, а сибиряки вступили в семимесячные бои за высоты 419, 417, 350 и 332 у деревень Свистельники и Ставентен. Так, 5 сентября 8-я рота 46-го Сибирского полка в контратаке захватила 1 германского офицера и 25 солдат. 9 сентября 1-я рота 47-го Сибирского полка ворвалась в окопы противника и переколола около 100 немецких солдат. Рота потеряла 3 стрелков убитыми и 8 пропавшими без вести, 41 раненый вынесен

3–4 октября 1916 г. в частях 7-го Сибирского корпуса отмечены случаи неповиновения солдат командованию – отказы идти в атаку. 13-я Сибирская дивизия не вышла из окопов, 12-я Сибирская — залегла перед проволочными заграждениями. Потери корпуса — 9 офицеров и 375 солдат убиты, 23 офицера и 543 солдата ранены. Несколько солдат расстреляны по приговору полевого суда. Разложение объясняли



Рис. 6. Телефонная команда 28-го Сибирского стрелкового полка

еще летней антивоенной пропагандой.

20–21 октября 12-я Сибирская дивизия атаковала у д. Славентен. Потери — 803 убитых и 2662 раненых. Сибиряков до 15 ноября усилили бригадой 47-й пехотной дивизии.

К началу 1917 г. противник давал такую оценку: 12-я Сибирская дивизия - выдающаяся дивизия, тверда и упорна. В ночь на 17 февраля немцы атаковали один из участков позиции 46-го Сибирского полка, захватив 7 пулеметов и пленив 177 человек. 30 сибирских стрелков убито, 128 ранено. 28 февраля отбито немецкое наступление на боевые порядки 12-й Сибирской дивизии. С 8 апреля 7-й Сибирский корпус находился в районе г. Коломыя в резерве 7-й армии. Наблюдалось падение дисциплины, рознь между солдатами и офицерами, дезертирство. 21 мая корпусу приказано через городок Подгайцы к 27 мая выдвинуться на передовые позиции между селами Потуторы и Мечищув для последующего наступления. Однако в полках начались солдатские митинги и обсуждение приказа. Командование приступило к уговорам. 25 мая 45-й и 46-й Сибирские полки с 12-й Сибирской артиллерийской бригадой выступили по назначению, 47-й Сибирский полк остался на месте и «объявил автономию», 48-й Сибирский – продолжал раздумывать. В итоге от корпуса вышла на позиции лишь половина стрелков. Часть остальных пришлось разоружить, здоровых отправив в запасные батальоны, больных – в отпуска. Так готовилось последнее наступление русской армии. Корпусу предстояла наступать вдоль хребта Дзике Ланы, высоты 319, 412 и 304, чтобы достичь рубежа Адамувка северная окраина д. Ольховец. Для первого удара из 9 батальонов 12-й и 13-й Сибирских дивизий временно образована Сводная дивизия, которая после артиллерийской подготовки 18 июля успешно двинулась вперед. Однако соседние (справа 41-й, слева 34-й) армейские корпуса, едва атаковав, отошли в исходное положение. На сибиряков обрушились контратаки противника. Потери батальонов Сводной дивизии превысили половину состава. 22 июня 7-й Сибирский корпус отведен в резерв 7-й армии. В 12-й и 13-й Сибирских дивизиях осталось по 3000 человек. 29 июня они сменили на передовых позициях от Потутор до Обренчовского леса 2-й гвардейский корпус, перебрасываемый в 8-ю армию, под Галич.

7-й Сибирский корпус находился на фронте до декабря 1917 г. Затем последовал конфликт с украинской Радой, проводившей украинизацию войск Юго-Западного фронта, и организованный уход в города Центрально-Черноземного района России, где в марте 1918 г. 12-я и 13-я Сибирские дивизии были расформированы.

За Первую мировую войну из полков 7-й Сибирской стрелковой дивизии убитыми, ранеными, пропавшими без вести выбыло два полных штатных личных состава [7], из полков 12-й Сибирской — три [8]. В первом соединении Георгиевские награды (орден или оружие) удостоено 54 офицера и 2 генерала, во втором — 54 офицера и 4 генерала [с. 122–123, 194].

Приложение кой стрелковой

Начальники 7-й Сибирской стрелковой дивизии

Сулимов Николай Ильич (с 13.08.1912), генерал-майор, с 29.01.1913 генераллейтенант;

Трофимов Владимир Онуфриевич (с 07.08.1914), генерал-лейтенант; Братанов Василий Николаевич (с 25.04.1915), генерал-лейтенант; Богданович Сергей Ильич (с 07.04. по 08.06.1917), генерал-майор; Нестеровский Александр Иванович (с 30.06.1917), генерал-майор; Стасюк Николай Степанович (с 14.08.1917), генерал-майор.

Начальники 12-й Сибирской стрелковой дивизии

Трофимов Владимир Онуфриевич (с 19.07.1914), генерал-лейтенант; Сулимов Николай Ильич (с 07.08.1914), генерал-лейтенант;

Эггерт (в 1916 г. взял фамилию Викторов) Виктор Викторович (с 17.07.1915), генералмайор;

Архипович Николай Георгиевич (с 20.10.1916 по 07.07.1917), генерал-майор [1, с. 866–867; 9].

Статья поступила 01.01.2016 г.

Библиографический список

- 1. Залесский К.А. Кто был кто в Первой мировой войне. М.: АСТ; Астрель, 2003. 894 с.
- 2. Краснов П. Воспоминания о русской императорской армии. М.: Айрис-пресс, 2006. 608 с.
- 3. Новиков П.А. Восточно-Сибирские стрелки в Первой мировой войне: 2-й, 3-й и 7-й Сибирские армейские корпуса в 1914—1918 гг. : монография. Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2008. 276 с.
- 4. Новиков П.А. Иркутяне на фронтах Первой мировой войны // Иркутск и иркутяне в Первой мировой войне: Исследова-

- ния и материалы. Коллективная монография / Под ред. Ю.А. Петрушина. Иркутск: Оттиск, 2014. С. 17–195.
- 5. Российский государственный Военноисторический архив (РГВИА). Ф. 2280. Оп. 1. Д. 336–363.
- 6. РГВИА. Ф. 2288.Оп. 1.Д. 196-205.
- 7. РГВИА.Ф. 16196. Оп. 1. Д. 776-783.
- 8. РГВИА. Ф. 16196. Оп. 1. Д. 803-809.
- 9. Русская армия в Великой войне: Картотека проекта [Электронный ресурс]. URL: http://www.grwar.ru/persons/persons.html (Дата обращения 01.01.2016).

References

- 1. Zalesskii K.A. *Kto byl kto v Pervoi miro-voi voine* [Who was who in World War I], Moscow: AST; Astrel', 2003. 894 p.
- 2. Krasnov P. *Vospominaniya o russkoi imperatorskoi armii* [Memories about Russian Imperator Army], Moscow: Airis-press, 2006, 608 p.
- 3. Novikov P.A. *Vostochno-Sibirskie strelki v Pervoi mirovoi voine: 2-i, 3-i i 7-i Sibirskie armeiskie korpusa v 1914–1918 gg.* [East-Siberian shooters in World War I], Irkutsk: Izd-vo IrGTU, 2008, 276 p.
- 4. Novikov P.A. *Irkutyane na frontakh Pervoi mirovoi voiny* [Irkutsk citizens in the fronts of World War I], *Irkutsk i irkutyane v Pervoi mirovoi voine: Issledovaniya i materialy.*

montova, 83, e-mail: novikov710@yandex.ru

- Kollektivnaya monografiya [Irkutsk and citizens in World War I: Researches and data. Collective monograph], Pod red. Yu.A. Petrushina. Irkutsk: Ottisk, 2014, p. 17–195.
- 5. Rossiiskii gosudarstvennyi Voennoistoricheskii arkhiv (RGVIA). F. 2280. Op. 1. D. 336–363. [Russian State Military-Historical Archieve (RSMHA)]
- 6. RGVIA. F. 2288.Op. 1.D. 196-205.
- 7. RGVIA.F. 16196. Op. 1. D. 776–783.
- 8. RGVIA. F. 16196. Op. 1. D. 803-809.
- 9. Russkaya armiya v Velikoi voine: Kartoteka proekta [Elektronnyi resurs]. URL: http://www.grwar.ru/persons/persons.html (Data obrashcheniya 01.01.2016). [Russian Army in the Great War: cart-index of project]

Сведения об авторе

Новиков Павел Александрович, доктор исторических наук, заведующий кафедрой истории и философии, Иркутский национальный исследовательский технический университет, 664074, Россия, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83, e-mail: novikov710@yandex.ru **Novikov Pavel Aleksandrovich**, doctor of science, professor, Head of Chair of the History and Philosophy of Irkutsk National Research Technical University, 664074, Russia, Irkutsk, ul. Ler-

УДК 94 (47). 084. 1. 2. 3

ВЛАСТЬ И ЕНИСЕЙСКОЕ КРЕСТЬЯНСТВО: ЭКОНОМИ-ЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ. МАРТ 1917 – ИЮНЬ 1918 гг.

© А.П. Шекшеев

Статья посвящена рассмотрению экономических отношений между местными органами Временного правительства, Советской власти, с одной стороны, и крестьянством, с другой, на территории Енисейской губернии, начиная с февральской революции 1917 г. и завершая антибольшевистским переворотом июня 1918 г. В основном автор рассказывает об организации, методах и эффективности продовольственной политики государства в обстановке крутых политических перемен, а также ответной реакции на неё крестьянства.

Ключевые слова: большевики, земства, красногвардейцы, крестьянство, общество, продовольственные органы, продовольственная политика, революция, Советская власть, социалисты-революционеры, спекулянты, хлеб.

THE POWER AND THE YENISEI PEASANTRY: ECONOMIC RELATIONS. MARCH, 1917 – JUNE, 1918

© A.P. Sheksheev

The article is devoted to economic relations between the local authorities of the Provisional government, the Soviet government, on the one hand, and the peasantry on the other, on the territory of the Yenisei province, starting with the February revolution of 1917 and ending with the anti-Bolshevik coup of June 1918, the author mainly talks about the organization, methods and effectiveness of food policy in the setting of abrupt political change, and the response to it of the peasantry.

Key words: Bolsheviks, district council, Red Guards, peasantry, society, food authorities, food politics, revolution, Soviet power, socialist-revolutionaries, speculators, bread.

Главным в отношениях государства и деревни в условиях Сибири являлось не столько обеспечение крестьян землей, сколько налаживание обмена производимыми товарами и продуктами. Наблюдаемое современниками к 1917 г. недостаточное развитие добывающей и перерабатывающей промышленности на Енисее сдерживало рост городов, которые становились лишь торговыми посредниками. Увеличение производства сельскохозяйственной продукции было опережающим по сравнению с возрастанием потребностей в ней и издавна регулировалось спросом российского и заграничного рынков [16, с. 170; 1, c. 43; 48, c. 78].

Ситуация со сбытом хлеба в Енисейской губернии постоянно осложнялась её географическим положением. Оказавшись

транспортно запертым, енисейский хлеб, вывозимый в западном направлении, из-за дальности перевозок и высоких железнодорожных тарифов был дорогим и не мог конкурировать с более дешёвой хлебной продукцией Западной Сибири. Вывоз преимущественно ржи и овса осуществлялся только в восточном направлении, где они слабо соперничали с маньчжурским зерном. Остававшийся в регионе хлеб переводился на муку, которая поступала к производителям с мельниц далекого Новониколаевска. Молочная и мясная продукция вывозилась в незначительных объёмах [16, с. 167, 169-170; 41, 7 апреля; 24, 9 марта]. К тому же, из-за неразвитости путей сообщения на Ачинск-Минусинской железной дороге, например, в январе 1917 г. скопились залежи мяса, которые от порчи сберегались лишь сильными морозами [38, 27 января].

Все это лишало аграрное производство Енисейской губернии перспектив его расширения и уменьшало доходы крестьянских хозяйств. Во время Первой мировой войны регион переживал продовольственный кризис [15, с. 71–74]. «На хлеб спроса нет, вывоз его ограничен, — отмечал в дальнейшем современник. — Крестьяне продают его за бесценок, а в неурожайные годы сами покупают его по большой цене». По мнению очевидцев, сельское хозяйство губернии так и не вышло из ситуации, чреватой нарастанием крестьянских волнений [23, с. 15; 16, с. 167; 48, с. 5, 10].

До 1917 г. хлеб в стране закупался в деревне всеми желающими и способными к этому лицами. «Вечный», «самый проклятый вопрос», как называл продовольственное снабжение Николай Второй, его правительство в конце 1916 г. пыталось решить введением продразвёрстки. Но результатов, на которые оно рассчитывало, эта мера не дала. С января 1917 г. монопольное право на закуп хлеба получили сельскохозяйственные склады переселенческого управления. Они скупали хлеб для нужд армии самостоятельно и через кредитную кооперацию.

Начавшиеся в феврале 1917 г. революционные события получили поддержку крестьянства, которая выражалась не только в признании новой власти, но и в организации пожертвований. Так, к примеру, жители с. Нижняя Заимка Канского уезда, собравшись 13 марта на сходе, объявили сбор их в пользу Временного правительства, Государственной Думы и армии и за три дня собрали 400 пудов хлеба и 200 руб. денежных средств [6, 30 марта].

Объявив законом Временного правительства от 25 марта 1917 г. о введении государственной монополии на торговлю хлебом по твердым ценам, созданный губернский продовольственный комитет начал свою деятельность с акций, оставлявших крестьянам надежду на установление справедливых отношений. Он отпустил товариществу кооперативов для продажи к Пасхе сельскому населению 3 тыс. пудов муки-крупчатки 1-го сорта и 4,2 тыс. пудов

сахара, осуществил закупку 2 млн пудов хлеба в Минусинском уезде по приемлемым для крестьян ценам и запретил вывоз из региона дефицитных мануфактуры, обуви и изделий из железа. На 30 апреля 1917 г. путем закупок и пожертвований в Енисейской губернии для нужд армии и населения были заготовлены 510,7 тыс. пудов ржи, 729, 8 — овса и 47 тыс. пудов пшеницы. Из запасов, скопившихся в Красноярске, комитет решил уступить Иркутской губернии 300 тыс. пудов хлеба [6, 2 апреля, 6 мая; 41, 7, 15 апреля].

К лету 1917 г. зимние запасы мяса у губернского продовольственного комитета были исчерпаны и ожидалась массовая доставка его из сел. Хлебный же источник пока не исчерпался. Сельские общества Красноярского уезда продолжали ежедневно жертвовать и направлять в губернский комиссариат хлеб и денежные сбережения на нужды войны. Пожертвования активно поступали и от Дубенского, Восточенского, Лугавского, Кочергинского, Мало-Ининского, Мало-Минусинского, Ново-Вознесенского, Ново-Троицкого, Сагайского и Уджейского обществ Минусинского уезда. 2 июня жители д. Ильинки Шалаболинской волости собрали для армии 800 пудов зерна и 127 руб. деньгами. Состоявшийся 4 июня сход в с. Шушенском решил выделить в поддержку Временного правительства 2 тыс. пудов ржи. До осени 1917 г. только минусинское крестьянство пожертвовало для армии 15,9 тыс. пудов ржи, 745 пудов пшеницы, 960 – ржаной муки, 51 – овса. Из них на фронт были направлены 11 тыс. пудов ржи, 452 пуда пшеницы, вся пожертвованная мука и овес [6, 16 мая; 24, 4 июня; 40, 11, 20 июня; 41, 3 сентября]. Население Ачинского уезда пожертвовало для действующей армии в 1917 г. 7,6 тыс. пудов ржи, 10 пудов пшеницы, 681- овса, 19 – ржаной муки [22, 5 декабря].

Хлеба было достаточно, но его заготовки в ближайшем хлебопроизводящем районе уже вызывали озабоченность у служащих губернского продовольственного комитета. Крестьянские сходы в Канском уезде, откликнувшись на призыв исполкома уездного Совета рабочих и солдатских депутатов отдать излишки хлеба армии и го-

родскому населению, послали обозы с ним на железнодорожные станции. Таким путем были собраны 200 тыс. пудов хлеба. Но вследствие того, что в местном продовольственном комитете из-за отсутствия договоренности с соответствующими учреждениями достаточного количества складских помещений и денег для расплаты с крестьянами не оказалось, этот источник хлебных поступлений вскоре иссяк.

Слабо организованы были заготовки и в других местностях губернии. Так, в д. Еловской Ачинского уезда крестьяне пожертвовали 20 тыс. пудов хлеба, но он так и остался лежать без движения. На 11 июня накошенные сельскими обществами Ужурской, Мало-Имышской и Корниловской волостей того же уезда 2 млн пудов сена в силу отсутствия транспортировки по железной дороге оказались невывезенными [6, 11, 21, 24 июня; 19, 21 июня].

Летом 1917 г. возникли и первые противоречия в деятельности продовольственных органов и местных комитетов общественной безопасности (КОБов). К примеру, в с. Назимовском Енисейского уезда комитетчики отменили предельные продуктовые цены, установленные продовольственным комитетом, и назначили свои, убыточные для купцов. Когда же один из них отказался подчиниться этому решению, то комитет реквизировал у него продукты и передал их для продажи в свою потребительскую лавку [27, с. 139].

В обстановке продолжавшейся войны исполнительный орган губернского продовольственного комитета губернская продовольственная управа, общества потребительской кооперации и частные торговые фирмы, занимавшиеся снабжением населения промышленными товарами, были вынуждены сократить их поставки в село. Объем получаемых в министерстве продовольствия и завозимой в регион хлопчатобумажной ткани против довоенного составлял лишь 25 %. В Красноярске образовались «сахарные хвосты», начались затруднения с освещением квартир. С вздорожанием керосина, используемого для этой цели городскими обывателями, соответственно исчез он и в деревнях, что заставило крестьян при покупке переплачивать. Из-за трудностей доставки товаров с Дальнего Востока, где они имелись в избытке, в Красноярске на первые числа сентября не стало и мануфактуры, а на октябрь продовольственная управа объявила об ограничении её отпуска сельским потребительским обществам [19, 6 июля; 41, 3, 7 сентября; 24, 3, 6 октября].

Хотя мануфактура, сахар и соль еще поступали в уезды, их приток не удовлетворял потребностей крестьянства, а появление и продажа дефицитных товаров вызывали ажиотаж. К примеру, 11 октября несколько дней у лавки общества «Самодеятельность» в д. Шмандино наблюдалась очередь жителей, желавших приобрести катанки и мануфактуру. Одна из женщин при этом сломала руку, другая – ребро и у неё тут же начались роды [6, 11 октября].

Вместе с тем при экспорте зерна за пределы страны, продолжавшемся до октября 1917 г., осенью того же года повсюду разразился продовольственный Правительство, напомнив местным властям о государственной монополии, ограничившей свободную продажу хлеба, опубликовало распоряжение, требовавшее отправления всех запасов продовольствия на фронт. Скопив, благодаря высоким урожаям предшествующих лет, значительные запасы хлеба и ожидая подвоза из ближайших к Красноярску селений до 80 тыс. пудов хлебных излишков, губернский продовольственный комитет 28 августа 1917 г. решил отправить в голодавшие центральные города и действующую армию 100 тыс. пудов хлеба [18, с. 34; 41, 31 августа]. В то же время под влиянием окрепших большевиков комитетом в северный и приисковый Енисейский уезд, несмотря на имевшиеся там запасы хлеба, были посланы 100 тыс. и кооперативами – 19 тыс. пудов пшеницы [6, 22 сентября].

Местные продовольственные органы, не обладавшие полномочиями для осуществления реквизиции продуктов и боявшиеся народного возмущения, не спешили вводить удвоенные твердые цены на хлеб. Против повышения, к примеру, высказалась Красноярская городская дума. Об этом же сообщал в телеграммах Временному правительству председатель губернского

продовольственного комитета Н.Н. Шепет-ковский. Наконец им было получено новое правительственное распоряжение, категорически запрещавшее передачу заготовленных продуктов в распоряжение общественных организаций, повторявшее указание о продаже хлеба по удвоенной цене и требовавшее отсылки всех запасов на фронт. Положение продовольственных органов, оказавшихся между правительством и местными политическими силами, становилось затруднительным [24, 25 октября].

Зная о сложившейся ситуации, деревня стала рассматривать хлебную монополию как грабеж и требовала эквивалентного обмена произведенных ею продуктов на промышленные товары. Не желая сдавать зерно государству, которое не могло обеспечить их потребности, крестьяне сократили вывоз муки, овса, запасов пимов и шуб на городские базары. В сентябре, например, незначительным являлся подвоз хлеба в Канск. Большую часть его, поступавшего на местный базар, расхватывали солдатки, приезжавшие из Нижнеудинского уезда Иркутской губернии. Закупаемый в деревне хлеб стал оседать у крупных скупщиков и спекулянтов. Запасы его в Красноярске и Канске истощились.

К тому же, в Мало-Минусинской, Восточенской, Лугавской, Тесинской, Кочер-Шушенской гинской. И Нововолостях Михайловской Минусинского уезда был зафиксирован полный неурожай хлебов и трав. В результате ослабло поступление податей. Случившийся неурожай в степных районах Минусинского уезда заставил инородцев пуститься в поисках хлеба по русским селениям, а переселенцев Ново-Михайловской и Лугавской волостей - голодать [19, 14 сентября; 41, 14 сентября; 6, 29 сентября; 27, с. 318].

Состоявшееся 8–10 сентября 1917 г. в Минусинске уездное продовольственное совещание было вынуждено самостоятельно обсудить предложение правительства о сокращении частной торговли хлебом и вводе хлебной монополии. С этой целью его участники постановили провести учёт продовольствия на местах, а дальнейшие заготовительные операции и, в частности, реквизиции хлеба, осуществлять силами

кредитной кооперации и Монгольской экспедиции, продовольственных комитетов и управ. Они решили отправить в голодающие волости и селения, пострадавшие от пожара, запасы заготовленного хлеба, а для его реализации организовать специальные лавки. Совещание потребовало от правительства установления твердых и справедливых цен на товары фабричного производства [40, 29 сентября].

Следом проходившее пленарное заседание Минусинского уездного продовольственного комитета под председательством А.С. Сыромятникова заслушало сообщение уездного комиссара о том, что в некоторых местностях хлеб остался не обмолоченным, а крестьяне воспротивились его учету. Поэтому уездной продовольственной управе было поручено выявить крупных скупщиков и реквизировать хлеб у них по установленным твердым ценам [40, 23 сентября].

Кое-где данное решение было понято крестьянами так, что продовольственные служащие вознамерились использовать их хлеб в собственных целях. Хотя острой нужды в нем у населения не наблюдалось, в панике некоторые сельские общества, например, с. Казанцево, приступили к разгрузке общественных заготовительных магазинов [40, 8 октября].

В результате уже в сентябре 1917 г. у минусинских продовольственных лавок образовались «хвосты», в которых люди для получения 3-5 фунтов муки отстаивали в непогоду целые дни [40, 24 сентября]. 15 октября состоялся митинг торговцев, возложивших вину за недостаточность хлеба в городе на кооператоров-заготовителей, а 26-го – заседание городской думы, которое указало волостным земствам и кооперации приступить к его непосредственному обмену на мануфактуру [40, 26 октября, 2 ноября]. Случалось, население самостоятельно решало возникшие продовольственные затруднения. Так, жители с. Таштып предоставили рабочим Абаканского железоделательного завода 300 пудов ржи, а те им железные изделия [40, 2 ноября].

Тревожной складывалась ситуация с продовольственным обеспечением населения и в других местностях. В Канском уезде, например, где деревня приступила к мо-

лотьбе хлеба, задержка с вводом твердых цен настроила крестьян против продовольственных служащих [6, 29 сентября]. Объясняя отсутствие продажи хлеба своим недовольством «неравномерным распределением предметов первой необходимости между городом и деревней» и недостаточностью пайка, выдаваемого солдаткам, жители, к примеру, д. Можары Красноярского уезда, обвиняли власти в несвоевременном подвозе семян для весеннего сева [24, 5 октября]. В Ачинском уезде осуществлялись усиленные закупки скота союзом мясников и частными лицами из Красноярска по ценам выше установленных властями, которые грозили оставить население без скота, а Ачинск - без мяса. Вблизи Красноярска наблюдалось «нашествие» на деревню спекулянтов, которые скупленное продовольствие потом продавали в городе по завышенным ценам [6, 15, 22 октября].

Пользуясь обстановкой, большевики постепенно забирали продовольственное дело в свои руки и использовали его заготовки в собственных интересах. Ещё 8 августа 1917 г. губернский исполком высказался в поддержку инициатив Канского уездного продовольственного комитета [26, с. 158], который, не подчинившись указаниям губернской управы о ликвидации большинства волостных продовольственных органов, использовал денежные средства, отпущенные для заготовки продуктов, на их содержание. Игнорируя распоряжения регионального руководства и не допуская проверок своей деятельности, местные большевики разрешили вывоз хлеба, заготовленного губернской управой, в восточном направлении и в Могилёвскую губернию. Множество мешочников, получив от них разрешение на покупку хлеба и транспортировку его даже вагонами, подрывали продовольственные возможности губернии [8, л. 188, 190, 204].

Обострившаяся в октябре 1917 г. ситуация с продовольствием сопровождалась хаосом и поиском политического решения. Согласно описанию, оставленному советским автором, губернский комиссар Вл. М. Крутовский, получив телеграмму Временного правительства, в которой говорилось о необходимости создания особого

органа из представителей различных организаций для борьбы с начавшимися погромами, грабежами винных складов и захватом хлебных грузов, 23 октября 1917 г. провёл по этому поводу совещание. Собравшиеся справедливо констатировали, что погромная агитация и эксцессы в стране были обусловлены отсутствием продовольствия и наличием анархии, которая царила в области производства и распределения продуктов. Однако ответственность за это совещание возложило на правительство, ибо оно вело, по мнению его участников, ошибочную для страны продовольственную политику, иллюстрацией чего являлось удвоение твёрдых цен на хлеб [2, c. 801.

На состоявшемся в тот же день заседании Красноярской городской думы заявивший о недостатке хлеба в городе большевик и член городской управы М.И. Фрумкин уже требовал «бороться с анархической постановкой продовольственного дела в стране». Пытаясь найти выход из создавшейся ситуации, его поддержал председатель думы М.И. Зелтын, в очередной раз обвинивший правительство в «пагубности» его политики. Но участники заседания большинством голосов не приняли эту резолюцию [24, 25 октября].

В то же время на октябрьских заседаниях 1917 г. городская дума, боявшаяся недовольства населения, опротестовала объявленное правительством повышение стоимости сахара и приняла предложение того же Фрумкина продавать его по старым ценам с небольшой надбавкой [24, 2 ноября].

Осуществляемое по инициативе советов направление в деревню солдатотпускников также способствовало новому повышению цен на хлеб. Ввиду появления лиц, способных к возлиянию, зажиточные крестьяне стали его придерживать уже для самогонщиков, а бедняки и возвращавшиеся солдаты, не имевшие посевов, оказались обреченными на полуголодное существование. Когда же члены продовольственного комитета переселенческой и неурожайной Ново-Михайловской волости решились просить о помощи в Бейском волостном

земском собрании, то были встречены насмешками [40, 16, 18 ноября].

Между тем находились лица, которые в преддверии голода помогали бедствующим крестьянам. Так, посредническое кооперативное товарищество Минусинского уезда пожертвовало ДЛЯ населения Михайловской и Лугавской волостей 100 кулей крупчатки. На состоявшемся 21 ноября в Ачинске уездном земском собрании было решено помочь хлебом населению Ново-Новоселовской волости и таежных районов. Независимо от поступления мануфактуры и только высказываясь за её более равномерное распределение между городом и деревней, представители местного крестьянства обещали снабжать город продовольствием [19, 19 ноября; 40, 23 ноября; 24, 6 декабря].

Ощущая слабый подвоз хлеба крестьянами, власти некоторых уездов перешли на более высокие покупные цены. Губернский продовольственный комитет, на попечении которого находились не только горожане, но и жители пристанционных поселков, силами управы закупил в Ачинском и Канском уездах 32 тыс. пудов ржи, 95 - овса и 3 тыс. пудов пшеницы и тем самым запасся продовольствием до середины декабря 1917 г. Несмотря на то, что в целом по Минусинскому уезду хлеб к заготовителям поступал слабо, случалось, что, например, в с. Абаканском крестьянам даже отказывали в приеме привезенного зерна. Организовав продажу хлеба населению по продовольственным книжкам и привозной муки на базарах, губернский продовольственный комитет предложил Красноярской городской думе с 12 декабря ввести новые на него цены [41, 21 ноября; 40, 26 ноября].

С августа и до конца 1917 г. Енисейская губернская продовольственная управа получила от Министерства продовольствия 267,1 тыс. аршин (аршин = 72 см) хлопчатобумажной ткани, 880 дюжин (по 12 штук) одеял, шарфов и платков. Кооперативными товариществами и частными торговцами на фабриках для населения региона были закуплены 85,3 тыс. аршин ткани и пр. тканевых изделий. Дважды в месяц мануфактура поступала уездным потребительским обществам для распределения среди населения.

Для нужд губернии за год были отправлены 192,4 тыс. пудов сахара. Управа заготовила 100 тыс. пудов соли, а остальную потребность в ней восполнили закупки, осуществленные кооперативными товариществами и частными фирмами [42, 13 января].

Взамен в текущем году губернский продовольственный комитет организовал отправку в действующую армию по разным данным от 1,5 до 1,7 млн пудов различного зерна, 10 тыс. голов скота и 30 тыс. пудов соленой рыбы, а также закрыл правительственные наряды для голодающего населения ряда западных губерний [22, 28 ноября].

Однако продовольственное положение населения Центральной России и городов Сибири продолжало ухудшаться. Месячный хлебный паек в Красноярске уменьшился до 25–30 фунтов (фунт = 409,5 гр) на каждого жителя [24, 30 ноября; 13, с. 79].

Пришедшие к власти большевики распоряжались хлебом уже по-своему и наладили прямой товарообмен со своими центрами. Когда из Томска пришла телеграмма об угрожающем продовольственном положении, то Канский совдеп 13 ноября 1917 г. принял решение о помощи хлебом. Выступая в сборном цехе красноярских железнодорожных мастерских, нарком продовольствия И.А. Теодорович 20 ноября призвал рабочих «влиять на крестьян и помочь Петрограду». Объединённый губернский исполком 25 ноября опубликовал воззвание к крестьянам о необходимости выделения хлеба Петрограду и фронту.

К 27 ноября из Канска, где находились 2 млн пудов заготовленного прежней властью хлеба, в Томск вывезли 15 тыс. пудов. 29 ноября оттуда же маршрутным поездом из 50 вагонов отправили в Петроград 30, а по другим данным - 50 тыс. пудов. Хлеб сопровождала делегация, состоявшая из четырёх крестьян и солдат. Эта инициатива местных большевиков удостоилась благодарности очередного наркома продовольствия А.Г. Шлихтера, телеграмма которого была опубликована в газете «Красноярский рабочий». Понимая, что в зимнее время получить продовольствие из деревни практически будет невозможно, но, надеясь на его прибытие с открытием навигации из Минусинска, большевик А.И. Окулов на ноябрьском 1917 г. пленарном заседании Красноярского Совета выразил уверенность в вывозе из губернии в центр 1 млн пудов хлеба [24, 30 ноября; 26, с. 263, 518; 32, с. 325; 31, с. 194, 201].

В начале декабря большевики получили из Наркомата продовольствия телеграмму о том, что из Петрограда в их распоряжение отправлены пять вагонов сукна, по вагону - калош и сапог. В свою очередь, из Канска в Петроград были посланы два вагона с продовольствием и в наркомат - телеграмма о перспективах снабжения хлебом. Сообщив о возможном притоке хлеба, власти Канска брались вывезти его в центр. Там же они доносили, что губернская продовольственная управа, скупив на денежные средства, выделенные прежним правительством, до 600 тыс. пудов хлеба, препятствовала его вывозу. В телеграмме заключалось предложение передачи продовольственного дела от управы, якобы саботировавшей выполнение декретов Советской власти, к Канскому продовольственному комитету. Вместе с аппаратом, мельницами и ссыпными пунктами в его распоряжение должны были отойти и запасы хлеба, находившегося в складах кооперации. При этом комитетчики предлагали перевести им денежные средства, отпущенные на закуп хлеба и организацию продовольственного дела, а также снабдить их мануфактурой для товарообмена с крестьянами [42, 6 января].

Общим для деревни являлось ожидание от нового правительства всяческих послаблений, активной поддержки путём предоставления промышленных товаров и переложения финансово-имущественных тягот на буржуазию. Например, выступавший на II Красноярском уездном крестьянском съезде (1–15 декабря 1917 г.) представитель Сухобузимской волости жаловался на «неправильные» отношения между городом и деревней: мануфактура и железо отсутствовали, а цены на сельскохозяйственные продукты упали. Возмущало его и повышение цен на сахар. Делегат Есаульской волости высказался за установление твёрдых цен на предметы первой необходимости, а Тертежской – за эквивалентный обмен с городом через кооперацию [37, с. 60–61].

Однако у новой власти промышленных товаров было недостаточно, чтобы удовлетворить потребности в них сельского населения. Дело доходило до конфликтных ситуаций. Так, когда крестьянам, приехавшим в декабре 1917 г. на красноярские склады обществ «Волга» и «Братья Нобель» за керосином, было отказано в продаже, то они грозились разгромить хранилища [8, л. 194].

Большевики оправдывались, заявляя о том, что получаемая губернией мануфактура в основном отправлялась в деревню. Но вести, приходившие с мест, говорили о другом. Приехавший из уезда и выступавший на пленарном заседании Красноярского Совета рабочих и солдатских депутатов военнослужащий Шалагин заявил, что крестьяне «давали хлеб», но взамен, кроме обещаний, ничего не получили. Для ознакомления с продовольственным делом и организации отправки хлеба в голодающие местности Соединенный исполком тут же избрал пятерых лиц [24, 30 ноября].

В селениях Минусинского уезда, где керосин стал продаваться по завышенным ценам, прекратилось снабжение горожан дровами и хлебом, а новоселы, лишенные продовольствия, в поисках его, напротив, устремились в город [40, 10, 12, 13 декабря]. Состоявшийся в конце ноября 1917 г. ІІІ уездный съезд крестьянских депутатов решил вводить хлебную монополию лишь после обсуждения этого вопроса на местах с участием посланных инструкторов [40, 2 декабря]. Но в ряде мест, например, в с. Мало-Минусинском, она стала осуществляться по решению волостного земства [40, 20 декабря].

С воцарением Советской власти продовольственным делом на местах еще продолжали заниматься прежние органы, но оно все больше переходило к большевикам. Так, если в Ачинске заготовки осуществлялись городским управлением, то в Канске — под опекой соответствующего органа с обилием хорошо оплачиваемого штата, состоявшего из бывших спекулянтов, маклеров, кабатчиков и комиссаров из солдат. Не имея возможности содержать такой состав

79

уездных служащих, губернская продовольственная управа 11 декабря была вынуждена урезать смету. Но её предложение отрешиться от узкоместнических взглядов, направленное уездному продовольственному комитету, осталось без ответа [42, 4 января; 8, л. 188, 190, 204].

Сами продовольственные управы, обладавшие специальным аппаратом служащих и наделенные правами непосредственного выполнения заготовительных и торговых операций, но объявленные антисоветскими, оказались не в состоянии вести заготовки продуктов. Напротив, постоянным стало происходившее с ведома Енисейского губернского исполкома вмешательство представителей Советской власти в дела губернской продовольственной управы. 19 декабря 1917 г. состоялось заседание губернского продовольственного комитета, на котором её сотрудники заявили о «катастрофическом» продовольственном положении потребляющих районов региона, которое сложилось в результате деятельности Канского продовольственного комитета и советских органов. Они потребовали от губернского исполкома призвать к порядку данные службы, не вмешиваться самому в распределение хлеба и мяса, освободить от реквизиций мануфактуру на складах, восстановить нарушенный им план её распределения в губернии и поставили вопрос о доверии к своей деятельности со стороны губернского продовольственного органа и поддержке её Советской властью [42, 4 января].

В ответ впервые прозвучали предложения о реорганизации продовольственного дела, которая мыслилась большевиками и эсерами по-разному. Представитель губернского крестьянского съезда и социалист-революционер И.В. Казанцев предлагал передать его губернской земской управе, избранной самим населением. Однако заместитель городского головы и все тот же Фрумкин, назвав земство «мужицкой организацией», к которому горожане якобы не испытывали доверия, объявил собравшимся, что Советская власть намерена создать в городе свой продовольственный комитет, способный конкурировать с земским. Несмотря на такое заявление и предупреждение, исходившее от присутствовавшего большевика, о том, что в противном случае «придется прибегнуть к штыкам», заседавшие приняли резолюцию о вхождении продовольственного комитета в земские структуры. После этого большевики покинули заседание [20, 8 февраля].

Для того чтобы заинтересовать крестьян в товарообмене, красноярские красногвардейцы и милиционеры во главе с Г.С. Вейнбаумом в ночь на 17 декабря произвели обыск в двух проходящих поездах. Здесь они экспроприировали мануфактуру на несколько сотен тыс. руб. «Законность» данной акции была подтверждена решением губернского исполкома о запрете провоза товаров из Владивостока через Красноярск. Милиция реквизировала в магазинах красноярских торговцев и на казённом сельскохозяйственном складе мануфактуру, крупчатку, мыло, табак, красное вино и катанки. Во время новогоднего и рождественского праздников 1918 г. во все отделения городской милиции были направлены комиссары в сопровождении солдат, которые произвели обыски у зажиточного населения. Весь реквизированный товар был отправлен уездным советам для обмена у населения на хлеб [2, с. 152–153].

Между тем крестьяне проявляли недовольство введением продовольственными управами хлебной монополии. В Минусинском уезде, к примеру, инструкторы, командированные в декабре 1917 г. для разъяснения населению важности этого мероприятия, встретились с чинимыми препятствиями. Так, в Комской волости они получили допуск к учету хлеба лишь в нескольких селениях. Двое из них, принятые за большевиков, были крестьянами избиты, арестованы и доставлены в местную тюрьму. Продовольственная управа решила реквизировать хлеб в волостях, отказавшихся от введения хлебной монополии. Однако в Сагайской волости жители отказались выдать ранее реквизированный хлеб [40, 25, 30 декабря].

В других местностях крестьяне, считая, что власть перешла в руки «своих», перестали платить подати и повинности, приступили к упразднению избранных земств, заменяя их советами. Оказавшись без

средств существования и поддержки большевиков, которые считали, что земства вскоре будут расформированы, представители Ачинской уездной земской управы получили для своего существования последние денежные средства, имевшиеся у губернских земцев [42, 6 января].

Губернский продовольственный комитет был вынужден телеграфировать в Петроград о том, что Канский продовольственный комитет, пользуясь поддержкой, выраженной ему в телеграмме Наркомата продовольствия от 6 января 1918 г., отказался подчиняться и пообещал СНК заготовить с тем, чтобы напрямую снабжать столицу, мифический объем хлеба. В результате его деятельности были сорваны обязательные поставки енисейского хлеба в Иркутский и Якутский регионы, снабжение продовольствием населения потребляющих волостей, военнопленных и железнодорожных служащих внутри губернии. На развалинах хлебной торговли вырос спекулянтский хлебный рынок и возникло мешочничество, которое проникло в Канский уезд и выросло до вывоза хлеба вагонами в восточном направлении. Оно «пробило брешь» в твердых ценах и стимулировало крестьянский саботаж. Губерния оказалась, по мнению продовольственных служащих, «обреченной на голод».

С целью предотвратить окончательное разрушение продовольственного дела и в соответствии с законом прежнего правительства от 16 марта 1917 г. губернские продовольственные органы 3 и 7 января 1918 г. постановили передать его до созыва Учредительного собрания в ведение Временной губернской земской управе [42, 12, 13 января].

Перехватывая инициативу, большевики решили заменить ранее существовавшие продовольственные органы Временного правительства. 6 января 1918 г. они созвали губернский продовольственный съезд, на котором присутствовали 33 представителя губернского, уездных советов, железнодоотонжод продовольственного комитета, Центрального бюро профессиональных союзов и немногие служащие губернского товарищества и городских кооперативов. Заседая вплоть по 11 января, «подтасованный» съезд проголосовал за упразднение прежней губернской и избрал новую продовольственную управу. Несмотря на протесты служащих, заявивших о том, что губернский продовольственный комитет передается в ведение земства, большевики, назвав эту организацию «самозванной» и угрожая оружием, захватили его помещение.

Следом было объявлено о реорганизации продовольственных служб в уездах. Красноярская управа превратилась в филиал губернской продовольственной управы, а волостные органы – в продовольственные столы при земских управах. Некоторые из последних уже объявили себя советами. В Минусинске новый продовольственный комитет сразу же постановил уменьшить твердые цены на овес, а большевик Т.А. Шаповалов, выступая в земском собрании, заявил, что хлебную монополию придется вводить силой. На уездном земском собрании в Енисейске лидер местных большевиков С.М. Иоффе от имени местных солдат и рабочих обвинил гласных городской думы в демагогии и призвал разогнать представителей населения уезда. Упразднив «старую» продовольственную управу, большевики поставили во главе продовольственного дела в Енисейском уезде некоего Шарафутдинова, названного газетой «невежественным» человеком [20, 8 февраля; 5, 17 февраля; 42, 2–15 февраля].

Начиная с января 1918 г., советы в Енисейской губернии создали внутри себя продовольственные отделы и тем самым взяли заготовку хлеба под своё непосредственное руководство. Однако большевики, хотя и заявляли о ничтожной роли в продовольственном деле «старых» органов, вероятно, так и не смогли окончательно отодвинуть от него опытных служащих прежнего управления. Состоявшееся 21 января 1918 г. губернское продовольственное совещание, заявив о необходимости централизации продовольственных мероприятий продовольственной губернской управы, приняло план её работы [25, 31 мая; 44, с. 164, 166].

С переходом продовольственного дела к Советской власти она выделила для товарообмена с енисейскими крестьянами

200 тыс. руб. денежных средств, на которые продовольственный отдел губернского исполкома начал закупку мануфактуры. 18 февраля 1918 г. председатель губернского исполкома Вейнбаум телеграфировал в Петроградский государственный банк о необходимости прислать в Красноярск денежные знаки на сумму в 25 млн руб., предназначенные для финансирования закупок и вывоза продовольствия, организации общественных работ, а также борьбы с контрреволюцией. В губернии начали функционировать мануфактурный и коневодческий магазины. Увеличилась подача вагонов с керосином и нефтяными продуктами. С целью борьбы с мешочниками был организован ряд заградительных постов и ссыпных пунктов. Для покупки хлеба у крестьян и доставки его первыми пароходами в губернский центр губернская и Красноярская уездная продовольственные управы в феврале 1918 г. открыли ссыпные пункты в с. Даурском и Новоселово, Беллыке и Абаканском соответственно Ачинского и Минусинского уездов. Зимой этого же года крестьяне Канского уезда продали союзу кредитной кооперации 1 млн пудов овса, запасы которого в Красноярске шли на муку [7, 6–19 марта; 25, 31 мая].

Но товарообмен, как считают исследователи [33, с. 27], не состоялся, ибо большевики, которых, прежде всего, интересовало распространение в деревне революции, его провалили. Снабжение крестьянства сельскохозяйственными машинами осуществлялось неудовлетворительно: партия их, закупленная в США, вместо Владивостока попала в Японию. Объём полученного от заводов железа не удовлетворил запросы населения. Крестьяне с недоверием относились к свободному обмену и с неохотой обменивали хлеб даже на дефицитные в деревне плуги и кожу. Тем более что в таких местностях, как Зеледеевская, Михайловская, Шерчульская, Мининская и частично Нахвальская Больше-Муртинская волости Красноярского уезда, ощущался острый недостаток хлеба. В марте 1918 г. в Красноярске иссякли запасы муки, сократился сахарный паёк. Заявив об ухудшении продовольственного дела в губернии, состоявшееся еще 4-5 марта губернское продовольственное совещание снова рекомендовало властям перейти к хлебной монополии [42, 2–15 февраля; 7, 11–24 марта; 25, 31 мая; 44, с. 175–176].

Находясь у власти в обстановке остросоциально-экономического кризиса, большевики были вынуждены обратиться к ужесточению аграрной политики. Рассмотрев ситуацию, губернский съезд Советов (1-13 марта 1918 г.) принял новые «Общие положения обмена товаров на хлеб», согласно которым местные власти обязывались выдавать крестьянам за сдачу трёх пудов ржи или двух пудов пшеницы аршин мануфактуры и доплачивать деньгами. Постановив, что в случае отказа сдавать излишки хлеба по твёрдым ценам, он должен реквизироваться с понижением оплаты на 15 % и без права владельца на получение товаров, съезд в сущности выступил за введение хлебной монополии. В то же время его участники, приняв резолюцию по продовольственному вопросу, в которой отметили, что зажиточные слои деревни «преступно задерживали хлеб», тем самым обозначили классовую направленность хлебозаготовок [26, с, 372; 28, с. 34].

Новые правила отношений с деревней предложила Инструкция Наркомата продовольствия к Декрету Совнаркома от 26 марта 1918 г. Согласно этому документу промышленные товары в случае полной сдачи хлеба крестьянами определённой волости должны были распределяться по её селениям равномерно среди жителей. Непосредственно крестьянин товар не мог получить, он передавал квитанцию о сдаче хлеба в совдеп или общество потребителей, которые и распределяли материальные ценности. Поэтому товар часто служил не орудием обмена, а премией неимущим крестьянам за содействие в выкачке хлеба. Тем самым состоялась очередная попытка усилить его заготовку в принудительном порядке, используя снабжение товарами беднейшей части деревенского населения.

Там, где советы в деревнях возглавили настроенные решительно большевики, хлеб принудительно изымался у крестьян. Так, Тасеевский совдеп, выставив кордоны, задержал более тысячи крестьянских подвод, направлявшихся на рынок, и реквизировал

до 40 тыс. пудов хлеба. Содействовали изъятию его и рабочие продовольственные отряды. Например, в марте 1918 г. такой отряд, созданный на железнодорожной станции Абакан из уполномоченного и девяти красногвардейцев, обследовал ряд улусов Усть-Абаканской волости, где произвёл опись хлебных запасов в 26 хозяйствах, а затем и реквизицию «излишков» по твёрдой цене [47, с. 101–107; 18, с. 62].

В некоторых селениях Ачинского уезда жители организовались и ввели коллективный товарообмен. Заставив крепких мужиков сдавать хлеб на ссыпные пункты, они усилили его поступление, а полученные за это товары распределяли равномерно между всеми крестьянами [32, с. 325, 327].

В других – волостные советы проводили хлебную монополию, передавая часть изъятого продукта бедноте. Так было, к примеру, в Ермаковской, Идринской и Мало-Мигнинской волостях Минусинского уезда, Ворговской, Пировской и Яланьской волостях Енисейского уезда, Степно-Баджейской и Покровской волостях Крас-

ноярского уезда. Но в целом по губернии такая форма заготовок получила распространение лишь в 10 волостях [18, с. 63; 17, с. 10].

Новые поправки в организацию хлебозаготовок были внесены постановлением продовольственного отдела губернского исполкома от 23 апреля 1918 г., которое предоставляло право отчуждения излишков хлеба у частных лиц и передачи их нуждавшимся. Отказчики предавались суду ревтрибунала, а хлеб реквизировался со скидкой твёрдых цен на 30 % [26, с. 436].

Используя различные способы, власти Енисейской губернии с августа 1917 по апрель 1918 г. заготовили 1051 тыс. пудов хлеба, которые составляли, примерно, четверть всех крестьянских запасов [30, с. 74]. Вопреки утверждению советской историографии, основанному на воспоминаниях руководителей продовольственного дела в Сибири [13, с. 80], этот хлеб не был сугубо бедняцким.

Испытывая нехватку финансовых средств, советы попытались собрать с кре-



Съезд Советов Сибири (Красноярск, сентябрь 1917 г.). Сидят (крайний справа) Г.С. Вейнбаум, (второй слева) Т.А. Шаповалов; во втором ряду – второй справа А.М. Маслов; в третьем ряду – слева Я.Е. Боград

стьянства недоимки за 1916 и 1917 гг. Соответствующее постановление было принято на губернском съезде советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов в марте 1918 г. Однако крестьяне, уверенные в том, что революция их полностью освободила от уплаты любых налогов, встретили данную меру с негодованием. К примеру, общее собрание граждан с. Замятинского Красноярского уезда 10 марта постановило: «Ввиду того, что раскладка на 1917 г. производилась старым императорским правительством, общество отказывается ... платить сборы». В том же месяце исполком совета крестьянских депутатов Мининской волости того же уезда констатировал, что «крестьяне совершенно ни копейки не платят и ... даже не показывают желания платить» [14, с. 83].

Случалось, некоторые советы сами отказывались поддерживать политику своей власти. Так, к примеру, 27 февраля 1918 г. середняцкий ПО составу Больше-Муртинский волостной совет (Красноярский уезд) принял решение о введении на подведомственной ему территории хлебной монополии, установлении твёрдых цен на хлеб, устройстве в селе ссыпного пункта и контроле за базаром, а 4 апреля он же высказался против товарообмена, за закупку хлеба в волости только по рыночным ценам [18, c. 64].

Попытки большевиков вернуть контроль над продовольственным делом с помощью Красной гвардии приводили к случаям крестьянского сопротивления. Когда на вновь открывшийся ссыпной пункт на ст. Камарчага для охраны хлеба были посланы девять красногвардейцев, то на них напали 35–40 крестьян из окрестных селений. Один из красногвардейцев, вырвавшись, пытался телеграфом сообщить об этом инциденте в Красноярск. Но его тут же избили. Для усмирения крестьян в Камарчагу был отправлен красногвардейский отряд [2, с. 111–112].

Казалось бы, деревня при наличии невыгодных для неё отношений с государством должна была сократить хозяйственные возможности. Но в условиях выживания наблюдалось обратное: начавшееся в апреле 1918 г. распределение земель охватило

значительное количество крестьян. Засеяли поля даже те, кто ранее такой возможности не имел. Посевы в губернии против 1917 г. выросли на 65,1 тыс. десятин, или на 9 % [46, с. 9].

Весной 1918 г. страна оказалась в ситуации, повторявшей многие черты предоктябрьской эпохи: нараставший экономический, социальный и политический кризис, слабость и раскол власти, которая не имела реалистичной программы выхода из него, а также недовольство её деятельностью со стороны общества. На местах такое положение было обусловлено, прежде всего, слабой финансовой обеспеченностью советских органов. Так, например, Минусинский совдеп в телеграмме Совнаркому РСФСР от 1 апреля 1918 г. сообщал, что он уже четыре месяца обходится собственными денежными средствами, которые сильно истощились. В результате стали закрываться школы, больные в лечебных учреждениях голодали, солдатки, случалось, от истощения даже умирали, а неокрепшие советы прекращали работу. Чтобы осуществлять хоть какую-то деятельность, местные большевики просили выделить Минусинскому казначейству 5 млн руб. [11, л. 61]. В телеграмме от 3 апреля совдеп умолял ВЦИК, мотивируя свою просьбу тем, что промышленные и полевые работы останавливались, а золото рудников расхищалось, «оказать хотя бы какую-нибудь помощь» [12, л. 1]. 13 апреля он же телеграммой информировал СНК о большом недостатке продовольствия и наличии более 3 тыс. безработных [10, л. 4].

Понимая, что отсутствие новых денежных знаков оказывало сильное антисоветское агитационное воздействие на обывателей и, убедившись в том, что финансовой помощи ему не дождаться, пленарное заседание Минусинского Совета запросило ВЦИК о разрешении штемпелевания старых денег. При осуществлении этой акции предполагалась выдача крестьянам по 200 руб. на человека, а прочая сумма, предоставленная ими, зачислялась за советами в качестве долга населению [12, л. 2].

К тому же власти соседнего региона, которым губернский продовольственный отдел отказал в выделении мануфактуры,

реквизировали 80 её тюков, предназначенных для обмена на хлеб в Минусинском уезде [25, 31 мая].

Такая обстановка не способствовала продовольственным заготовкам, объем которых в Енисейской губернии стал уменьшаться. Вместо предоставления хлеба советам крестьяне предпочитали использовать его на выгонку самогона. На 1 мая 1918 г. в Красноярском уезде заготовили лишь 150 тыс. пудов ржи. Кредитная кооперация собрала 170 тыс. пудов зерна. Ачинский продовольственный отдел пытался применить реквизицию хлеба, которая оказалась неэффективной. Тогда в четырёх волостях уезда в обмен на хлеб был пущен спирт, на который удалось выменять 5 тыс. пудов ржи. В Минусинском уезде заготовки хлеба начались лишь в марте. Но из-за неудовлетворительной организации ссыпных пунктов они осуществлялись здесь слабо [25, 31 мая]. Претворение в жизнь хлебной монополии, как и ранее товарообмена, не принесло большевикам желаемых результатов.

Попытку крутого поворота в продовольственной политике Советской власти большевики совершили в мае - июне 1918 г. Затея вооружённого похода в деревню имела, по мнению учёных, доктринальную основу. Раскол деревни прогнозировался В.И. Лениным ещё в марте 1917 г., когда в своих «Письмах из далека» он ставил задачу создания органов, отдельных от всеобщих крестьянских советов и состоявших из рабочих и батрацких депутатов. Позднее угрозу революции её вождь увидел со стороны крестьянской стихии, которую можно было, по его мнению, победить лишь силовыми методами. На заседании ВЦИК 29 апреля он говорил о необходимости беспощадной борьбы с крестьянами -«мелкими хозяйчиками», не любящими организации и дисциплины [33, с. 63, 195]. Нарком продовольствия А.Д. Цюрупа в докладе ВЦИКу 9 мая 1918 г. объяснял: «Я желаю с совершенной откровенностью заявить, что речь идёт о войне, только с оружием в руках можно получить хлеб» [36, с. 254]. 20 мая Я.М. Свердлов потребовал от местных органов «разжечь гражданскую войну в деревне» [39, с. 213–216].

Введение продовольственной диктатуры являлось, по мнению одного из исследователей, первым шагом на пути к построению социалистического земледелия [21, с. 233]. Другой историк заявил, что в основе большевистского поворота лежала как «диктатура теории» - стремление непосредственного перехода к социализму без предварительного периода, так и обстоятельства, являвшиеся следствием прежней политики [29, с. 181, 184]. Ещё один исследователь одновременно с утверждением о том, что вооружённый поход большевиков за хлебом служил разжиганию Гражданской войны, выдвинул тезис о его направленности против советов, которые, будучи уже не большевистскими, весной 1918 г. бунтовали против экономической политики РКП(б) и восстанавливали свободную торговлю хлебом. Следующим правительственным актом после введения продовольственной диктатуры, указывал он в подтверждение своей мысли, стала реорганизация Наркомата продовольствия и переподчинение его местных органов напрямую правительству [33, с. 66]. В целом же отечественная историография едина в выводе о том, что аграрная и продовольственная политика Советской власти создала условия для возникновения Гражданской войны [43, c. 95].

Ещё до решения Центра о вводе продовольственной диктатуры её осуществлял Канский совдеп [13, с. 80], а Енисейский губернский и Красноярский уездный исполкомы с целью усиления поступления хлеба 7 и 8 мая 1918 г. приняли постановления о посылке в деревню красногвардейских отрядов, которые, прежде всего, должны были заняться реквизицией семенного материала у зажиточных крестьян. С этого времени красный террор в деревне стал приобретать, по мнению одного из исследователей. характер социальнопровоцирующих действий большевистского государства [3, с. 233]. Осуществляя изъятие у «кулаков» семенного материала, большевики с целью заинтересовать в этой акции бедноту и тем самым ещё более расколоть деревню стали выделять его часть активистам. Губернский продовольственный отдел, снизив цены, выделил для продажи неимущим крестьянам Красноярского уезда 6 тыс., а соответствующий орган в Ачинске — населению семи волостей, пострадавшему от неурожая, — 20 тыс. пудов хлеба [32, с. 327].

Декретами ВЦИК от 9 мая, ВЦИК и СНК от 13 мая 1918 г. в стране была объявлена продовольственная диктатура. Наркомату продовольствия были предоставлены чрезвычайные полномочия в борьбе с зажиточными слоями деревни, якобы укрывавшими и спекулировавшими хлебными запасами. Все держатели продовольствия, не заявившие его к сдаче в недельный срок, не вывезшие хлеб на ссыпные пункты и занимавшиеся его перегонкой на самогон, объявлялись врагами народа. Укрывателям хлеба грозили конфискация хлеба и имущества, тюремное заключение. Трудящееся крестьянство призывалось к немедленному объединению для «беспощадной борьбы с кулаками». Поощрялось доносительство: лица, указавшие на укрытие, получали половину изъятого хлеба. Наконец, Советская власть узаконила направление в деревню осуществления продовольственной диктатуры рабочих и красногвардейских отрядов.

По более поздним сведениям белой прессы, енисейская деревня в 1918 г. не испытывала продовольственных затруднений, у крестьян сохранялись существенные запасы хлеба [48, с. 10]. Но губерния помочь Центру продовольствием могла, лишь выкачав хлеб в Канском и Минусинском уездах. Неслучайно большевики заявляли: «Без минусинского хлеба мы не провоюем и одной недели» [35, С. 178].

С целью выяснения наличия и организации заготовок хлеба губернский исполком послал в Минусинский уезд делегацию, состоявшую из Я.Е. Бограда, А.П. Лезаместителя председателя бедевой И Н.Н. Демидова. С приездом её в Минусинск 20 мая 1918 г. состоялось чрезвычайное пленарное заседание совдепа, участники которого заявили о возможности обмена товаров на хлеб в объеме от 1,5 до 3 млн пудов. Они решили реквизировать у «кулаков» и немедленно отправить в Красноярск 40 тыс. пудов хлеба. Встретив сопротивление со стороны уездной продовольственной управы, которая сочла, что население уезда недостаточно снабжено продовольствием, с агитационными целями разъехались по деревням депутаты крестьянской секции.

24 мая Демидов и Лебедева отчитывались о проделанной работе на пленарном заседании Красноярского Совета. Выслушав их, оно предложило губернскому исполкому напрячь все силы, чтобы вывезти из Минусинска как можно большее количество хлеба и отправить его в голодающие губернии. Но, в отличие от выводов Демипрогноз Лебедевой относительно возможности вывоза хлеба из Минусинска оказался менее оптимистичным. Согласно её наблюдениям, минусинская деревня, не подвергшись глубокому расслоению по имущественному признаку, не испытывала желания расставаться с ним. Доставить хлеб в Красноярск мирным путём, считала Лебедева, будет затруднительно [25, 28 мая; 26, с. 471, 527].

Понимая, что деревенская беднота в Сибири малочисленна и слабо организована, а использование в продовольственных заготовках вооружённых местных уроженцев приведёт к срыву объявленного призыва в Красную армию, Енисейский губернский исполком ещё 17 или 18 мая 1918 г. телеграммой в ЦИК, СНК, В.И. Ленину и Л.Д. Троцкому сообщил о поддержке Декрета ВЦИК о продовольственной диктатуре. Однако он попросил для слома сопротивления «кулаков» и изъятия у них продовольствия прислать в Красноярск воинские части. Выполнить эту просьбу Я.М. Свердлов, в связи с событиями на фронте, отказался [32, с. 327; 12, л. 5, 8].

Для обсуждения и решения усложнившихся в условиях начавшегося чехословацкого мятежа продовольственных задач 27— 30 мая 1918 г. состоялся губернский продовольственный съезд. На нём были подведены неутешительные для Советской власти итоги продовольственной работы, подвергнута критике деятельность соответствующих органов, которые даже не располагали сведениями о запасах хлеба на местах.

Оказавшись без поддержки Центра и в кольце враждебных сил, красноярские большевики были вынуждены вновь обратиться к более мягкому государственному

регулированию отношений с деревней. Принятая съездом резолюция нацеливала губернский и уездные продовольственные органы на проведение в жизнь хлебной монополии, которая должна была осуществляться крестьянами как добровольно, так и под воздействием репрессивных мер. В то же время съезд разрешил товарообмен, выгодный определенным лицам в деревне. Техническое выполнение продовольственного плана было возложено на два союза и 700 обществ потребительской, три союза и 150 товариществ кредитной кооперации [26, с. 482, 484].

Вследствие того, что Советская власть в Сибири агонизировала, данные решения съезда оказались невыполненными, а дальнейшие продовольственные заготовки вышли из-под контроля губернского исполкома. Так, Енисейская уездная продовольственная управа не выполнила указания губернского продовольственного комитета об отпуске в Туруханск и приискам Северо-Енисейского горного округа 10 тыс. пудов хлеба [26, с. 490, 501].

Продовольственные заготовки, осуществляемые в Минусинском уезде агентами и членами губернского исполкома, вызывали у населения казачьих станиц и старожильческих сел крайнюю неприязнь. В с. Большая Иня она выплеснулась в самосуд со смертельным исходом, которому местные заправилы подвергли на время вернувшегося с заготовительных работ большевика Шаповалова. Посланная исполкомом для расследования следственная комиссия с красногвардейским отрядом не смогла выполнить свою задачу. Другой отряд, состоявший из 20 красногвардейцев, войдя в с. Шалаболино, заставил местных жителей сдавать хлеб по твёрдым ценам и взял с них контрибуцию. Прознав о чехословацком выступлении, крестьяне пустились за ним в погоню, а затем, организовавшись в отряды, насчитывавшие около 800 человек, разгромили советы и расстреляли 12 схваченных большевиков. Согласно другой версии, местное население прогнало большевистских агитаторов, пытавшихся склонить его к избранию делегатами очередного крестьянского съезда угодных совдепу лиц, разоружило и оскорбило появившегося следом красногвардейца. Посланный же с целью наведения порядка отряд из 24 минусинских красногвардейцев, натолкнувшись на сопротивление находившихся на их пути деревень, был вынужден повернуть обратно. Вскоре с. Шалаболино стало повстанческим лагерем, откуда крестьянские дружинники, объединившись, двинулись на Минусинск [18, с. 72; 4, 3 июля].

Находясь в тисках возникших фронтов и надеясь обезопасить себе тылы, красноярские большевики 10 июня 1918 г. выдали горожанам с продовольственных складов 18,7 тыс. пудов семенного хлеба и более 5 тыс. пудов картофеля [9, л. 29]. Но подобные меры уже не могли спасти Советскую власть от поражения.

Оценивая деятельность большевиков в сибирской деревне, один из авторов считал, что продовольственная политика, осуществляемая через систему конфискаций и реквизиций, вызвала недовольство крестьян, оттолкнула их от Советской власти и обеспечила её падение [45, с. 88]. Лозунг «Земля — крестьянам» оказался, согласно мнению современного историка, лозунгом голода в городах. Он привёл крестьян к отказу от своих обязанностей по отношению к обществу. Большевистская же власть, не имея сил организовать выплату налога, была вынуждена прибегнуть к чрезвычайным мерам [34, с. 60; 33, с. 110].

Похожая ситуация складывалась и на Енисее. В конце июня 1918 г. в Красноярске имелись только 20 тыс. пудов продовольствия, а на ссыпных пунктах губернии были собраны 150 тыс. пудов хлеба, которого не хватало даже для снабжения северных районов. Доедая последние, рассчитанные на две недели, запасы хлеба, красноярские обыватели жили в атмосфере слухов о приближающемся голоде [4, 23 июня, 3 июля; 42, 7 июля]. В то же время политика продовольственной диктатуры была не только кратковременной, но и почти безрезультатной. Она не затронула широких масс енисейской деревни. Спровоцированные ею, в свержении большевистской власти участвовали в основном лишь минусинские крестьяне.

Уже 21 июня 1918 г., т. е. на следующий день после освобождения Красноярска от большевиков, губернский комиссариат подчинил продовольственную управу земству, которая тут же организовала отпуск продуктов из специальных лавок. 1 июля продовольственное бюро Западной Сибири и Степного края приняло проект Временного Сибирского правительства о регулировании хлебной торговли, согласно которому отменялась хлебная монополия государственных органов, а следом было объявлено и о свободном обращении на рынке мелкого скота. С повышением твердых цен минусинский хлеб на плотах начал сплавляться в Красноярск [4, 26 июня; 42, 13 июля].

Следовательно, енисейские крестьяне, ожидая изменений в экономических отношениях с государством, поддержали революционные события 1917 г. Но в условиях войны снабжение деревни промышленными товарами резко ухудшилось, а объявленный государством выход из создавшегося продовольственного кризиса путем выполнения хлебной монополии даже местными органами, не обладавшими полномочиями для осуществления решительных мер и боявшимися народного выступления, поддерживался непоследовательно. Стремление правящих кругов выйти из кризиса, ущемляя интересы крестьян, воспринималось ими как грабёж и было обречено на провал.

Обострившаяся в октябре 1917 г. ситуация с продовольствием подталкивала политических противников к решению вопроса о власти. Продовольственные управы, обладавшие опытом и возможностями для выполнения специальных операций, но объявленные антисоветскими, оказались не в состоянии вести заготовки продуктов. Напротив, местные большевики, организуя прямой товарообмен с центром и деревней, усиливали свое воздействие на продовольственное дело. В результате были сорваны обязательные поставки енисейского хлеба. вырос спекулянтский рынок, и возникло мешочничество, стимулировавшее крестьянский саботаж.

Произведя захват местных продовольственных органов, большевики пытались

организовать с деревней прямой товарообмен. Но он не состоялся, а начавшийся весной 1918 г. новый кризис заставил их прибегнуть к ужесточению своей политики в деревне. Введение же продовольственной диктатуры оказалось столь же несостоятельным и способствовало лишь росту антисоветских настроений среди крестьянства.

Приложение БИОГРАФИИ

Боград Яков Ефимович (Янкель (1878-1919)Хаимович) уроженец г. Одесса, из семьи служащего, еврей. Окончил гимназию (1895). Участник социал-демократического движения с 1894 г. В июне 1895 г. впервые арестовывался по делу группы народовольцев, но был освобожден. Активный член «Южно-Русского рабочего союза», арестовывался и ссылался. Эмигрировал в Швейцарию, где учился в Бернском университете. Участвовал в Первой русской революции, арестован и выслан за границу. Окончив Бернский университет (1909), защитил диссертацию на соискание учёной степени доктора математики и философии. В апреле 1913 г. арестован и выслан на четыре года в Туруханский край. С 1914 г. из-за болезни проживал в Красноярске, работая в кооперативе «Самодеятельность». В 1916 г. за забастовку типографских рабочих сослан вновь в Туруханский край. С июня 1917 г. – в Красноярске: читал лекции, сотрудничал в газете. Избран в состав Средне-Сибирского областного бюро РСДРП(б) и ЦИК Советов Сибири. После октября 1917 г. выступал с разъяснением первых декретов Советской власти, в качестве комиссара при штабе участвовал в подавлении Иркутского юнкерского мятежа. На II общесибирском съезде Советов (Иркутск, февраль 1918 г.) был избран вновь членом Центросибири. В марте 1918 г. участвовал в работе II съезда Советов Забайкалья. С мая - уполномоченный по заготовке хлеба в Минусинском уезде и член военно-революционного штаба. Во время антибольшевистского переворота организовывал дружины на рудниках «Юлия» и «Улень». Арестован и в качестве заложника расстрелян в Красноярске.

Вейнбаум Григорий Спиридонович (1891-1918) - уроженец г. Рени (Бессарабия), из семьи статского советника и видного чиновника. Окончил гимназию, учился на историко-филологическом факультете Санкт-Петербургского университета. 1910 г. – член РСДРП(б). За агитационную работу среди рабочих был арестован и отбывал ссылку в д. Подгорная Енисейского уезда и д. Каргино. С амнистией в конце 1915 г. начал служить в Томском банке. Осенью 1916 г. переехал к жене в Минусинск, где работал в потребкооперации. После февраля 1917 г. остался в Красноярске, был избран членом Красноярского районного бюро РСДРП(б), работал редактором газеты «Красноярский рабочий». С августа – член и председатель губернского исполкома. Избирался членом бюро Советов Средней Сибири и ЦИК Советов Сибири. С декабря 1917 г. по март 1918 г. – нарком иностранных дел Сибири. 15 мая 1918 г. был вновь избран председателем губернского исполкома. Участник переговоров в Мариинске с чешскими легионерами. С падением Советской власти бежал в составе совдепа в Туруханский край, где был арестован, а затем в Красноярске расстрелян белочехами.

Крутовский Владимир Михайлович (1856–1938) – уроженец одного из приисковых поселков Енисейской губернии, из семьи управляющего. Окончил Красноярскую гимназию (1876), Медико-хирургическую академию в Санкт-Петербурге (1881). С 1884 г. – член партии «Народная воля», за революционную деятельность ссылался в Сибирь. Служил в Ачинске и Красноярске врачом. Инициатор создания городской бесплатной больницы (1885), первых в Сибири курсов для подготовки фельдшериц (1888) и женской фельдшерско-акушерской школы в Красноярске (1889). Принимал деятельное участие в организации (1896) и служил в «Обществе врачей Енисейской губернии». В 1898 г. ушёл в отставку и посвятил себя частной врачебной практике и общественной деятельности. Председатель Красноярского отдела Всероссийской лиги борьбы с туберкулёзом, редактор его газеты, затем изданий «Сибирские врачебные ведомости» и

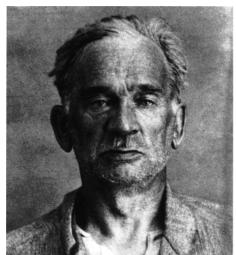


«Сибирское медицинское обозрение». Один из создателей Красноярского подотдела Русского географического общества. Активно поддерживал сибирское областничество. В 1906 г. в административном порядке был выслан и с переселенческой экспедицией находился в качестве статистика в Уссурийском крае. В 1915-1916 гг. подвергался высылке в Центральную Россию. С 1916 г. редактировал и издавал общественно-политический и литературный журнал «Сибирские записки». После февральской революции 1917 г. - председатель Красноярского комитета общественной безопасности и губернский комиссар. В конце января 1918 г. избирался в состав Временного правительства автономной Сибири, в июне - губернского комиссариата. Был министром внутренних дел и заместителем председателя Совета Министров во Временном Сибирском правительстве. Вынужденный уйти в отставку, находился в оппозиции колчаковскому режиму. В советское время занимался врачебной практикой, преподавал и директорствовал в фельдшерской школе, работал в Красноярском медицинском техникуме. Арестованный по обвинению в контрреволюционной деятельности, скончался в тюремной больнице. Реабилитирован.

Теодорович Иван Адольфович (1875—1937) — уроженец г. Смоленска, окончил Московский университет. С 1895 г. — член РСДРП, московского «Союза борьбы», Петербургского комитета и ЦК. Делегат IV и V съездов РСДРП. Участник революционной деятельности на Урале, неоднократно арестовывался. После пяти лет каторги, ко-



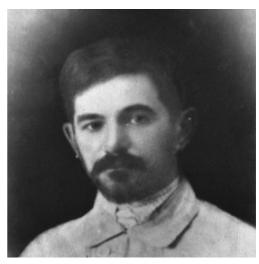
Теодорович И.А., 1917 г.



Теодорович И.А. Фото из следственного дела 1937 г.

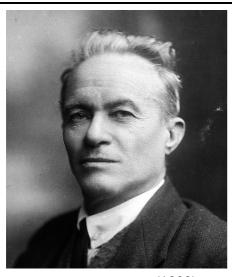
торую отбывал в Александровском централе, прибыл на поселение в п. Тайшет. После февральской революции 1917 г. - в Петрограде, в октябре того же года вошел в состав первого советского правительства, где был наркомом по продовольственным делам. В 1918 г. работал в Красноярске и Енисейской губернии на заготовке хлеба. Арестован участниками антибольшевистского переворота, заключен в Красноярскую тюрьму, но вскоре освобожден. Занимался инструктированием подпольных организаций и организацией партизанского движения в Канском уезде. С окончанием Гражданской войны - член коллегии Наркомзема, директор Международного аграрного Института, редактор издательства Общества бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев и журнала «Каторга и ссылка». В 1937 г. арестован и казнен. Реабилитирован.

Фрумкин Моисей Ильич (1878–1938) - уроженец г. Гомель Могилевской губернии, из семьи торговца, еврей. Член РСДРП с 1898 г. Участник революционного движения в Тамбове, Москве и Санкт-Петербурге. Был арестован и в 1902 г. сослан в г. Енисейск Енисейской губернии, бежал. Член Петербургского комитета РСДРП, был вновь арестован, но в 1905 г. освобождён. Принимал участие в революционном движении в Баку, Москве. В 1911 г. сослан в Шелаевскую волость, затем в с. Абан Канского уезда Енисейской губернии. С 1915 г. – председатель рабочего кооператива «Самодеятельность» Красноярске. После февраля 1917 г. – член Енисейского губернского исполкома, товарищ Красноярского городского головы. В марте 1918 г. – член Западно-Сибирского



краевого Совета и краевого экономического совета, затем – в коллегии Наркомата продовольствия. С 1920 г. – член Сиббюро ЦК РКП(б), заместитель председателя Сибревкома, председатель Сибпродкома, заместитель наркома продовольствия, внешней торговли и финансов. Участник правого уклона в ВКП(б). В 1928 г. направил в Политбюро ЦК ВКП(б) письмо с критикой экономической политики сталинского руководства, за что был подвергнут публичному осуждению. В 1930-е гг. – заместитель наркома внешней торговли, управляющий трестом «Союзпластмасс». В 1937 г. арестован и затем расстрелян. Реабилитирован.

Цюрупа Александр Дмитриевич (1870 –1928) – уроженец г. Алёшки Таврической губернии, из семьи чиновника, украинец. Окончил Херсонское сельско-



хозяйственное училище (1893), работал статистиком, агрономом, с 1915 г. – в продорганах. Член РСДРП с 1898 г. В 1917 г. – член Уфимского комитета РСДРП, совета, председатель губернского продовольственного комитета и городской думы, член Военно-революционного комитета. С ноября 1917 г. – заместитель наркома, с февраля 1918 по 1921 г. – нарком продовольствия РСФСР, руководил Продармией, один из инициаторов создания комбедов. Делегат VIII и X съездов РКП(б). С 1922 г. – заместитель председателя СНК и СТО РСФСР и СССР, нарком РКИ, председатель Госплана, Нарком внешней и внутренней торговли СССР. Член ЦК РКП(б), Президиумов ВЦИК и ЦИК СССР.

Шаповалов Терентий Александрович (1889–1918) - уроженец с. Снагайск Курской губернии. Окончил церковноприходскую школу. С 1901 г. проживал в с. Большая Иня Минусинского уезда Енисейской губернии. Участник Первой мировой войны. После ранения служил в Минусинской гарнизонной команде. В 1917 г. большевик, председатель солдатской секции в совдепе, делегат съезда Советов Средней Сибири (Красноярск) и І общесибирского съезда Советов (Иркутск). Избирался товарищем (заместителем) председателя Минусинского совдепа, членом его отдела по борьбе с анархией и контрреволюцией. Весной 1918 г. занимался продовольственными заготовками в Минусинском уезде. Публично казнен кулаками.

Шепетковский Николай Николаевич (1882—?) – уроженец г. Красноярска, из семьи отставного военного, штабс-капитана и

главы красноярской городской думы. Окончил гимназию (1897). По сведениям современников, был «даровит», унаследовал черты отца — честность, добропорядочность и обладал волевым и принципиальным характером. Занимал должность председателя Продовольственной комиссии. В 1917 г. единогласно был избран председателем губернского продовольственного комитета, был активным членом городской думы, входил от неё в Комитет общественной безопасности.

Шлихтер Александр Григорьевич (1868–1940) — уроженец г. Лубны Полтавской губернии, из семьи столяра. Окончил экстерном гимназию, учился в Харьковском и Бернском университетах. С конца 1880-х гг. вёл социал-демократическую работу на Украине. Провел в ссылке пять лет.



С 1902 г. – в Киеве, член комитета РСДРП, организатор забастовок и митингов. Скрывался за границей. Делегат V съезда РСДРП. В 1907-1908 гг. - член Московского комитета РСДРП. Был арестован и осужден Киевским военно-окружным судом на вечное поселение в Сибирь. После февральской революции 1917 г. - член исполкома Красноярского Совета, Среднесибирского областного бюро и делегат VI съезда РСДРП(б). В октябре 1917 г. – член Московского комитета партии и продовольственный комиссар Московского ВРК. В декабре 1917 – феврале 1918 г. – нарком продовольствия РСФСР. С марта 1918 г. чрезвычайный продовольственный комиссар СНК РСФСР в Сибири и ряде губерний. В 1919 г. – нарком продовольствия УССР и уполномоченный по продовольственному снабжению Красной армии, член ВУЦИК.

С мая 1920 г. – председатель Тамбовского губернского исполкома, участник борьбы с антоновщиной. С 1921 г. – на руководящей дипломатической, хозяйственной и научной работе. Делегат XIV-XVII съездов

ВКП(б). Член ЦК КП(б)У и Президиума ЦИК УССР, кандидат в члены Политбюро ЦК КП(б)У. Член ВЦИК и ЦИК СССР.

Статья поступила 03.02.2016 г.

Библиографический список

- 1. Аверьев А. Аграрная политика колчаковщины // На аграрном фронте. 1929. № 7.
- 2. Бугаев Д.А. На службе милицейской. Кн. 1. Ч. 1. Красноярск, 1993.
- 3. Булдаков В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 1997.
- 4. Воля Сибири. 1918.
- 5. Голос момента. 1918.
- 6. Голос народа. 1917.
- 7. Голос народа. 1918.
- 8. Государственный архив Красноярского края (ГА КК). Ф. 258. Оп. 1. Д. 33.
- 9. ГАКК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 448.
- 10. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф.Р.-130. Оп. 2. Д. 613.
- 11. ГА РФ. Ф.Р.-393. Оп. 2. Д. 38.
- 12. ГА РФ. Ф.Р.-1235. Оп. 93. Д. 308.
- 13. Гущин Н.Я., Журов Ю.В., Боженко Л.И. Союз рабочего класса и крестьянства Сибири в период построения социализма (1917–1937 гг.). Новосибирск, 1978.
- 14. Дементьев А. П. Менталитет сибирского крестьянства как один из факторов развития политического процесса в ноябре 1917 ноябре 1918 г. (по материалам Енисейской губернии) // Известия Иркутского государственного университета. Сер.: История. 2014. Т. 9.
- 15. Долидович О.М. Продовольственный кризис в Енисейской губернии в годы Первой мировой войны // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и исскуствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 12. Ч. 3.
- 16. Жизнь Сибири. 1924. № 7–9 (23–25).
- 17. Журов Ю.В. Гражданская война в сибирской деревне. Красноярск, 1986.
- 18. Журов Ю.В. Енисейское крестьянство в годы Гражданской войны. Красноярск, 1972.
- 19. Знамя труда. 1917.
- 20. Знамя труда. 1918.

- 21. Иванцова Н.Ф. Западно-сибирское крестьянство в 1917 первой половине 1918 г. М., 1993.
- 22. Известия Енисейского губернского народного комиссариата. 1917.
- 23. Козьмин Н.Н. Земельный вопрос в Енисейской губернии. Красноярск, 1917.
- 24. Красноярский рабочий. 1917.
- 25. Красноярский рабочий. 1918.
- 26. Красноярский Совет. Март 1917 г. июнь 1918 г. Протоколы и постановления съездов Советов, пленумов исполкома и отделов: сб. докладов. Красноярск, 1960.
- 27. Крестьянское движение в 1917 году. М.-Л., 1917.
- 28. Крестьянство в Сибири в период строительства социализма (1917–1937 гг.). Новосибирск, 1983.
- 29. Леонов С.В. Рождение советской империи: государство и идеология. 1917—1922 гг. М., 1997.
- 30. Монастырский Б. Сибирь-кормилица (работа продорганов) // Три года борьбы за диктатуру пролетариата (1917–1920). Омск, 1920.
- 31. Октябрь в Сибири. Хроника событий (март 1917 май 1918 г.). Новосибирск, 1987
- 32. Очерки истории Красноярской партийной организации. Т. 1. Красноярск, 1967.
- 33. Павлюченков С.А. Военный коммунизм в России: власть и массы. М., 1997.
- 34. Павлюченков С. С чего начинался НЭП? // Трудные вопросы истории. Поиски. Размышления. Новый взгляд на события и факты. М., 1991.
- 35. Познанский В.С. Очерки истории вооружённой борьбы Советов Сибири с контрреволюцией в 1917–1918 гг. Новосибирск, 1973.
- 36. Протоколы заседаний ВЦИК 4-го созыва: Стенограф. отчёт. М., 1920.
- 37. Рогачёв А.Г. Крестьянские съезды и Советская власть // Власть и общество. Региональные аспекты проблемы. Красноярск, 2002.

- 38. Русское слово. 1917.
- 39. Свердлов Я.М. Избранные произведения. М., 1959. Т. 2.
- 40. Свобода и труд. 1917.
- 41. Свободная Сибирь. 1917.
- 42. Свободная Сибирь. 1918.
- 43. Судьба российского крестьянства. М., 1996.
- 44. Съезды, конференции и совещания социально-классовых, политических, религиозных и национальных организаций в Енисейской губернии (март 1917 ноябрь 1918 гг.). Томск, 1991.
- 45. Тумаркин Д. Контрреволюция в Сибири // Сибирские огни. 1922. № 1.

- 46. Шейнфельд М.Б. Борьба Советов Енисейской губернии за союз рабочего класса и трудящегося крестьянства в первый период Советской власти в Сибири (ноябрь 1917 июнь 1918 гг.): автореф. дис. ...канд. ист. наук. Томск, 1954.
- 47. Шейнфельд М.Б. О рабочем продовольственном отряде станции Абакан // Записки Хакасского НИИЯЛИ. Вып. IV. Абакан, 1956.
- 48. Эльцин В. Крестьянское движение в Сибири в период Колчака // Пролетарская революция. 1926. № 2 (49).

References

- 1. Aver'ev A. Agrarnaya politika kolchakovshchiny [Kolchak's agricultural policy], *Na agrarnom fronte*, 1929, No. 7.
- 2. Bugaev D.A. *Na sluzhbe militseiskoi* [Doing the militia service], book 1, vol. 1, Krasnoyarsk, 1993.
- 3. Buldakov V.P. *Krasnaya smuta. Priroda i posledstviya revolyutsionnogo nasiliya* [Red smuta. Nature and consequences of revolutionary violence], Moscow, 1997.
- 4. Volya Sibiri, 1918.
- 5. Golos momenta, 1918.
- 6. Golos naroda. 1917.
- 7. Golos naroda. 1918.
- 8. (GA KK) Gosudarstvennyi arkhiv Krasnoyarskogo kraya [State archive of Krasnoyarsk krai]. F. 258. Op. 1. D. 33.
- 9. GA KK [State archive of Krasnoyarsk krai]. F. 64. Op. 1. D. 448.
- 10. (GA RF) Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii [State archive of the Russian Federation]. F.R.-130. Op. 2. D. 613.
- 11. GA RF [State archive of the Russian Federation]. F.R.-393. Op. 2. D. 38.
- 12. GA RF [State archive of the Russian Federation]. F.R.-1235. Op. 93. D. 308.
- 13. Gushchin N.Ya., *Zhurov Yu.V.*, *Bozhenko L.I. Soyuz rabochego klassa i krest'yanstva Sibiri v period postroeniya sotsializma (1917–1937 gg.)* [Union of proletariat and peasantry in Siberia during the period of building socialism (1917–1937)], Novosibirsk, 1978.
- 14. Dement'ev A. P. Mentalitet sibirskogo krest'yanstva kak odin iz faktorov razvitiya politicheskogo protsessa v noyabre 1917 noyabre 1918 g. (po materialam Eniseiskoi

- gubernii) [The mentality of the Siberian peasantry as a factor in the political process in November, 1917 November, 1918], *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2014, vol. 9, ser.: Istoriya.
- 15. Dolidovich O.M. *Prodovol'stvennyi krizis* v *Eniseiskoi gubernii* v gody *Pervoi mirovoi* voiny [Food crisis in Yeniseiskaya gubernia in World War I], *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i isskustvovedenie. Voprosy teorii i praktik,* 2014, No. 12, part 3.
- 16. Zhizn' Sibiri, 1924, No. 7–9 (23–25).
- 17. Zhurov Yu.V. *Grazhdanskaya voina v sibirskoi derevne* [Civil War in Siberian village], Krasnoyarsk, 1986.
- 18. Zhurov Yu.V. *Eniseiskoe krest'yanstvo v gody grazhdanskoi voiny* [Yenisey peasantry in Civil War], Krasnoyarsk, 1972.
- 19. Znamya truda, 1917.
- 20. Znamya truda, 1918.
- 21. Ivantsova N.F. *Zapadno-sibirskoe krest'yanstvo v 1917 pervoi polovine 1918 g.* [West-Siberian peasantry in 1917 1st half of 1918], Moscow, 1993.
- 22. Izvestiya Eniseiskogo gubernskogo narodnogo komissariata, 1917.
- 23. Koz'min N.N. *Zemel'nyi vopros v Eniseiskoi gubernii* [Land issue in Yeniseiskaya gubernia], Krasnoyarsk, 1917.
- 24. Krasnoyarskii rabochii, 1917.
- 25. Krasnoyarskii rabochii, 1918.
- 26. Krasnoyarskii Sovet. Mart 1917 g. iyun' 1918 g. Protokoly i postanovleniya s"ezdov Sovetov, plenumov ispolkoma i otdelov: sb. dok-v [Krasnoyarskii Sovet. March, 1917 –

- June, 1918. Protokols and resolutions of congresses of Soviets, plenums of the executive committee and departments: collection of documents], Krasnoyarsk, 1960.
- 27. Krest'yanskoe dvizhenie v 1917 godu [Peasant movement in 1917], M.-L., 1917.
- 28. Krest'yanstvo v Sibiri v period stroitel'stva sotsializma (1917–1937 gg.) [Peasantry in Siberia in the period of building of socialism (1917–1937)], Novosibirsk, 1983.
- 29. Leonov S.V. *Rozhdenie sovetskoi imperii: gosudarstvo i ideologiya.* 1917–1922 gg. [Birth of the Soviet empire: state and ideology. 1917–1922], Moscow, 1997.
- 30. Monastyrskii B. Sibir'-kormilitsa (rabota prodorganov) [Siberia-nurse (activity of food procurement departments], Tri goda bor'by za diktaturu proletariata (1917–1920) [Three years of the struggle against the dictatorship of the proletariat (1917–1920)], Omsk, 1920.
- 31. Oktyabr' v Sibiri. *Khronika sobytii (mart 1917 mai 1918 g.)* [October in Siberia. Chronicle of the events (March, 1917 May, 1918)], Novosibirsk, 1987.
- 32. Ocherki istorii Krasnoyarskoi partiinoi organizatsii [Essays of the history of Krasnoyarsk Communist party organization], vol. 1, Krasnoyarsk, 1967.
- 33. Pavlyuchenkov S.A. *Voennyi kommunizm v Rossii: vlast' i massy* [Military kimmunism in Russia: power and people], Moscow, 1997.
- 34. Pavlyuchenkov S. S chego nachinalsya NEP? [How did NEP bigin?], *Trudnye voprosy istorii. Poiski. Razmyshleniya. Novyi vzglyad na sobytiya i fakty*, Moscow, 1991.
- 35. Poznanskii V.S. *Ocherki istorii vooruz-hennoi bor'by Sovetov Sibiri s kontrrevolyutsiei v 1917–1918 gg.* [Essays of the history of the armed struggle of the Siberian Soviets against contrrevolution in 1917–1918], Novosibirsk, 1973.
- 36. Protokoly zasedanii VTsIK 4-go sozyva: Stenograf. otchet [Protokols of the meetings of VTsIK of 4th calling: Verbatim report], Moscow, 1920.

- 37. Rogachev A.G. Krest'yanskie s"ezdy i Sovetskaya vlast' [Peasant Congresses and Soviet Power], *Vlast' i obshchestvo. Regional'nye aspekty problem*, Krasnoyarsk, 2002.
- 38. Russkoe slovo, 1917.
- 39. Sverdlov Ya.M. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected works]. Moscow, 1959. Vol. 2.
- 40. Svoboda i trud, 1917.
- 41. Svobodnaya Sibir', 1917.
- 42. Svobodnaya Sibir', 1918.
- 43. Sud'ba rossiiskogo krest'yanstva [Fortune of Russian peasantry], Moscow, 1996.
- 44. S"ezdy, konferentsii i soveshchaniya sotsial'no-klassovykh, politicheskikh, religioznykh i natsional'nykh organizatsii v Eniseiskoi gubernii (mart 1917 noyabr' 1918 gg.) [Congresses, conferences and meetings of the social-classes, political and religious and national organizations in Yeniseiskaya gubernia (March, 1917 November, 1918)], Tomsk, 1991.
- 45. Tumarkin D. *Kontrrevolyutsiya v Sibiri* [Counterrevolutions in Siberia], *Sibirskie ogni*, 1922, No. 1.
- 46. Sheinfel'd M.B. Bor'ba Sovetov Eniseiskoi gubernii za soyuz rabochego klassa i trudyashchegosya krest'yanstva v pervyi period Sovetskoi vlasti v Sibiri (noyabr' 1917 iyun' 1918 gg.) [Struggle of Soviets of Yeniseyskaya gubernia for the union of proletariat with labor peasantry in 1st period of Soviet Power in Siberia (November, 1917 June, 1918)]: Extended abstract of candidate's thesis, Tomsk, 1954.
- 47. Sheinfel'd M.B. *O rabochem prodovol'st-vennom otryade stantsii Abakan* [About the labor food procurement troop of the station Abakan], Zapiski Khakasskogo NIIYaLI, ussue IV, Abakan, 1956.
- 48. El'tsin V. Krest'yanskoe dvizhenie v Sibiri v period Kolchaka [Peasant movement in Siberia during the Kolchak Power], Proletarskaya revolyutsiya, 1926, No. 2 (49).

Сведения об авторе

Шекшеев Александр Петрович, кандидат исторических наук, член правления Хакасской республиканской организации «Общество Мемориал», 655017, Россия, Республика Хакасия, г. Абакан, ул. Щетинкина, 59–49, e-mail: Turan47@yandex.ru

Sheksheev Alexander Petrovich, candidate of historical Sciences, member of the Board of the Khakassian organization "Society Memorial", 655017, Russia, Republic of Khakasia, Abakan, Ul. Schetinkina, 59–49, e-mail: Turan47@yandex.ru

УДК 93/94

ТРИ ЖИЗНИ ГЕНЕРАЛА АКУЛИНИНА^{*} (ЧАСТЬ 3)

© А.В. Ганин

Очерк посвящен реконструкции биографии одного из видных деятелей Белого движения на Востоке России генерала И.Г. Акулинина.

Ключевые слова: И.Г. Акулинин, Оренбургское казачье войско, Генеральный штаб, эмиграция.

THREE LIVES OF GENERAL AKULININ (PART 3)

© A.V. Ganin

The sketch represents a biographic research of general Ivan Akulinin as one of the principle personalities of the White movement in the East of Russia.

Key words: I.G. Akulinin, Orenburg Cossack Host, General Staff, Emigration.

В эмиграции

С согласия властей, беженцев разместили в самом Дубровнике, в котором тогда проживало около 6000 человек. Численность беженцев равнялась почти половине местного населения, и город был явно не способен принять такое количество иммигрантов. Для их размещения были отведены казармы Святой Марии, Мол, Равелин, две бывших гостиницы «Банац» и «Де Виль», а также небольшая частная вилла «Элиза» [64, с. 43]. Продовольствие заготовлял питательный пункт Американского Красного Креста, передававший его продовольственным комиссиям из представителей беженцев. Паек включал хлеб, горячую мясную пищу два раза в день и кипяток. Женщины и дети, кроме того, получали горячее какао, молоко, снабжались одеждой и бельем.

Жизнь на беженское пособие в 400 динаров в месяц, очевидно, не устраивала 38-летнего генерала. Тем более что в Югославии он оказался вместе со своей второй супругой Тамарой Константиновной Челокаевой (по первому мужу, урожденная Чер-

дилели). Она родилась 2 марта 1884 г. в Темир-Хан-Шуре. К сожалению, время ее бракосочетания с Акулининым неизвестно, однако из России он эмигрировал, видимо, уже с ней. В 1920 г. она оказалась в Королевстве сербов, хорватов и словенцев, а в 1921 г., по некоторым данным, переехала в Париж, где выступала в качестве хористки в Русской опере. В 1929-30 гг. она гастролировала в составе труппы по Германии, США и Мексике. Пела в Париже в хоре часовни Chapelle des Croisées. В 1938 г. пела на вечере русской народной песни, организованном Русским народным университетом. После войны устроилась на работу делопроизводителем и секретарем. Последние годы жизни провела в Русском доме в Кормей-ан-Паризи, где скончалась 31 августа 1960 г. и была похоронена там же на местном кладбище [68, с. 31].

На новом месте Акулинин, прежде всего, попытался устроиться на работу. 15 февраля 1921 г. он написал рапорт российскому военному агенту в КСХС с соответствующим прошением на имя Военного министра КСХС: «Желая поступить на должность лектора в Военной академии или получить другое соответствующее назначение, прошу не отказать в зачислении

^{*} Исследование осуществлено при поддержке Российского гуманитарного научного фонда в рамках проекта № 14-31-01258a2 «Русский офицерский корпус на изломе эпох (1914—1922 гг.)».



Рис. 1. И.Г. Акулинин в эмиграции В архивном качестве публикуется впервые

меня на военную службу в Королевстве сербов, хорватов и словенцев. Генерального штаба генерал-майор Акулинин» [35, л. 134]. Опыт преподавательской работы у Акулинина имелся, так как в 1916–1917 гг. он преподавал тактику во Владимирском военном училище и в Пажеском корпусе.

Проблемы возникли уже при составлении краткой записки о службе, в связи с тем, что послужной список И.Г. Акулинина и другие его документы пропали в годы революции и Гражданской войны, будучи оставленными по местам прежней службы генерала: в Штабе Главнокомандующего в Омске, в Войсковом штабе Оренбургского казачьего войска и в Главном управлении Генерального штаба в Петрограде. За правильность краткой записки о службе И.Г. Акулинина поручился Генерального штаба полковник А.Л. Мариюшкин. Между прочим, чтобы устроиться на службу Акулинин убавил себе три года, указав в краткой записке о службе, что родился в 1883 г., а, кроме того, отметил, что общее образование получил в классической гимназии, а не в Верхнеуральском двухклассном городском училище, как значилось в дореволюционных документах [35, л. 134] будущего генерала¹. В том же 1921 г. Акулинин перебрался в столицу КСХС - Белград, где вступил в белградское Общество русских офицеров Генерального штаба [26, л. 26].

25 декабря 1921 г. Акулинин выступил перед членами Общества с докладом на тему «Советская Россия в конце 1921 года», в котором привел статистические данные, свидетельствовавшие об ужасающей разрухе в стране и заявил: «...«С еще большей уверенностью можно говорить о неизбежности падения коммунистической власти. Но ставить сроки было бы легкомысленно». Этими словами профессора С.Ф. Ольденбурга 2 я (И.Г. Акулинин. – A. Γ .) заканчиваю свой доклад. Задача всех антибольшевистских сил – и в частности задача офицеров Генерального штаба – всеми силами и средствами содействовать ускорению падения коммунистической власти. Вооруженная борьба для нас пока закончилась неудачно. Но наши идеи, за которые мы бо-

¹ В некрологе и большинстве справочных статей об Акулинине указывалось, что он родился в 1879 г., указания на год рождения И.Г. Акулинина (1880) и полученное образование содержатся в делопроизводстве Русской императорской армии (Российский гос. Военно-исторический архив. Ф. 3612. Оп. 1. Д. 8. Л. 7 об.; Д. 15. Л. 7 об.; Список Генерального штаба. Исправлен по 1-е июня 1914 года (С приложением изменений, объявленных в Высочайших приказах по 18 июля 1914 г.). Пг., 1914. С. 654). К сожалению, послужного списка Акулинина, который мог бы окончательно прояснить этот вопрос, в архивах Москвы и Оренбурга обнаружить не удалось. В списке Генерального штаба допущена ошибка в отношении общего образования И.Г. Акулинина: вместо Верхнеуральского двухклассного городского училища, расположенного в г. Верхнеуральске, – неподалеку от станицы, в которой родился И.Г. Акулинин, – там указано Верхнеудинское.

² Ольденбург Сергей Федорович (14.09.1863 -28.02.1934) – ученый-востоковед. Непременный секретарь Академии наук (1904-1929). Член кадетской партии. Депутат 4-й Государственной Думы. Член Государственного совета. Член ЦК партии кадетов (1917). Министр народного просвещения во Временном правительстве (24.07-25.09.1917). Осудил большевистский переворот. Боролся против гонений на деятелей науки и культуры. Арестован (1919). В дальнейшем сотрудничал с советской властью. Директор института востоковедения Академии наук СССР (1930-1934). Академик Академии наук СССР.

ролись, не побеждены. Чтобы повести новую борьбу, мы, как представители военной науки, должны начать с изучения нашего врага. Начало этому положено организацией наших докладов и бесед. И в этом отношении Общество Офицеров Генерального штаба стало на правильный путь. Только наша работа и должна идти более интенсивным темпом, и захватить в свой водоворот более широкие круги антибольшеви[с]тского фронта, чтобы общими усилиями создать тот могучий девятый вал, который, наконец, опрокинет и смоет с нашей Родины чужеродную ей коммунистическую власть» [34, л. 18 об.].

По данным на весну 1922 г., Акулинин устроился на работу в Державной комиссии в Белграде [37, л. 77]. В короткий период своего пребывания в КСХС Акулинин помогал оказавшимся на чужбине бывшим участникам антибольшевистской борьбы в рядах Оренбургской армии, выдавая им удостоверения о политической благонадежности [36, л. 118]. Эти бумаги имели большое значение для трудоустройства русских эмигрантов и их участия в общественной жизни. К сожалению, документов по югославскому периоду жизни и деятельности генерала Акулинина практически не сохранилось. Как писал исследователь русской эмиграции в Югославии инженер А.Б. Арсеньев: «...здесь, в Сербии они (Акулинин и его супруга. – $A.\Gamma$.) не оставили след» [63]. Это обстоятельство, на наш взгляд, можно объяснить кратковременностью пребывания Акулининых в КСХС, так как уже в конце 1922 г. они обосновались в Берлине, где разместились в пансионе Гюнтера (Pension Günther) [32, л. 2 об.]. В 1922-1923 гг. Акулинин проживал в Берлине, а затем переехал в Мюнхен.

Период пребывания Акулинина в эмиграции позволяет глубже понять как проблемы истории казачьей эмиграции, одним из лидеров которой являлся генерал, так и проблемы адаптации русских эмигрантов к новым для них условиям существования в изгнании. В казачьей среде, состоявшей в Европе, в основном, из представителей Донского, Кубанского и Терского казачьих войск, оренбургский казачий генерал был на первых порах мало кому известен. На-

помним, что в годы Гражданской войны он был вторым после атамана Дутова лицом на территории огромного Оренбургского казачьего войска, да и, пожалуй, всего Южного Урала. В эмиграции социальный статус Акулинина значительно понизился теперь он стал простым русским беженцем, которого, к тому же, мало кто знал, даже среди казаков. И это в обстановке подозрительности, существовавшей в белой эмиграции и обусловленной многочисленными случаями ее инфильтрации советскими агентами (добавим, что генерал Акулинин не имел при себе документов, подтверждавших его активное участие в антибольшевистском движении на Восточном фронте)!

В результате казачьему генералу пришлось добиваться признания в эмигрантской среде посредством активной общественной и литературной деятельности. И, надо сказать, за долгие годы пребывания вдали от Родины Акулинин смог завоевать доверие как казачьей, так и неказачьей эмиграции. Особое положение генерала как представителя одного из восточных казачьих войск в Европе имело для него и свои плюсы – на протяжении двух с лишним десятилетий Акулинин представлял в Европе казачьи войска востока России, занимал, отчасти из-за этого, должности в руководстве различных эмигрантских организаций и постоянно находился в центре внимания русской общественности.

Тот факт, что в эмиграции генерал Акулинин проявил себя в качестве незаурядного исследователя, историка и публициста, на наш взгляд, не случаен. Литературная деятельность для генерала Акулинина была не только призванием, но и, в какой-то степени, вынужденной необходимостью для восстановления своего прежнего статуса. Количество опубликованных им работ, с учетом трудностей эмигрантского существования, впечатляет. На данный момент в различных периодических изданиях и сборниках, выходивших в эмиграции, нами выявлено свыше 80 публикаций Акулинина, включая две написанные им книги. Очевидно, что удалось выявить далеко не все. Некоторые статьи и заметки Акулинин публиковал под псевдонимом «Оренбурец»



Рис. 2. Обложка книги И.Г. Акулинина

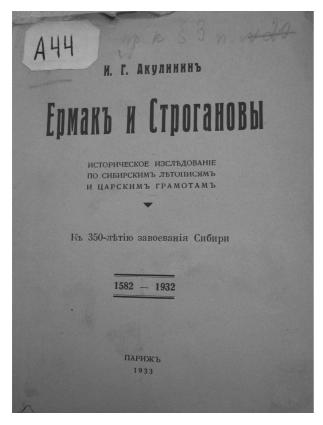


Рис. 3. Обложка книги И.Г. Акулинина

или под различными аббревиатурами, а иногда и вообще без указания авторства, что существенно усложняет выявление

опубликованных им работ. При этом трудно назвать такое казачье периодическое издание правого или центристского толка, выходившее в Западной Европе 1920—30-х гг., в котором не было хотя бы одной статьи Акулинина. В этот период были изданы его исследования, посвященные истории Гражданской войны в России и истории казачества, а также художественная проза, — в основном небольшие рассказы из казачьего быта, знатоком которого являлся Акулинин.

В декабре 1922 г. в берлинской газете «Руль» под заголовком «Общеказацкая организация» вышла статья Акулинина, посвященная проблемам казачества в Югославии. Автор, осудив разрозненность зарубежного казачества, отметил, что «разрешение казачьей проблемы за границей – есть, прежде всего, вопрос экономический» [69, с. 2].

Когда 6–7 февраля 1921 г. в Суйдине был убит атаман Дутов, возникла проблема сохранения преемственности атаманской власти. Заместителем атамана с 1 марта стал генерал-майор Н.С. Анисимов, избранный на этот пост организационным собранием оренбургских казаков в Харбине. Он располагал значительными денежными суммами (свыше ста тысяч золотых рублей), полученными от атамана Г.М. Семенова на поддержку оренбуржцев в Китае. Этот факт и стал одной из основных причин избрания Анисимова на атаманский пост [54, с. 114].

Позднее, уже после падения Белого Приморья, стало известно, что Анисимов промотал все войсковые капиталы. Ему немедленно было выражено недоверие, а Войсковым атаманом зарубежных оренбургских казаков был избран генерал Акулинин. В приказе по Оренбургскому казачьему войску от 6 мая 1923 г., изданном в Харбине, говорится: «Организационное собрание Оренбургских казаков, протоколом от 16 февраля 1923 г. постановило: генерала Анисимова лишить полномочий заместителя Войскового атамана и избрать Войсковым атаманом зарубежных оренбургских казаков Генерального штаба генерала Ивана Григорьевича Акулинина, находящегося в Западной Европе...» [54, с. 121].

О своем избрании атаманом Акулинин узнал лишь в июне 1923 г. На новом посту он стал активно добиваться трудоустройства казаков своего войска, разбросанных по всему миру, чтобы хоть в какой-то мере облегчить их тяжелое положение в эмиграции. Обращался по этому вопросу в Лигу Наций, Американский Красный Крест, Русский Комитет в Нью-Йорке и другие организации.

Акулинин считал необходимым «употребить все усилия на то, чтобы казаки, разметавшись по разным странам, не превратились в человеческую пыль, а наоборот сохранили между собою тесную спайку и в нужный момент выявили свое казачье лицо» [32, л. 2]. Свой пост Войскового атамана зарубежных оренбургских казаков Акулинин, судя по всему, сохранял до конца жизни³. В то же время пост этот постепенно становился чисто номинальным, поскольку оренбургская казачья эмиграция из-за своей малочисленности и разбросанности по различным регионам никогда не являлась сколько-нибудь сплоченной группой внутри казачьей эмиграции, а к началу войны Второй мировой практически исчезла.

Являясь с 1923 г. представителем Восточного казачьего союза (Харбин) в Западной Европе, генерал Акулинин состоял в переписке с Великим князем Николаем Николаевичем, Председателем Объединенного совета Дона, Кубани и Терека, донским атаманом Генерального штаба генераллейтенантом А.П. Богаевским и другими видными деятелями русского зарубежья [44, л. 1–106.; 72, с. 13–17].

Акулинин продолжал предпринимать шаги по оказанию помощи оренбургским казакам. Через Харбин и Ханькоу он наладил связь с руководителями казачьих отрядов в Западном Китае. По данным на июнь 1923 г. он представил в Совет послов докладную записку с описанием их тяжелого положения в лагерях Западного Китая. Одним из путей облегчения участи казаков-

эмигрантов был их перевод в полосу отчуждения КВЖД, в направлении чего предпринимались меры [16]. Насколько можно судить, из-за отсутствия средств оказать помощь Совет послов не смог.

Акулинин добивался помощи своим землякам, обращаясь к целому ряду организаций, писал даже в Лигу Наций, Американский Красный Крест и другие организации. 30 мая 1923 г. Акулинин написал в этой связи из Мюнхена письмо представителю Врангеля генералу И.А. Хольмсену. Текст письма очень похож на другое его обращение к председателю Народного союза защиты Родины и свободы (Варшава) Б.В. Савинкову от 5 сентября 1923 г. [73, с. 90–91] Акулинин добивался, прежде всего, трудоустройства оренбургских казаков, разбросанных по Азии, путем их вывоза в Европу или Америку.

Обращаясь к Савинкову, он отмечал: «Начиная с конца 1922 г., я стал получать письма от офицеров и рядовых казаков, которые, обрисовывая свое тяжелое положение, просили о помощи.

В настоящее время от отдельных групп Оренбургских казаков мне присланы официальные полномочия на ведение всякого рода дел и ходатайств.

Судя по всем данным, положение Оренбургских казаков, находящихся в Китае, действительно, тяжелое и помощь им — в том или другом виде — безусловно, необходима.

Мои просьбы, обращенные к некоторым русским организациям, пока успехом не увенчались. От одних организаций я получил уведомление, что, за неимением средств, оказать материальную поддержку казакам они не в состоянии; другие же обошли этот вопрос молчанием.

На мое ходатайство перед Лигой Наций⁴ Верховный Комиссариат по делам

 $^{^3}$ И в 1937, и в 1939 гг. Акулинин упоминался как заместитель Войскового атамана Оренбургского казачьего войска (Гос. архив Российской Федерации. Ф. Р-6711. Оп. 1. Д. 23. Л. 42 об.; Часовой. 1939. № 228–229. 01.02. С. 3).

⁴ Лига Наций — международная организация, созданная в 1919—20 гг. странами Антанты (Великобритания, Франция, Италия, США, Япония) и вновь образованными государствами (Польша, Чехословакия) в целях развития сотрудничества и сохранения мира между народами. Позднее в Лигу Наций вступили и другие страны. В 1946 г. Лига Наций была упразднена.

русских беженцев⁵ сообщил мне, что он войдет с представлением перед Китайским Правительством по поводу улучшения общего положения казаков и поднимет вопрос о перевозке отряда, находящегося в Кульдже, в полосу отчуждения Кит. - Вост. жел. дор.

Но устроиться всем казакам в пределах Китая не представляется возможным. Работы, по большей части, носят временный или случайный характер, а во многих местах совершенно нет никаких заработков. Выходом из такого положения для неустроенных казаков является организованный переезд их в Америку, при этом Харбинская группа (500 человек) наметила Канаду, а Пекин-Тяньцзинская (300 человек) — район Сан-Франциско, где казаки предполагают сесть на землю. Но это только пожелания. Вообще же казаки готовы поехать в любое место Америки, лишь бы найти работу.

В виду просьб казаков я возбудил ходатайство перед Верховным комиссаром по делам русских беженцев, Американским Красным Крестом и Русским комитетом в Нью-Йорке о[б] их содействии по перевозке и устройству казаков в Америке.

Для нас, бывших руководителей казаков, к которым они и по сие время обращаются за советом и указаниями, важно, прежде всего, чтобы наши станичники нашли себе на чужбине обеспеченный кусок хлеба. Но, кроме материального благополучия, на нас лежит обязанность заботиться и об организации казаков. Мы должны употребить все усилия на то, чтобы казаки, разметавшись по разным странам, не превратились в человеческую пыль, а наоборот – сохранили между собою тесную спайку и в нужный момент выявили свое казачье лицо.

В этом отношении положение орен-бургских казаков в эмиграции самое пе-

⁵ Верховный комиссариат по делам русских беженцев был создан при Лиге Наций. Верховным комиссаром являлся Фритьоф Нансен (1861–1930) — норвежский ученый, исследователь Арктики и общественный деятель. В 1922 г. по инициативе Нансена для русских эмигрантов были введены временные удостоверения личности, получившие название

чальное. После трагической смерти атамана Дутова и гибели Войскового правительства 6 у них не осталось – ни объединяющего органа, ни денежных средств. Чтобы положить конец «безголовью», Президиум организационных собраний оренбургских казаков в Харбине совместно с представителями групп, в своем заседании 16 февраля с. г., избрал меня атаманом всех оренбургских зарубежных казаков, о чем я получил уведомление лишь в июне месяце с. г. Прежде чем дать свое согласие, я запросил Президиум О. С. О. К. о некоторых деталях и мнениях некоторых казачьих кругов, не участвовавших - глав. образ. за дальностью расстояний - в моем избрании. Меня больше всего смущает в предстоящей роли – это полное отсутствие средств у Оренбургских казаков, без чего немыслима никакая организационная работа и даже простая переписка.

В поисках этих средств я и обращаюсь к Вам за содействием. Не может ли Ваша организация уделить Оренбургским казакам посильную для нее сумму денег на организационные по объединению казаков расходы и на оказание казакам помощи в экстренных и неотложных случаях. Деньги эти составят общее достояние всех Оренбургских зарубежных казаков, будут израсходованы под контролем и явятся долгом Оренбургского казачьего войска.

О результатах рассмотрения настоящего ходатайства, – если таковые последуют – прошу не отказать меня уведомить, дабы я мог послать соответствующее извещение своим станичникам на Дальнем Востоке.

«нансеновские паспорта».

⁶ Войсковое правительство Оренбургского казачьего войска - верховный орган исполнительной власти в Оренбургском казачьем войске. Председателем правительства являлся Войсковой атаман. Во время отсутствия атамана председательствовал его помощник. После падения Троицка правительство переехало в Орск, а затем с отступающими частями Южной армии двигалось к городам Тургай и Атбасар. Добравшись до Омска незадолго до его падения, Войсковое правительство Оренбургского казачьего войска выехало далее на Иркутск по железной дороге. Под Красноярском из-за взрыва моста образовался затор, и поезд с Войсковым правительством проехать на восток не мог. Все члены правительства с Войсковыми регалиями и казной попали в плен к красным.

В случае необходимости представления каких-либо дополнительных сведений или справок, таковые мною будут присланы по первому требованию.

Прошу великодушно простить меня за причиняемое Вам беспокойство и принять уверения в совершенном к Вам почтении и преданности» [73, с. 90–91].

Генералом была составлена памятная записка об оренбургских казаках, которую генерал прикладывал к ходатайствам в качестве справочного материала. Памятная записка состояла из двух частей: в первой части автор приводил краткий очерк участия оренбургского казачества в гражданской войне и исхода его в эмиграцию, во второй части документа речь шла о современной (на момент написания записки) жизни оренбургских казаков за рубежом. Автор записки, указывая на безысходность положения многих казаков в эмиграции, приводил своего рода угрозу возможной сдачи казаков «на милость Советской власти» и предлагал ряд мер по выходу из сложившейся ситуации. Фрагменты записки были опубликованы Акулининым в анонимной статье «Оренбургские казаки на Дальнем Востоке» в журнале «Казачьи Думы» № 7 за 1923 г.

В 1924 г. Акулинин из Германии перебрался во Францию и окончательно поселился в Париже. В марте 1925 г. казачий генерал был избран в правление Общеказачьего объединения в Париже. Не позднее сентября того же года Акулинин переехал из Берлина в Париж, постепенно становившийся одним из крупнейших центров русской эмиграции. Во Франции он устроился на работу бухгалтером в труппу казаковджигитов, с которой ездил на гастроли по разным городам и даже странам. По свидетельству одного из участников труппы, Ф.И. Елисеева, генералов Акулинина и Л.Ф. Бичерахова «мы уважали за то, что они держались в тени и ничем и никогда не проявляли своей власти над нами, которой, кстати сказать, и не имели...» [53, с. 25].

При этом он не забывал и про общественную и литературную деятельность. Уже в 1926 г. Акулинин принял участие в работе Российского зарубежного съезда как представитель Франции [51, л. 11] и вошел

в состав Главного Совета Российского центрального объединения в Париже, по данным на 1927 г. [28, л. 67; 42, л. 64]. В связи с этим он вышел из Союза офицеров Генерального штаба, предпочтя военной организации политическую [27, л. 10].

В связи с участием Акулинина в работе Российского зарубежного съезда 4-11 апреля 1926 г. произошел конфликт между Восточным казачьим союзом и Казачьим союзом в Париже, членом правления которого являлся И.Г. Акулинин. Объединенный Совет Дона, Кубани и Терека во главе с донским атаманом А.П. Богаевским и Казачий союз в Париже приняли решение в работе съезда не участвовать. По мнению челябинского исследователя А.Л. Худобородова, их отказ был связан с нежеланием А.П. Богаевского подчиниться великому князю Николаю Николаевичу [75, с. 45]. Другой причиной могла быть монархическая направленность съезда, неприемлемая для умеренного Богаевского. Тем не менее, казачья фракция на съезде была представлена довольно широко (им было выделено 37 депутатских мест), поскольку казачьи организации сочли уход Богаевского и его окружения их личным решением. И.Г. Акулинин был одним из членов оргкомитета по созыву съезда. Избран он был еще 13 сентября 1925 г. на общем собрании представителей русских общественных организаций, причем за выдвижение кандидатуры Акулинина было подано 105 голосов, что свидетельствует о популярности казачьего генерала в эмигрантских кругах (для сравнения, за кандидатуру известного богослова, министра вероисповеданий Временного правительства А.В. Карташева было подано лишь 74 голоса; немногим больше голосов, чем генерал Акулинин, получили признанные вожди первой волны эмиграции: А.П. Богаевский – 114 голосов, М.Н. Граббе – 115 голосов, П.Б. Струве – 118 голосов; максимум в 120 голосов получили также несколько кандидатов).

Мнение Богаевского и руководства Казачьего союза в Париже о Съезде было небезразлично для генерала Акулинина, который, находясь на гастролях в Великобритании, писал 23 декабря 1925 г. Председателю Правления Казачьего союза в Париже

Н.М. Мельникову из Лондона: «Лично меня интересует отношение Правления Казачьего Союза к созыву Зарубежного Съезда. Вам, наверное, известно, что я, по предложению А.П. Богаевского, в свое время был включен в число членов Организационного Комитета по созыву Съезда. Но вот из газет я узнал, что А.П. Богаевский вышел из состава Комитета. Недели три тому назад я послал А.П. Богаевскому письмо, но пока ответа на него не получил...» [48, л. 13 об.].

Съезл председательством ПОД П.Б. Струве проходил в парижском отеле «Мажестик». В работе съезда И.Г. Акулинин участвовал как представитель Восточного казачьего союза в Европе и обладал правом двух голосов, так как был наделен полномочиями как от Дальнего Востока, так и от Франции, кроме того, он числился в группе монархистов [65, л. 349]. Тем не менее, на съезде Акулинин не выступал, предпочитая, как и большинство депутатов, лишь принимать участие в голосовании. По окончании работы съезда генерал Акулинин предоставил подробную информацию об этом событии Совету Восточного казачьего союза, который на заседании 10 июля 1926 г. в Харбине вынес резолюцию: «Усматривая ИЗ докладов И ген[ерала] Акулинина, что он хотя и вошел в качестве нашего представителя во Времен[ное] Правление Казачьего Союза (в Париже. $-A.\Gamma$.), однако когда это Правление постановило не принимать участия в работах Росс[ийского] Заруб[ежного] Съезда, ген[ерал] Акулинин остался при особом мнении и вошел как в Организац[ионный] Комитет по созыву Заруб[ежного] Съезда, так и на самый Съезд, - Совет находит действия своего представителя правильными и одобряет их. Отмечая основательное и подробное ознакомление ген[ералом] Акулининым нас с работами Заруб[ежного] Съезда и вообще с положением дел на Западе в русских эмигрантских кругах и в казачьих в частности, а также признавая вполне добросовестное и регулярное выполнение нашего Наказа по представительству Восточного Казачьего Союза, Совет постановил: душевно благодарить Ивана Григорьевича Акулинина за всю его работу» [40, л. 83 об., 84].

Ответ Казачьего союза в Париже на резолюцию был диаметрально противоположным: «Все это не соответствует действительности. Никакого особого мнения ген[ерал] Акулинин не подавал и не заявлял, да у него и не было для этого ни повода, ни фактической возможности. В то вреобразовывался органимя. зац[ионный] комитет ПО созыву руб[ежного] съезда, ген[ерала] Акулинина во Франции не было – он служил казначеем в труппе джигитов, гастролировавших по Англии. Ген[ералу] Акулинину не приперед вступлением В организац[ионный] комитет оставаться при особом мнении: наоборот, он был зачислен в этот комитет без его ведома, благодаря заявлению в организ[ационном] комитете Донского атамана, причем это заявление было сделано А.П. Богаевским без предварительного сношения с ген[ералом] Акулининым, но с ведома правления Каз[ачьего] союза» [40, л. 91].

Как уже упоминалось, парижский Казачий союз в работе съезда не участвовал, предоставив своим членам полную свободу действий в этом отношении. 4 апреля 1926 г. на съезде выступил лидер казачьей фракции генерал от кавалерии П.Н. Краснов, который резко высказался по поводу политического курса Объединенного Совета Дона, Кубани и Терека, заявив, что «атаманы пошли с теми, кто...не спрося русский народ, надевает на него социалистический хомут» [66, с. 10]. В связи с высказываниями Краснова правление Казачьего союза было удивлено тем, что генерал Акулинин «не только никак не реагировал на это оскорбление, не только не заявил протеста или несогласия, но продолжал молча до конца оставаться членом фракции, возглавлявшейся оскорбителем» [40, л. 92]. Спустя месяц после окончания работы съезда Председатель правления Казачьего союза в Париже Н.М. Мельников заявил И.Г. Акулинину о необходимости отмежеваться от заявления П.Н. Краснова, и генерал Акулинин был вынужден согласиться, сказав, что на самом съезде он «не нашел в себе силы сделать это» [40, л. 93].

Одно из немногочисленных упоминаний о деятельности Акулинина содержится в письме енисейского казака, инженера И.К. Окулича председателю правления Казачьего союза в Шанхае И.Н. Шендрикову от 9 февраля 1927 г., в котором Окулич писал: «Казачество в Китае имеет своим представителем в Париже ген[ерала] Акулинина. Мне представляется, что он не особенно верно информирует Вас, не сойдясь или, вернее сказать, заняв не совсем дружелюбную в отношении Объединенного Совета позицию...» [41, л. 87]. Судя по всему, эта оценка отражает лишь субъективное мнение И.К. Окулича, поскольку сведений серьезных каких-либо разногласиях И.Г. Акулинина с руководством Объединенного совета Дона, Кубани и Терека не обнаружено. Наоборот, руководство совета и сам Председатель А.П. Богаевский относились к Акулинину с должным уважением и вполне доброжелательно⁷. В то же время нельзя не отметить благожелательное отношение Акулинина и к П.Н. Краснову, и монархическому крылу казачьей эмиграции.

О деятельности Акулинина свидетельствует частное письмо одного из его знакомых от 15 сентября 1925 г. неустановленному адресату, обнаруженное мною в собрании Государственного архива Российской Федерации, в фонде Русского Обще-Воинского Союза (РОВС): «Здравствуйте, дорогой Степан Степанович, ...Получил ли Ив[ан] Гр[игорьевич] Акулинин мое письмо от 10/6, которое я просил дать Вам для прочтения. Его письма: я, Е.П. Березовский и Воротовов получили и благодарим,

а также и за несколько номеров разных газет. Каковы взаимоотношения между верхами и есть ли согласованность в планах. Подробно напишите о работе Зарубежного Съезда, его главных руководителях и ближайших перспективах. Я бы очень просил Вас установить срочную информацию, хотя бы 2 раза в месяц. Прошу передать привет: гр[афу] Граббе¹⁰, ген[ералам] Жигалину¹¹, Краснову¹², Шатилову¹³, Богаевскому¹⁴,

зен в СССР. В 1946 г. приговорен к 10 годам исправительно-трудовых лагерей. Умер в лагере.

9 Воротовов Михаил Флегонтович (04.01.1894 – не ранее 1937) - полковник Оренбургского казачьего войска. Окончил Оренбургское казачье училище по 1-му разряду. Хорунжий (с 12.07.1914). Во время Первой мировой войны в 16-м Оренбургском казачьем полку за боевые отличия награжден чинами сотника, подъесаула и орденами Св. Анны 4-й ст. с надписью «За храбрость», Св. Станислава 3-й ст. с мечами и бантом, Св. Анны 3-й ст. с мечами и бантом, Св. Станислава 2-й ст. с мечами и Св. Анны 2-й ст. с мечами. Участник Тургайского похода (17.04-07.07.1918). В 1918-1919 гг. - во 2-м Оренбургском казачьем полку. Ранен в борьбе с большевиками. Участник антибольшевистской борьбы на Дальнем Востоке. В эмиграции – в Китае (Харбин). Вр. и. д. зам. Войскового атамана Оренбургского казачьего войска (на 1923-25 гг.). В 1936-1937 гг. - в Харбине, в Оренбургском казачьем объединении.

10 Граббе Михаил Николаевич (18.07.1868 – 10.07.1942) — генерал-лейтенант (1916), граф. Из дворян Донского казачьего войска. Окончил Пажеский корпус. Участник Первой мировой, Гражданской и Второй мировой войн. Наказной атаман Донского казачьего войска (1916—1917). Кавалер ордена Св. Георгия 4-й ст. (1915). В эмиграции во Франции. С 1935 — Войсковой атаман Донского казачьего войска. Участвовал в формировании Русского корпуса.

11 Жигалин Леонид Иванович (09.04.1859 — 03.10.1926) — генерал-лейтенант. Окончил Оренбургское казачье юнкерское училище. Участник Первой мировой и Гражданской войн. Служил в Вооруженных силах на Юге России и в Русской Армии. В эмиграции во Франции.

12 Краснов Петр Николаевич (10.09.1869 — 16.01.1947) — генерал от кавалерии (1918), военный писатель и журналист. Из дворян Донского казачьего войска. Окончил Александровский кадетский корпус, Павловское военное училище (по первому разряду) и Офицерскую кавалерийскую школу. Пробыл один год слушателем Николаевской Академии Генерального Штаба, откуда в 1894 г. был отчислен в строй. Участник Русско-японской, Первой мировой, Гражданской и Второй мировой войн. Кавалер ордена Св. Георгия 4-й ст. (1915) и Золотого оружия. Войсковой атаман Всевеликого Войска Донского (1918). Участник антибольшевистской борьбы на Дону и на Северо-Западе России. В эмиг-

 $^{^7}$ Обращение А.П. Богаевского к Совету Восточного казачьего союза (ГА РФ. Ф. Р-5963. Оп. 1. Д. 24. Л. 94).

⁸ Березовский Ефим Прокопьевич (26.12.1869 – 06.02.1953) – полковник (1918). Из семьи офицера Сибирского казачьего войска. Окончил Сибирский кадетский корпус (1889), 2-е Константиновское военное училище (1891). В кадетском корпусе учился вместе с Л.Г. Корниловым. Участник Китайской, Русско-японской, Первой мировой и Гражданской войн. Заместитель Войскового атамана Сибирского казачьего войска (1918–1920). В эмиграции в Китае. Председатель Восточного казачьего союза (1923–1933). Глава Войскового представительства Сибирского казачьего войска в Зарубежье (1924–1945). В 1945 г. арестован контрразведкой СМЕРШ и выве-

Орлову¹⁵, Ивану Григорьевичу (Акулинину. – $A.\Gamma$.)...» [29, л. 203].

Через Акулинина осуществлялся обмен корреспонденцией, в том числе и оперативного характера, связанной с деятельностью РОВС, между группами русской белой эмиграции на Дальнем Востоке и в Европе. Об этом свидетельствует, например, рапорт генерал-лейтенанта Амурского казачьего войска Е.Г. Сычева (Харбин) Уполномоченному Верховного главнокомандующего по делам Дальнего Востока от 10 ноября 1926 г. № 126. Генерал Сычев писал: «Мне удалось снять копии с документов, представленных Дубаню (председ[ателю] правления) КВЖД – китайской контрразведкой. Документы эти, рисующие политику большевиков в Китае, переданы Дубаню 4^{10} ноября 1926 года... Так как все эти докумен-

рации – в Германии и во Франции. В 1944—1945 гг. — начальник Главного управления казачьих войск при министерстве восточных областей Германии. В 1945 г. сдался в плен англичанам, выдан советскому военному командованию в г. Юденбурге (Австрия). Арестован и этапирован в Москву, где был судим и повешен. Автор около 30 романов и повестей, а также множества статей в военной периодической печати.

13 Шатилов Павел Николаевич (13.11.1881 — 05.05.1962) — Генерального штаба генерал от кавалерии (1920). Из дворян, сын генерала. Окончил 1-й Московский кадетский корпус, Пажеский корпус (1900), Николаевскую академию Генерального штаба (1908). Кавалер ордена Св. Георгия 4-й ст. Начальник штаба Добровольческой и Кавказской армий (1919—1920). Начальник штаба Русской армии (1920). В эмиграции во Франции. Начальник 1-го отдела РОВС (1924—1934).

14 Богаевский Африкан Петрович (27.12.1872 – 21.10.1934) — Генерального штаба генераллейтенант (1918). Из дворян Донского казачьего войска, сын офицера. Окончил Донской кадетский корпус, Николаевское кавалерийское училище (1892), Николаевскую академию Генерального штаба (1900). Участник Первой мировой и Гражданской войн. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода. Войсковой атаман Донского казачьего войска (с 1919). В эмиграции — в Болгарии, Югославии, Франции.

15 Орлов 2-й Петр Петрович (15.07.1874 — 23.09.1929) — генерал-майор (1915). Из дворян Донского казачьего войска. Окончил Александровский кадетский корпус и Николаевское кавалерийское училище. Участник Первой мировой и Гражданской войн. С 1918 — в отставке. В 1918—1920 — на службе в Донской армии. В эмиграции — в Югославии, Франции.

ты имеют значение для текущего (подчеркнуто в тексте. — $A.\Gamma$.) момента, а месячная сводка по Д[альнему] В[осто]ку будет Вам представлена не ранее конца месяца, то я представляю их Вашему Превосходительству немедленно,... пользуюсь любезностью генерала Акулинина» [30, л. 177]. Не исключено, что генерал Акулинин на момент написания этого письма находился с визитом на Дальнем Востоке.

Вообще, во второй половине 1920-х гг. Акулинин много ездил, причем это были не только командировки, связанные с его бухгалтерской деятельностью в труппе казаков-джигитов, но и миссии, носившие агитационный характер. В частности, в июле 1927 г. Акулинин от Российского Центрального Объединения, одним из лидеров которого являлся, посетил департамент Луары и выступал перед русской колонией в Монтаржи с докладом на тему общего долга эмиграции и обязанностей каждого [28, л. 67].

В том же 1927 г. во втором томе альманаха «Белое дело» вышел написанный Акулининым очерк, посвященный борьбе уральских казаков с большевиками [14, с. 127-147]. А на следующий год генерал, откликнувшись на призыв Войсковых атаманов Дона, Кубани и Терека, обращенный к русской эмиграции, подготовил материал для сборника «Казачество: Мысли современников о прошлом, настоящем и будущем казачества». Там, в частности, он писал: «Не будь казачьих войск, не было бы и белого движения... Борьба казаков с коммунистами в основе своей имела глубоко идейный характер. Это не была борьба за власть или сохранение старых привилегий. Казаки, будучи стороной обороняющейся, никаких корыстных целей - ни классовых, ни самостийных - не преследовали и против русского народа не шли. Наоборот, они защищали его подлинные интересы и отстаивали свои права жить и веровать по заветам отцов, а не по указке красных комиссаров... Отстаивая против натиска красного интернационала свои права и вольности, казаки вместе с тем защищали и европейскую культуру, стоя вместе с тем на страже мировой цивилизации. Как и встарь, казачество в борьбе с новыми варварами выполняло роль передового форпоста Европы» [58, с. 76–77]. Чувствуется, что эти слова написаны непосредственным участником борьбы с большевиками и искренним патриотом своей страны.

В июне 1928 г., по данным современноисследователя русского масонства А.И. Серкова, Акулинин был посвящен в члены парижской масонской Ложи Юпи-Работал тер. помощником секретаря (1929 г.) и привратником (1931 г.). Радиирован, т. е. исключен из ложи, в июле 1935 г. [17, с. 1200]. При проверке этих данных выяснилось, что действительно «Akoulinine (Jean), journaliste» (Акулинин (Иван), журналист. – $A.\Gamma.$) упомянут в списке радиированных из Ложи Юпитер, однако несколько позже, чем указывает в своей работе А.И. Серков, - в период с 1 августа по 30 сентября 1935 г. [67, л. 288]. К сожалению, не все документы, касающиеся участия И.Г. Акулинина в деятельности масонов, в настоящее время доступны для исследователей.

Невольно возникает вопрос: зачем боевому казачьему генералу, участнику трех войн, отмеченному многочисленными орденами, вступать в масонскую ложу? Тем более, что эмигрантский быт не позволял разбрасываться деньгами, а членство в ложе требовало определенных регулярных расходов. Вряд ли среди причин этого было участие в ежегодном масонском шествии к стене коммунаров на кладбище Пер-Лашез, чтобы почтить память масонов, погибших в период Парижской коммуны 1871 г. [67, л. 165]. Возможно, что Акулинин просто искал место работы. По предположению современного московского исследователя С.В. Карпенко, представляющемуся мне весьма убедительным, членство в ложе давало возможность неформального общения с представителями французского истэблишмента и воздействия на них, чего русские эмигранты были лишены при формальных контактах с французской элитой.

С переездом в Париж контакты Акулинина с представителями дальневосточной эмиграции не прекратились. Наоборот, казачьи организации Дальнего Востока даже обращались к И.Г. Акулинину, приглашая его принять участие в различных казачьих

изданиях и т. п. [39, л. 64]. Посредством активной переписки Акулинин обеспечивал связь и взаимодействие казаков-эмигрантов в Европе, Китае и США [15]. Для русских белых организаций в Европе Акулинин являлся своего рода экспертом по Дальнему Востоку. Например, 21 сентября 1929 г. он был приглашен выступать с докладом о положении на Дальнем Востоке на заседании Главного Совета Российского центрального объединения [28, л. 67].

Когда в 1930 г. «честь возжечь лампаду на могиле Неизвестного Солдата (у Триумфальной арки в Париже. – $A.\Gamma$.) выпала на представителей казачьих частей, проживающих в Париже» [1, с. 3], Акулинин был в их числе, представляя немногочисленное в Европе оренбургское казачество [6, с. 28].

Этому событию известная казачья поэтесса того времени, Мария Волкова, посвятила свое стихотворение «6-е сентября 1930 года» [22, с. 37–38], в котором есть и такие строки:

Гляди, Париж, – их годы не сломили, Их бодрый дух в изгнанье не угас: Они верны своей исконной были, И тот же все – огонь открытых глаз!

Дивись, дивись, французская столица! Притихла вдруг вся площадь Этуаль! Они идут! Их много. Светлы лица, И с них сошла обычная печаль...

Париж, Париж! Степей далеких дети Пришли к тебе – ведь ты им не чужой: И за тебя в кошмаре лихолетий Они сражались в пляске огневой!

Железных полчищ силу привлекали Они к себе...Бесстрастен суд времен, – Болота Польши трупы поглощали, Но устоял истерзанный Верден!

Бесценна кровь...и подвиги былые... И жизнь... и смерть... Но больше пышных слов

Нежданный клич: «Да здравствует Россия!» –

Согрел ее отверженных сынов...

В парижский период своей жизни генерал Акулинин вел очень насыщенную общественную жизнь, принимал участие в

деятельности многих организаций, так или иначе связанных с казачеством, занимался сбором средств для оказания казакам материальной помощи [15]. В 1930-1931 гг. он являлся председателем Совета старшин Казачьего клуба в Париже, позднее стал одним из основателей Общеказачьего клуба. Кроме того, Акулинин с момента создания этого органа весной 1933 г. был представителем Оренбургского казачьего войска и казачьих войск Дальнего Востока в Казачьем Совете, организованном при донском атамане А.П. Богаевском для решения вопросов политического характера [57, с. 12]. От Оренбургского войска он также входил в президиум комитета благотворительной организации «Казачья помощь» [50, л. 5; 76, с. 160], сотрудничал с Объединением воинских зарубежных организаций (1934 г.), был одним из учредителей газеты «Возрождение» [25, л. 82], публиковался в таких эмигрантских периодических изданиях, как «Возрождение», «Иллюстрированная Россия», «Казачьи Думы», «Руль», «Часовой» и других.

В 1934 г. Акулинин руководил работой комиссии по созыву Общеказачьего съезда. «К сожалению много лишних разговоров, как во всяком коллегиальном учреждении. Но работа все-таки продвигается, - писал он 3 июля 1934 г. атаману Богаевскому. -Сейчас вырабатывается положение (проект) об организации Общеказачьего Объединения. Это наиболее трудно разрешимый вопрос. Как только проект будет готов, я представлю его Вам на Ваше рассмотрение. Затем пошлю Кубанскому и Терскому Атаманам. Обоим Атаманам все материалы высылаются аккуратно. Я дважды писал и ген[ералу] Науменко и ген[ералу] Вдовенко, но ответа пока не получил» [43, л. 95-95 об.]. Годы давали о себе знать, - в том же письме Богаевскому генерал Акулинин отмечал: «Был на днях у доктора Магата (? $-A.\Gamma$.). Он нашел, что сердце у меня теперь работает лучше и общее состояние тоже улучшилось. Мучают только головные боли, против которых ни один доктор ничего не может придумать» [43, л. 95 об.]. Для заседаний комиссии Акулинин добился разрешения использовать помещение банка, в котором работал [18].

После смерти Богаевского (21 октября 1934 г.) Акулинин писал казакам на Дальний Восток о текущих казачьих делах (на имя Е.П. Березовского): «Поздравляю Вас и всех сибирских казаков с Войсковым праздником. От души желаю всем скорейшего возвращения в родные станицы.

В Париже собираются сведения о всех казаках, прославившихся на том или ином поприще: военачальниках, администраторах, писателях, ученых, музыкантах, певцах и т. д. Если угодно, составьте список сибирских казаков, с краткой биографией о каждом и пришлите на мое имя. То же самое попросите сделать представителей всех дальневосточных казачьих войск.

Эти сведения я передам, куда следует.

Сегодня служили панихиду по атамане Богаевском — прошло 40 дней со дня его кончины. Дело с выборами преемника ген. Богаевского осложняется и затягивается.

Руководство казачьими делами во Франции взял на себя Казачий совет, его состав: председ. ген. Хорошхин (уралец). Члены: Н.М. Мельников (донец), ген. Малышенко (кубанец), ген. Татонов (терец), полк. Астахов (астраханец) и ген. Акулинин (оренбурец). В Эмигрантский комитет на место скончавшегося ген. Богаевского избран ген. Акулинин.

Всего хорошего. И. Акулинин» [55, с. 32].

Акулинин выступал с лекциями и докладами на собраниях различных эмигрантских общественных организаций. Так, 4 марта 1935 г. он выступил на вечере памяти казачьих вождей в парижском зале Сан-Дидье с докладом об атамане Дутове [33, л. 146 об.]. Во второй половине 1930-х начале 40-х гг. генерал сотрудничал с Союзом казаков-комбатантов (1936 г.), Обществом русских офицеров Генерального штаба, Обществом сибиряков и дальневосточников (1937 г.), Национальной организацией русских витязей (1940 г.). В 1935 г. был избран от Русского Комитета в Париже в комиссию для рассмотрения вопроса о представительстве русских организаций в составе Совещательного Комитета Нансеновского Присутствия при Лиге Наций [31, л. 25 об.], а в 1936 г. наряду с генералами А.И. Деникиным, Е.К. Миллером и другими видными деятелями русской эмиграции состоял в Комитете по сооружению храмапамятника в честь русских воинов, павших на французском фронте [77, с. 32].

В 1935-1937 гг. Акулинин являлся членом Русского эмигрантского комитета по делам русских беженцев (председатель -В.А. Маклаков) [60, с. 25; 70, с. 44], куда был избран на место скончавшегося атамана Богаевского [55, с. 32], в 1936-1939 гг. входил в правление Союза георгиевских кавалеров, с 1937 г. по 1939 г. входил в состав редколлегии журнала «Атаманский вестник» [17, с. 1], в 1938-1939 гг. был членом Главного Совета (правления) Российского Национального Объединения (состоял в Объединении с 1926 г.). В феврале 1939 г. Акулинин стал редактировать казачий отдел журнала «Часовой» [78, с. 3]. Тогда же он был избран в члены правления Общества русских офицеров Генерального штаба, а также в суд чести этой организации [38, л. 4], что, на наш взгляд, свидетельствует о безупречном моральном облике генерала. В 1930-е гг. Акулинин был членом приходского совета церкви преп. Серафима Саровского в Париже [68, с. 31].

Можно попытаться определить примерную сферу интересов Акулинина как историка и писателя. Прежде всего, это прошлое его родного края, история казачества в целом и оренбургского казачества в частности, отражение истории края в художественной литературе (например, в произведениях А.С. Пушкина [11, с. 14-20]). Особенно интересовали Акулинина ранние страницы истории казачества, события XVI-XIX вв., связанные с Ермаком Тимофеевичем, А.В. Суворовым, Е.И. Пугачевым, Отечественной войной 1812 г. Отдельной темой, волновавшей Акулинина, были связанные с его личными переживаниями события Первой мировой, революции и Гражданской войны. На мой взгляд, Акулинин значительно больше интересовался участием казаков в европейских войнах, чем, например, туркестанскими походами и борьбой казаков с кочевыми соседями. Скорее всего, это было связано с тем, что дореволюционная военная служба Акулинина протекала преимущественно в Европейской части Российской империи. Фактически он мало соприкасался с жизнью оренбургских казаков в Туркестане, хотя там было дислоцировано немало казачьих частей, по службе и в целях карьерного роста тяготел к Петербургу с его богатой культурной жизнью. Не стоит забывать и то, что Акулинин представлял фактически одно из азиатских казачьих войск, Оренбургское, в Европе, тогда как основная масса оренбургских казаков оказалась в эмиграции в Китае. Вероятно, в событиях прошлого Акулинин черпал моральное обоснование своего нахождения вдали от былых соратников по службе.

Конечно, многим публикациям Акулинина присуща широко распространенная в эмигрантской литературе идеализация дореволюционных порядков. Идеализировал Акулинин и казачество, которое, по мнению генерала, с честью выполнило свой долг, как в Первую мировую, так и в Гражданскую войну [5, с. 11–12; 8, с. 25–27], хотя на самом деле роль казачества, особенно в событиях Гражданской войны, далеко не однозначна.

Ряд своих публикаций Акулинин посвятил истории присоединения Сибири к Русскому государству в XVI в. и той роли, которую в этом процессе сыграло казачество. Среди работ Акулинина, посвященных этой теме, привлекает внимание его книга «Ермак и Строгановы. Историческое исследование по сибирским летописям и царским грамотам», изданная в Париже в 1933 г. к 350-летию завоевания Сибири.

Целью этого небольшого по объему исследования было «выяснить: кому принадлежала первоначальная мысль о завоевании Сибири и какую роль играли в этом деле атаман Ермак и Строгановы» [4, с. 8]. На основе анализа текстов трех летописей (Строгановской, Есиповской и Ремезовской) и царской грамоты Ивана Грозного от 16 ноября 1582 г. автор пришел к заключению, что «Сибирь была завоевана Ермаком с помощью Строгановых» [4, с. 62]. В своей работе Акулинин рассмотрел указанные источники по отдельности, поскольку не мог объединить полученные выводы. В целом, эту работу казачьего генерала нельзя считать серьезным научным исследованием. Она скорее была плодом некоторого увлечения Акулинина ранней историей казачества и ролью последнего в присоединении Сибири к России. В дальнейшем Акулинин планировал написать специальную работу о происхождении Ермака [4, с. 7], однако не осуществил задуманного. В феврале 1936 г. Акулинин, подытоживая свои исследования в этой области, выступил перед парижской аудиторией с докладом на тему «Освоение Сибири Россией» [56, с. 259].

Весной 1937 г. в Шанхае издательством «Слово» был опубликован основной труд Акулинина о борьбе оренбургских казаков в годы Гражданской войны — «Оренбургское казачье войско в борьбе с большевиками». Средства на издание книги собрали казаки Оренбургской имени атамана Дутова станицы в Шанхае. Издание, очевидно, должно было повысить статус оренбургских казаков в общей массе казачьей эмиграции.

При написании этой книги генерал практически не располагал какими-либо документами [9, с. 22], так как их основная масса была оставлена в России или пропала. Многое приходилось восстанавливать по памяти. Часть сведений удалось получить при помощи оставшихся в живых очевидцев, а также из писем и газет [9, с. 160].

Судьба книги складывалась непросто. Основа была написана генералом буквально по горячим следам событий Гражданской войны в Оренбургском казачьем войске — еще в 1920 г. [9, с. 22], что, несомненно, повышает достоверность изложенного материала. Очерк был сдан в типографию в Севастополе в октябре 1920 г. и остался в наборе при эвакуации белого Крыма. Лишь через несколько лет материал увидел свет в казачьем эмигрантском журнале «Казачьи думы», выходившем в Болгарии.

Еще 2 апреля 1923 г. Акулинин писал генералу С.В. Денисову из Мюнхена, где проживал в пансионе «Царь»: «Обращаюсь к Вам с нижеследующим.

Я написал два небольших очерка о борьбе с большевиками оренбургских и уральских казаков. Первый очерк у меня принял к напечатанию Архив¹⁶ – редакция

обещала напечатать через 3-4 месяца. Теперь мне очень бы хотелось пристроить и второй очерк - об уральцах; он небольшой - страниц 40-50 формата Вашего сборника; но у меня лично совершенно нет средств на печатание. Вот я и обращаюсь к Вам за содействием. Нельзя ли выпустить в свет в виде небольшой книжечки или брошюры моих уральцев при содействии «Града Китежа»? Повторяю, у меня денег нет – ни на бумагу, ни на печатание. Поэтому относительно условий выпуска моей работы я полагаюсь всецело на усмотрение издательства. Никаких меркантильных целей я не преследую - мне просто хочется, чтобы в зарубежной русской печати было хоть чтонибудь сказано об оренбургских и уральских казаках, которые принесли столько жертв в борьбе за родину и казачество. До сих пор, кроме газетных статей, никаких печатных трудов из периода Гражданской войны ни об оренбурцах, ни об уральцах не появлялось.

В случае, если бы Вы заинтересовались моим предложением, я немедленно вышлю Вам рукопись на просмотр...

С Дальнего Востока я получил ряд письменных сведений – официальных и частных – о последнем периоде борьбы с большевиками в Забайкалье и Приморской области. На основании этих документов пишу небольшой очерк под названием «Конец белых на Дальнем Востоке»» [15].

Работа непосредственного участника событий содержит огромный фактический материал¹⁷, однако это не просто мемуары, а скорее даже мемуарно-исследовательское сочинение, автор которого старался представить на суд читателей не личные переживания, а всю историю Белого движения в Оренбургском казачьем войске. Таким образом, труд Акулинина можно справедливо считать основополагающим для изучения истории антибольшевистского движения оренбургского казачества. Даже с точки зрения современного исследователя проблемы работа Акулинина представляется

17 Критика работы Акулинина (впрочем, не всегда

оправданная) в связи с ее тенденциозностью содержится в кн.: Урал и Прикамье. Ноябрь 1917 – январь 1919. Док. и мат. Ред.-сост. М.С. Бернштам. Париж,

^{1982.} C. 227–233.

¹⁶ Видимо, речь идет о Донском архиве.

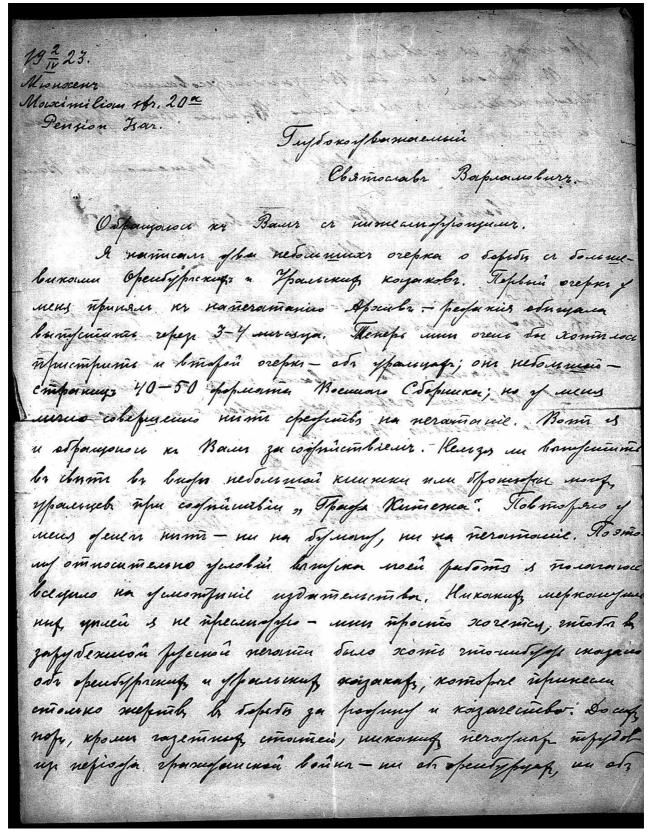


Рис. 4. Письмо И.Г. Акулинина С.В. Денисову. Архив Гуверовского института. Публикуется впервые

достаточно взвешенной. Особенно она ценна для историков в отношении тех сюжетов, по которым практически не сохранилось документального материала. Основным недостатком работы является ее обоб-

щающий характер и сравнительно небольшой объем. Человек с информированностью генерала Акулинина, являвшегося ключевой фигурой в руководстве антибольшевистского движения оренбургского казачества, мог составить куда более внушительный мемуарный свод, дать развернутые характеристики соратникам по борьбе. Еще одним недостатком работы является стремление автора подходить к событиям Гражданской войны несколько отстраненно с позиции исследователя, тогда как гораздо ценнее было бы узнать о личных переживаниях и впечатлениях Акулинина.

Рецензенты не скупились на похвалу. По словам Б.Э. Криштафовича, опубликовавшего рецензию на страницах органа донского атамана - журнала «Атаманский вестник»: «Правдивая книга ген[ерала] Акулинина является не только ценным историческим трудом. Она должна быть отнесена и к числу тех исторических монографий, которые своей идейной проникновенностью воспитывают души и укрепляют сердца. Каждый казак должен читать такие книги по казачьей истории, а казачья молодежь должна по ним учиться, как стать добрыми казаками» [61, с. 12]. Рецензент из «Часового» отметил, что «Книжка генерала Акулинина впервые рассказывает широким кругам эмиграции об Оренбургском театре войны, до сих пор эта область почти не была освещена в нашей военной литературе. Ценность книжки повышается еще и совершенно беспристрастным изложением фактов и событий» [21, с. 18].

Оппонировали генералу, в основном, казаки-самостийники, противником которых и являлся Акулинин. Лидер вольноказачьего движения кубанец И.А. Билый в издававшемся им журнале «Вольное казачество» дал резкий отзыв на книгу Акулинина. Неприятие рецензента вызвало даже посвящение книги казакам, павшим в борьбе за великую Россию. Отсюда делался вывод, что «ген. Акулинин – представитель той части казачьей старшины, которая сидела (и сидит теперь еще) на двух стульях, служила (и служит теперь) двум богам и провалила, проиграла казачье дело (здесь и далее выделено в тексте. – $A.\Gamma.$). А провалив там (речь идет о Гражданской войне. – $A.\Gamma$.), продолжает старую песню и за границей, таща казаков на все то же русское бездорожье. Проиграв там, ген. Акулинин остался верен себе и до сих пор: ничего не забыл из плохого старого и ничему не научился новому. Став сейчас за Граббе и рядом с Граббе, он не прочь, очевидно, повести еще раз крестным путем казачество к той самой пропасти, в какую недавно он уже помог свалить его... Пойдут ли за ним еще раз казаки?» [20, с. 4].

В таком духе противопоставления казачества и России была написана вся рецензия. Рецензент иронизировал над словами Акулинина о преданности казачества императору, добавив, что о царе никто из казаков, включая автора книги, даже не вспомнил и не пошевелил пальцем для его спасения. Неудовольствие Билого вызвала и формулировка цели Акулинина — показать русским людям как боролись оренбургские казаки. По мнению Билого, отделявшего казаков от русских, нужно писать книги для первых.

Посредством рецензии Билый заявлял об общности судеб разных казачьих войск и необходимости казачеству объединиться под вольноказачьими знаменами, «иначе, если еще раз-два поведут его старые или новые Акулинины теми же дорогами, то от казачества, кроме воспоминаний, не останется больше ничего» [20, с. 4].

Далее Билый цитировал наиболее интересные с его точки зрения отрывки из книги Акулинина и сопровождал их своими комментариями. Досталось атаману А.И. Дутову, который, по мнению Билого, «еще в большей мере, чем атаманы других войск, увлекался всероссийскими задачами - в прямой ущерб задачам казачьим» [20, с. 5]. Рецензент полагал, что участие казачества в общероссийском антибольшевистском движении шло вразрез с интересами казаков. Билый тенденциозно акцентировал внимание на проявлениях враждебности белого командования к казачеству. Правда, Билый, теоретизировавший на тему того, как хорошо для казачества было бы тогда объединиться без русских и образовать собственную государственность, не пояснял, каким образом эта государственность смогла бы противостоять Красной армии. Дальше наивно-примитивных заявлений, что «если бы... не мешались чужие, мы, казаки, сами, легко могли бы... между собою сговориться, что было единственным спасением казачества тогда (выделено в тексте. — $A.\Gamma$.)» [20, с. 7], Билый не углублялся. В этом смысле не только критикуемый им Акулинин, но и сам Билый, являвшийся в Гражданскую войну активным деятелем кубанских сепаратистов из Рады, своих взглядов за два десятилетия не поменял. Однако к адекватному восприятию действительности намного ближе были позиции Акулинина.

За отсутствием конкретных доводов Билый перешел к прямым оскорблениям, делая вывод, что «русские патриоты казачьего происхождения заражены той же слепотой и тем же бесталаньем, что и Деникины - Колчаки... (выделено в тексте. – $A.\Gamma$.)» [20, с. 7]. Правда, автор не пояснил, кого же он предлагал в этом случае в качестве «талантливых» лидеров. В особенности для оренбургских казаков, среди которых оппозиция режиму Дутова в Гражданскую войну была куда менее способной к государственному управлению, чем атаман и его окружение. Рецензент полагал, что казачество проиграло бы даже в случае победы белых. В конце статьи Билый отметил, что красные победили, а белые проиграли из-за офицеров Генерального штаба [20, с. 8] и упрекнул Акулинина в логическом противоречии, когда тот отметил, что главную тяжесть борьбы вынесли русские офицеры, но при этом писал и о засилье тыловиков. Вершиной разоблачительного пафоса Билого был, по сути, приговор Акулинину: «Ген. Акулинин принадлежит к той части казачьей старшины, которая несет полную ответственность за печальный исход прошлой борьбы (здесь и далее выделено в тексте. – $A.\Gamma$.). Книга его не свободна от многих противоречий между действительностью и личными желаниями или убеждениями автора. Но – для «науки», особенно для науки о том, как не надо делать другой раз, книга ген. Акулинина пригодиться может. А потому она будет далеко не лишней в каждой казачьей библиотеке» [20, с. 9]. Завершалась рецензия пожеланием казакам сделать выводы из книги и не повторять прежних ошибок. Куда привели казачество в годы Второй мировой войны идеи Билого, всем известно.

В том же году Акулинин обратился к оренбургским казакам с призывом «внести

посильную лепту в дело составления, собирания и выпуска в свет материалов по истории войска». По мнению Акулинина, «времени прошло достаточно. Теперь можно подходить к событиям с критической оценкой, без боязни задеть ложное самолюбие и не нанося ущерба установившимся репутациям. При описании каждого факта на первом месте должна стоять голая правда и добросовестное отношение к действующим лицам» [13, с. 14]. Предложения Акулинина, однако, не простирались дальше составления кратких описаний боевых действий оренбургских казачьих частей от Русско-японской до Гражданской войны, а также исследования вопроса о степени мобилизационного напряжения войска в Первую мировую и Гражданскую войны. По всей видимости, условия эмигрантской жизни не позволяли достичь даже этих, весьма скромных по своим масштабам, задач.

Уже на следующий год Акулинина приняли в парижский Кружок казаковлитераторов, в котором состояли такие видные деятели русской культуры, как Н.Н. Туроверов, А.А. Ачаир, М.В. Волкова, В.С. Крюков и другие. Собрания Кружка проходили каждую первую субботу месяца, причем на них читались и обсуждались новые произведения, проходили авторские вечера. Именно 1930-е гг. были периодом наиболее плодотворной деятельности Акулинина как историка и публициста. В эти годы были опубликованы и художественные произведения Акулинина. Это рассказы «В поезде» и «На казачьих подводах», в которых Акулинин с ностальгией описывал довоенную жизнь оренбургского казачества. Рассказы в значительной степени автобиографичны, в образах некоторых героев угадывается сам автор (например, сотник Шевченко и хорунжий Романов из рассказа «В поезде») и представляют собой интересный источник по внутренней жизни оренбургского казачества начала XX в.

Всю свою жизнь генерал Акулинин собирал материалы по истории оренбургского казачества. На протяжении более тридцати лет (1913–1944 гг.) он сумел собрать три архива [13, с. 13]. Первый из них включал материалы по довоенной истории казачест-

ва. Архив погиб в доме, где жил Акулинин в Петрограде уже после 1917 г. Второй его архив, содержавший документацию оренбургских казачьих частей периода Гражданской войны, в том числе полевой дневник и черновики записок самого Акулинина, пропал при отступлении остатков I Оренбургского казачьего корпуса от Гурьева на форт Александровский. Наконец, третий архив был собран уже в эмиграции. Судьба этой коллекции в настоящее время неизвестна [74, с. 27].

Акулинин всерьез интересовался историей Первой мировой и Гражданской войн, отслеживал новинки литературы по этим темам. Выражая благодарность генералу С.В. Денисову за присланный им альбом «Белая Россия», Акулинин писал ему 24 июля 1939 г.: «Приношу Вам глубокую благодарность за ценный и приятный для меня подарок – альбом Белая Россия № 1 с лестной для меня надписью. Очень рад, что моя книга «Оренб[ургское] каз[ачье] войско» пригодилась Вам при составлении Вашего труда, который и по внешности и по содержанию производит прекрасное впечатление» [15]. Акулинин собирался опубликовать рецензию на альбом в «Часовом» и в дальневосточных журналах. Корреспондентом Акулинина на Дальнем Востоке был другой оренбургский казачий генерал А.В. Зуев. Акулинин просил прислать экземпляр и для общества офицеров Генерального штаба, в котором состоял. Жалуясь на загруженность делами, Акулинин отмечал: «Днем я на службе: работаю в обществе взаимного кредита (которое в Париже слывет под именем «Казачьего банка»), а вечера уходят на разного рода заседания, собрания и встречи. С этой стороны я слишком разбросался и переборщил. Состою членом правлений и разных комиссий во многих общественно-политических, и военных, и казачьих организациях. Главная работа протекает по общественной линии в Рос[сийском] нац[иональном] объединении (председатель - Гукасов). Это группа «Возрождения», Казачьем совете гр[аф] (предс[едатель] Граббе), о[бщест]ве офицеров Генерального штаба, в Союзе Георгиевских кавалеров и т. д. Приходится вести переписку с Шанхаем, Тянцзинем, Харбином и др. местами, где разбросаны оренбургские казаки. Сейчас образовался комитет под председательством графа Нирода для образования фонда вел[икого] князя Владимира Кирилловича, члены комитета назначены главою династии. От казаков пока назначен в комитет Ваш покорный слуга. Зимою было несколько интимных обедов и бесед в присутствии вел[иких] князей Бориса Владимировича, Андрея Владимировича и Гавриила Константиновича (на одном из таких обедов был приглашен и Дмитрий Павлович, когда казалось, что он отошел от младороссов). С ген. Красновым я изредка переписываюсь – посылаю ему д[альне]в[осточ]ные журналы.

На старости лет «впал в детство» – пишу разные рассказы и очерки из прежней казачьей жизни, которые печатаю в разных казачьих изданиях («Станица», «Казачий клич», «Луч Азии», «Оренб[ургский] казак» и т. д.)... В материальном отношении жить с каждым годом становится все труднее и труднее» [15]. В июле — августе 1939 г. Акулинин собирал материалы для празднования 50-летия службы генерала П.Н. Краснова в офицерских чинах, но изза войны реализовать намеченное не удалось.

В годы Второй мировой войны и во время оккупации Франции немцами Акулинин оставался в Париже. В вооруженной борьбе на стороне немцев он участия не принимал, но во время войны продолжал публиковать статьи в эмигрантской периодической печати и принимать активное участие в русской общественной жизни. Некоторые публикации Акулинина в тот период получили сравнительно широкий общественный резонанс. Например, на основе его заметки «К сведению казаков» в журнале «Часовой» (№ 257 от 5 февраля 1941 г.), в которой Акулинин писал о трудоустройстве казаков в Польше, Чехии и Моравии, генерал П.Н. Краснов ходатайствовал перед атаманом казаков в Третьем рейхе и главой Общеказачьего Объединения в Германской Империи генераллейтенантом Е.И. Балабиным об устройстве казаков в Генерал-губернаторстве Польском или в Протекторате Богемии и Моравии [24, л. 7–7 об.]. Далее уже сам Балабин обращался по инстанции с ходатайством о трудоустройстве казаков из Франции на сельскохозяйственных работах в Протекторате Богемии и Моравии [23, л. 73].

В начале 1940 г. Акулинин еще работал бухгалтером-переводчиком в банке «Кредитное ремесленное и торговое содружество» [68, с. 31], однако к февралю банк закрыли, и он остался без работы. Основная общественная деятельность Акулинина в 1940-е гг. была связана с его членством в Казачьем Совете под председательством донского атамана графа М.Н. Граббе. Акулинин был одним из разработчиков текста обращения Казачьего Совета к казакам, находящимся в эмиграции, в связи с началом войны между СССР и Германией. В своем проекте он привел резкую оценку роли большевиков, в частности написав: «В ответственный исторический момент, когда решается судьба нашего Отечества, Казачий совет во Франции считает долгом обратиться к казакам с горячим призывом: принять самое деятельное участие в борьбе с коммунистической властью. Двадцать лет мы, как нищие рыцари, скитаемся по чужим краям, не находя нигде тихого пристанища. Двадцать лет наши подъяремные братья томятся в советском плену в ожидании нашей помощи. За эти долгие годы наши, когда-то цветущие, казачьи края залиты кровью и превращены в мерзость запустения. В них водворились пришлые люди, которые с дьявольской настойчивостью уничтожают казачество, стараясь с корнем вырвать все, что имеет отношение к нашему славному прошлому, к нашим святыням, к нашему быту. Но казаки держатся стойко, защищая казачьи позиции всеми доступными средствами» [45, л. 273].

Далее Акулинин положительно оценил нападение Германии на СССР, использовав риторику нацистской пропаганды: «наступает час освобождения», «Верховный Вождь великого германского народа Адольф Гитлер», «международная шайка, засевшая в Священном Кремле». Перед казаками была обрисована такая перспектива: «Большевики неминуемо сгинут и русский народ, со всеми другими народами России, вновь займет подобающее ему место в се-

мье молодых держав, строящих мир на новых началах 18. Чтобы оправдать свое пребывание на чужбине и с честью вернуться в казачьи края, все зарубежные казаки должны приобщиться к делу борьбы с большевиками - каждый на своем (или указанном ему) месте и по своим силам и способностям. Этого требуют интересы всего Нового мира; этого ждут наши порабощенные братья по ту сторону красной черты...» [45, л. 273]. О трагических последствиях нацистской оккупационной политики для народов СССР генерал, очевидно, не думал, а его взгляды не отличались от представлений многих других деятелей белой военной эмиграции, вспоминавших кайзеровскую оккупацию 1918 г., сидя в перезаполненных кафе оккупированного Парижа.

Подобный призыв, будь он широко опубликован, мог иметь определенный вес в казачьей эмиграции, ведь подписать его должны были представители целого ряда казачьих войск: генерал-лейтенант граф М.Н. Граббе, Генерального штаба генераллейтенант А.В. Черячукин, генерал-майор С.Д. Позднышев, генерал-майор Н.И. Малышенко, Генерального штаба полковник М.А. Медведев, Генерального штаба генерал-майор Акулинин, полковник Г.М. Астахов и некоторые другие казачьи деятели. Но в Казачьем Совете возникли разногласия по вопросу о содержании обращения [45, л. 266; 46, л. 89, 96–96 об.] и неизвестно, был или не был в итоге подписан этот документ.

Отметим, что идея продолжения активной борьбы с большевиками выдвигалась Акулининым задолго до Великой Отечественной войны. В одной из заметок на страницах журнала «Родимый край», в 1929 г. он писал: «Только тогда казаки вздохнут полной грудью и заживут привольной жизнью, когда чужеродная коммунистическая власть будет сброшена. С этим надо торопиться!...» [2, с. 25]. В начале 1939 г. Акулинин также утверждал, что «борьба с коммунистической властью должна быть главной и основной темой для всех казаков» [3, с. 15]. Зимой 1940 г. о стремлении

¹⁸ Очевидно, имелись в виду державы фашистского блока (Германия, Италия, Япония).

продолжать борьбу с большевиками он писал своему другу по переписке генералу С.В. Денисову в США [15].

На основе имеющихся данных можно сделать вывод о том, что в своей политической программе генерал Акулинин ориентировался на Германию и на ее победу над СССР. При этом по своим убеждениям он непримиримым оставался противником большевизма, государственником, сторонником идеи великой, единой и неделимой России, а в своих публикациях периода Второй мировой войны осуждал казачий сепаратизм [12, с. 15]. Освободить Россию от большевиков он считал возможным лишь при помощи вооруженной борьбы. По мнению Акулинина, «большевики сами по себе не падут и добровольно не уйдут. Коммунистическая власть будет свергнута в результате новой жестокой борьбы. Об этом должны иметь отчетливое представление все русские патриоты, и в особенности молодые поколения, которым придется отвоевывать и строить новую Россию» [7, c. 7].

Будущее политическое устройство России виделось Акулинину по образцу фашистских государств и в союзе с ними. 20 июля 1941 г. он писал графу Граббе: «Если Бог поможет, мы должны явиться в родные края (прежде всего, очевидно, на Дон) все вкупе и действовать от лица всего зарубежного казачества впредь до установления нормальной власти на местах. Если до нашего прихода на Дону, на Кубани и в других казачьих краях (еще до нашего прихода) будет организована войсковая власть немецким командованием или самими казаками - наш долг явиться в распоряжение этой власти и дать ей отчет о наших действиях» [46, л. 89 об.]. Очевидно, что в этом письме присутствует значительная идеализация немцев, которым самостоятельная «Войсковая власть» была совершенно ни к чему. Акулинин, конечно, понимал, что при сложившихся обстоятельствах хозяевами положения на освобожденных от большевиков территориях будут не русские, а немцы [46, л. 96 об.], но все же считал, что руководство нацистской Германии не помышляет о расчленении России [12, с. 15].

He имея возможности предугадать дальнейшее развитие событий на Восточном фронте, Акулинин в разработанной им памятной записке от 20 сентября 1941 г. предложил создать «Особую казачью группу» из представителей казачьей интеллигенции, находящихся за рубежом, для того, чтобы наладить контакт с населением казачьих областей и «разъяснять местному населению, какие задачи преследует германское командование и какие идеи несет национал-социалистическая Германия, организовав крестовый поход против коммунистической власти» [46, л. 170]. В отношении работы Казачьего совета Акулинин предлагал ограничиться исключительно казачьими делами, не вдаваясь в общерусские, в которых, по его мнению, было гораздо больше разногласий. 4 апреля 1942 г. Акулинин, поздравляя графа Граббе с Пасхой, писал ему: «Дай Бог, чтобы наши родные казачьи края воскресли к новой жизни» [47, л. 33], вероятно, имея в виду скорое освобождение казачьих территорий немцами. В связи с тяжелой болезнью Граббе в 1942 г. генерал Акулинин был вынужден временно председательствовать в Казачьем совете, заменяя донского атамана [47, л. 39]. 26 мая 1942 г. Акулинин отмечал в одном из писем, что «в настоящее время Казачий совет лишен возможности повести большую и продуктивную работу, но стоять на страже казачьих интересов мы должны при всех обстоятельствах» [47, л. 39]. По словам Акулинина, «разобраться в хаосе мировых событий, представить себе подлинную картину всего происходящего, не сбиться с правильного пути – не то, что рядовому эмигранту, но и людям, искушенным в политике, чрезвычайно трудно. Казаки в этом отношении не составляют исключения...» [10, с. 10]. События показали, что и сам казачий генерал не сумел разобраться в происходящем.

Сведения о последних годах жизни генерала весьма отрывочны. Известно, что в 1943 г. он состоял в Обществе ревнителей памяти императора Николая ІІ. Возможно, крушение надежд, которые Акулинин возлагал на Германию, подкосило его. Акулинин скончался в Париже 26 ноября 1944 г., спустя три месяца после освобождения

столицы Франции от немцев (25 августа 1944 г.), не дожив нескольких месяцев до конца войны, и был похоронен на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа. Место для захоронения предоставило общество офицеров Генерального штаба, заранее выкупившее три места для своих членов [15]. Вскоре безутешная вдова генерала узнала, что места для ее погребения рядом с супругом не предусмотрено, а в каждую могилу предполагалось захоронить останки трех генштабистов. Весной 1945 г. вдова Акулинина смогла добиться от генерала Н.Н. Стогова обещания не трогать могилу ее супруга до заполнения двух соседних могил. Ныне лишь лаконичная надпись «J. Akoulinine 1883-1944» указывает на место последнего пристанища генерала [52, с. 4]. В ноябре 2014 г. автору этих строк довелось побывать на этом знаменитом русском кладбище и по случайности обнаружить совершенно не приметное надгробие генерала (на плите с захоронениями семьи Ушаковых и с надписью у самой земли).

Последний по времени документ, который удалось обнаружить - это письмо Акулинина своему многолетнему корреспонденту в США генералу С.В. Денисову от 11 октября 1944 г., полученное Денисовым 27 ноября того же года, на следующий день после смерти Акулинина: «Дорогой генерал. Во время немецкой оккупации многие из нашей среды жили очень плохо и терпели много горя, холода и голода. Эта зима будет очень тяжелая, особенно для старых и больных. Я Вас прошу, дорогой генерал, если Вы можете организовать среди Ваших друзей сбор одежды, белья, продуктов и денег, чтобы разделить среди нуждающихся казаков. Благодарю заранее. Напишите, как можно скорее» [15]. Оригинал письма был написан по-французски. Акулинин сообщил, что сильно болен, должен соблюдать постельный режим, а врачи запретили ему работать.

13 декабря 1944 г. письмо Денисову отправила уже вдова Акулинина, написав его по-французски. В письме она сообщила, что Денисов был первым, кто откликнулся на просьбу Акулинина, но оказалось поздно – после продолжительной болезни Акулинин скончался в результате сердечного

приступа. Вдова генерала писала, что осталась одна во всем мире. О генерале Акулинине она отзывалась как о мягком, тактичном и хорошем человеке и очень тяжело переживала утрату мужа, с которым прожила, как отмечала в одном из писем, 26 лет душа в душу.

Денисов ответил лишь 10 апреля 1945 г.: «Письмо Ваше от 13 декабря прошлого года я получил только вчера.

Позвольте, прежде всего, выразить мое душевное соболезнование Вам в утрате друга Вашей жизни, прекрасного во всех отношениях человека и доблестного Белого Вождя. Я далее коснусь и моих личных чувств по отношении Вашего почившего супруга.

Прошу извинить меня за то, что я пишу Вам это письмо не рукописью, а на машинке. Вот серьезная причина: у нас не разрешается пока писать письма на русском языке, ибо не хватает цензоров. Но из практики я знаю, что писанное на русском языке, а не рукописью, цензоры пропускают. Разбирать же рукопись, да еще иногда и каракули, – им нет времени. А написать я хочу Вам много и подробно.

Посылая деньги Вашему покойному супругу 4-го декабря прошлого года, я был далек от мысли, что с Иваном Григорьевичем приключится столь печальный и скорый конец. Поэтому я и не указал Вас, как лицо законный наследник. Конечно, деньги эти слишком малы, чтобы Вы ощутили бы помощь, оставшись осиротелой. Вчера я уже выслал Вам первую пищевую посылку, через одну, очень крупную канадскую фирму.

Это посылка конечно не последняя, и я организую для Вас помощь в этом деле со стороны Ваших друзей казаков, вообще без различия войск, а в особенности Оренбургского войска. Уверен, что наше к Вам внимание послужит посильным Вам утешением в неизбывном Вашем горе. Об этом я уже вошел в связь с оренбурцами, проживающими в Калифорнии и в городах Северных штатов Америки. Результаты я Вам незамедлительно сообщу, но, надеюсь, что мои письма будут опережены продовольственными для Вас посылками от Ваших



Рис. 5. Могила И.Г. Акулинина на кладбище Сент-Женевьев де Буа под Парижем Фото А.В. Ганина. 2014 г.

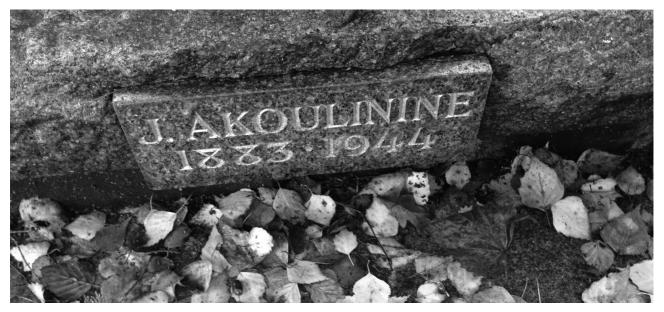


Рис. 6. Могила И.Г. Акулинина на кладбище Сент-Женевьев де Буа под Парижем Фото А.В. Ганина. 2014 г.

неизвестных, быть может, Вам американских друзей-казаков.

Третьего дня я о Вас и о постигшем Вас горе написал генералу Вагину, бывшему начальнику штаба у атамана генерала Дутова...» [15].¹⁹

Денисов очень помог вдове Акулинина как морально, так и материально в наиболее тяжелый для нее период. Вдова Акулинина работала в почтовом отделении американских войск. Она всячески пыталась увековечить память своего супруга. Через Денисова она пыталась организовать публикацию некролога, который по ее просьбе написал генерал-майор С.Д. Позднышев. Поскольку переписка из послевоенного Парижа была затруднена, Тамара Константиновна просила Денисова оповестить о смерти мужа оренбургских казаков в Китае. Рукописи мужа она рассчитывала передать в Шанхай оренбургскому казаку, полковнику С.И. Нестеренко. Переслала Денисову она и другой адрес – полковника Н.П. Сокарева. Необходимо было установить памятник на могиле, для этого Т.К. Акулинина предпринимала попытки сбора средств.

Генерал-майор С.Д. Позднышев писал в некрологе, что «Акулинин принадлежал к числу тех, чье имя стоит в почетном списке русских людей, отдавших свои силы за Россию; чье имя занесено золотыми буквами на страницы истории родного войска... После неудачи Белого движения, генерал Акулинин вместе с женой Тамарой Константиновной, беззаветно его любившей и делившей с ним все радости и горести жизни, через Кавказ, Крым, Константинополь и Сербию прибыл во Францию и поселился в Париже. Трудной для него оказалась жизнь на чужбине, как и для большинства изгнанников. Надо было работать в непривычных условиях, в тех отраслях, в каких ранее никогда не приходилось трудиться. Но и в этих условиях Иван Григорьевич остался на поверхности жизни. Он живо интересовался общественными делами, состоял членом Эмигрантского Комитета, членом многочисленных эмигрантских организаций: Казачьего Совета во Франции, Союза Георгиевских кавалеров, Союза офицеров Генерального штаба, членом Церковного Совета и т. д.

В эмиграции генерал Акулинин много писал на исторические темы. Им были изданы книги, получившие прекрасные отзывы... Он сотрудничал в журналах: Часовой, Луч Азии, Станица и др.

Генерал Акулинин любил свою Родину крепко и нежно. Неустанно он думал о России. С думами о ней он и умер в изгнании, не дождавшись светлого радостного дня возвращения на родную землю. Помянем его добрым словом. Вечная ему память и мир его праху!» [15].

На смерть Акулинина откликнулся и его соратник по борьбе генерал А.Н. Вагин, который в 1946 г. писал в статье «Памяти генерала И.Гр. Акулинина» в издававшейся в Сан-Франциско газете «Русская жизнь»: «Акулинин был скромный и честный человек, стойкий и убежденный борец за русские демократические и национальные начала, был доблестный офицер Генерального штаба императорской российской армии» [62].

В некрологе из журнала «Часовой», увидевшем свет из-за тяжелой послевоенной ситуации только через четыре года после смерти Акулинина, говорилось, что современники знали Акулинина как «выдающегося военного и казачьего деятеля, благороднейшего человека, редкого по своей честности и прямоте русского патриота...» [79]. Имя генерала после его смерти было занесено в казачий синодик [59, с. 82–83] наряду с именами других казачьих вождей.

Несколько лет назад я получил письмо из Уфы от внука генерала Акулинина – Николая Николаевича Цибулина. Он сообщил, что первую жену Акулинина звали Наталья. Вместе с дочерью Акулинина Людмилой (матерью Н.Н. Цибулина) первая супруга будущего генерала в 1918 г. уехала из Петрограда в Кандалакшу, где вышла замуж за Александра Паукшто. Наталья скончалась еще до отъезда генерала в эмиграцию. Фамилия и отчество дочери были изменены из опасения репрессий. Сам Цибулин родился в 1936 г. в Харбине, его отец, Николай Федорович, служил на КВЖД, в СССР приехал в 1954 г. У него

¹⁹ Окончание письма отсутствует.

был брат Ростислав, который также связался со мной и изложил то, что ему было известно о деде. Проживая в Китае, Цибулины до 1943 г. получали письма и посылки из Парижа от генерала Акулинина, но по возвращении в СССР из опасения перед возможными репрессиями все материалы о генерале были уничтожены.

Выходец из простой казачьей семьи, уроженец южно-уральского захолустья, И.Г. Акулинин за время военной службы в Русской императорской армии сумел добиться очень многого. Его служебный путь наглядно показывает широкие возможности для карьерного роста в старой армии выходцев из низов. Акулинин получил блестящее образование и разностороннюю профессиональную подготовку в Военной академии, в Офицерской кавалерийской школе. Тяга к знаниям, уважение к науке были отличительными чертами этого офицера.

Как офицер гвардии он был приближен ко двору и лично знал великую княгиню Ольгу Александровну и императрицу. Подобное знакомство накладывало отпечаток на взгляды будущего генерала. Влияло на них и участие в подавлении беспорядков в период первой русской революции. С молодости у Акулинина существовал устойчивый интерес к казачеству и его истории, что нашло выражение в ряде публикаций генерала, увидевших свет в более поздний период. В эмиграции Акулинин посвятил истории казачества две книги и свыше семидесяти статей. Насколько можно судить, Акулинин был монархистом и сторонником казачьего традиционализма.

Акулинин был сильной, волевой личностью и в этом отношении, пожалуй, превосходил Дугова. Достаточно сказать, что, несмотря на неудачи, он трижды (!) пытался поступить в академию Генерального штаба и не отказался от своего замысла до тех пор, пока не добился успеха. В академические годы он проявил себя как целеустремленный, упорный и честолюбивый в хорошем смысле этого слова офицер. О мужестве Акулинина свидетельствуют подвиги, совершенные им во время Русско-



Рис. 7. Дочь И.Г. Акулинина Людмила Архив семьи Цибулиных. Публикуется впервые

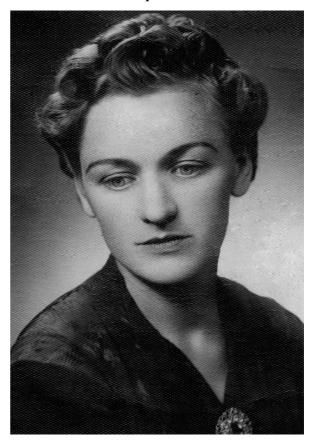


Рис. 8. Дочь И.Г. Акулинина Людмила Архив семьи Цибулиных. Публикуется впервые



Рис. 9. Дочь И.Г. Акулинина Людмила с сыновьями Ростиславом и Николаем Архив семьи Цибулиных. Публикуется впервые

японской и Первой мировой войн. Его ратный труд отмечен высшими военными наградами России и Франции. Дореволюционная карьера Акулинина представляется едва ли не образцовой.

Связав свою судьбу с антибольшевистским движением оренбургского казачества и его лидером атаманом А.И. Дутовым, Акулинин остался верен Дутову и при жизни атамана (в частности, способствовал предотвращению заговора против Дутова в декабре 1918 г.), и после его смерти (в своих работах всегда с пиететом отзывался об оренбургском атамане). Из всех вождей антибольшевистского движения оренбургского казачества Акулинин, пожалуй, обладал наибольшим интеллектом. Наряду со своим однокашником В.О. Каппелем Акулинин был одним из лучших генштабистов колчаковской армии. То, что именно этот человек был ближайшим соратником атамана Дутова, безусловно, свидетельствует и в пользу самого атамана.

Акулинин проявил себя в период Гражданской войны как способный военачальник и администратор. Как помощник Дутова и один из руководителей Оренбургского военного округа, вместе с другими сподвижниками Дутова и самим атаманом он участвовал в развертывании на основе структур, прежде всего, Оренбургского казачьего войска Юго-Западной, а позднее Отдельной Оренбургской армии, основу которых составляли оренбургские казаки. Эта армия успешно действовала против красных на вверенном фронте на протяжении 1918-1919 гг. Впоследствии преобразованная в Южную армию, она сражалась на Южном Урале даже тогда, когда оказалась расположена уступом впереди всего колчаковского Восточного фронта. Таким образом, это объединение по своим боевым качествам ничуть не уступало другим белым армиям Востока России.

Вверенные Акулинину войска терпели неудачи не вследствие некомпетентности или ошибок своего начальника, а, прежде всего, в силу системных ошибок военного строительства белых и их невыгодного стратегического положения при почти полном отсутствии коммуникаций в тылу. Весной 1919 г. Акулинин был одним из руководителей оренбургской наступательной операции, в ходе которой белые стремительно вышли на подступы к Оренбургу, но ввиду малочисленности сил и плохой связи не смогли добиться успеха. Осенью 1919 г. Акулинин сумел вывести остатки разбитой Южной армии белых из полосы занятой красными Ташкентской железной дороги на запад.

Поражение Белого движения привело к тому, что высококвалифицированный боевой генерал, герой двух войн, посвятивший многие годы жизни верной службе родине, оказался изгнан из своей страны. Приходилось начинать с нуля, искать новую профессию, влачить убогое беженское существование. Несмотря на все тяготы, Акулинин находил возможность вести активную общественную, исследовательскую и публицистическую деятельность. В эмиграции он стал широко известен как историк казачества и мемуарист.

Акулинину был чужд казачий сепаратизм, и он не мыслил казачество вне общероссийской борьбы с большевиками. Обращает на себя внимание и его скромность – став в эмиграции оренбургским Войсковым атаманом, он, в отличие от других лиц, также занимавших атаманские посты в разных казачьих войсках, никак не выпячивал свою должность и самого себя, а без особого шума вел активную работу на благо казаков, оказавшихся в Китае.

Трагизм ситуации, в которой оказались десятки тысяч ветеранов Белого движения на чужбине, не мог не ожесточать заслуженных людей, в одночасье оказавшихся у разбитого корыта и в полной изоляции от родины. Действие рождало противодействие. Идейно-политическая позиция Акулинина в эмиграции предопределялась итогами Гражданской войны и стремлением к

реваншу за поражение белых и жестокую политику расказачивания. Акулинин был среди множества ветеранов антибольшевистской борьбы, мечтавших о свержении большевизма вооруженным путем. Эти взгляды нашли свое проявление в деятельности эмигрантов в годы Второй мировой войны.

Тогда общественная деятельность Акулинина ограничивалась лишь работой в Казачьем совете во Франции. Из сохранившихся документов очевидна ориентация на гитлеровскую Германию. генерала Впрочем, дальше заявлений в силу возраста и состояния здоровья он не шел. Прогерманская ориентация была широко распространена в эмигрантских военных кругах, в особенности среди лидеров казачьего зарубежья и не исключала традиционного для белых стремления к борьбе за сильную единую Россию. Подобная близорукость привела к печальным последствиям для многих эмигрантов. В долгосрочной перспективе оказалась дискредитирована вся русская военная эмиграция.

Акулинин был сыном своей эпохи, одной из жертв излома российской истории, сложной и неоднозначной личностью, и в силу этих обстоятельств его действия надлежит оценивать в контексте тех вызовов времени, с которыми столкнулось все российское общество в XX веке.

Приложение

Библиография трудов И.Г. Акулинина

- 1. Очерки прилинейной жизни оренбургских казаков // Оренбургский казачий вестник. Оренбург. 1917. № 10. 21.07. С. 2.
- Расквартирование оренбургских полков // Оренбургский казачий вестник. 1917.
 № 11. 23.07. С. 4.
- 3. Войсковой клад // Оренбургский казачий вестник. 1917. № 13. 28.07. С. 3.
- 4. Общеказацкая организация // Руль. Берлин. 1922. № 616. 07.12. С. 2.
- 5. Оренбургские казаки на Дальнем Востоке // Казачьи Думы. София. 1923. № 7. С. 13–14.
- Донская станица в Берлине // Казачьи Думы. 1923. № 16. (Подп. И.А.).
- 7. Обращение к оренбургским казакам // Русский голос. Харбин. 1923. № 882. С. 4.

- 8. Оренбургское казачье войско в борьбе с большевиками (Оренбургский фронт с конца 1917 года до конца 1919 года) // Казачьи Думы. 1924. № 21 (5). С. 2–9; № 22 (6). С. 6–14; № 23 (7). С. 22–30; № 24 (8). С. 7–15; № 25 (9). С. 3–14.
- 9. Уральское казачье войско в борьбе с большевиками // Белое Дело. Кн. II. Берлин, 1927. С. 122–147.
- 10. Отряд Гущина // Возрождение. 1927. 04.07. C. 2.
- 11. Казачество: мысли современников о прошлом, настоящем и будущем казачества: Статья в сб. // Издание казачьего союза. Париж, 1928. С. 73–79.
- 12. Ген. Каппель // Часовой. Париж. 1929. № 1–2. С. 11.
- 13. Четыре атамана // Часовой. 1929. № 3–4. С. 4–6.
- 14. Оренбургский атаман ген. Дутов // Часовой. 1929. № 3–4. С. б. (Подп. И. А-н).
- 15. Гибель адмирала Колчака // Часовой. 1929. № 3-4. С. 7.
- 16. В Оренбургском войске // Родимый Край (Ежемесячный казачий журнал). Париж, 1929. № 7. С. 22–25.
- 17. В Оренбургских станицах // Родимый Край. Париж, 1929. № 9. С. 35–36. (Псевд. Степняк). Авторство этой работы установлено предположительно, исходя из того, что в русской эмиграции в Европе И.Г. Акулинин был, по сути, единственным автором работ по истории оренбургского казачества.
- 18. Подонская епархия // Казачий журнал. Париж, 1929. № 7. Ноябрь. С. 2–3.
- 19. Воздушные пути сообщения // Казачий журнал. 1929. № 8. Декабрь. С. 23–24.
- 20. Колчак и атаман Дутов // Возрождение. Париж, 1930. № 1711. 07.02. С. 2.
- 21. Оренбургское войско в борьбе с большевиками (Памяти Атамана Дутова) // Родимый Край. 1930. № 2 (12). С. 26–27.
- 22. На казачьих подводах // Казачий сборник. Издание казачьего союза. Париж, 1930. С. 80–90. Датировано автором Париж, июль 1930.
- 23. Казаки на могиле неизвестного солдата // Часовой. 1930. № 39. 15.09. С. 28.
- 24. Оренбургское казачье войско в борьбе с большевиками (Памяти Атамана Дутова) // Родимый Край. 1930. № 2 (12). С. 26–27.

- 25. Казаки в Перу // Родимый Край. 1930. № 10. С. 26–30; № 11. С. 18–22.
- 26. Казаки и октябрьский переворот // Родимый Край. 1930. № 11. С. 13–18.
- 27. Обращение к оренбургским казакам // Часовой. 1930. № 42. 03.10. С. 19.
- 28. К казакам оренбуржцам // Часовой. 1931. № 47. 15.01. С. 33.
- 29. Набат атамана Дутова // Родимый Край. 1931. № 2. С. 11–14.
- 30. У казаков на Дальнем Востоке // Родимый Край. 1931. № 6. С. 23–25; № 7. С. 29–30. (Псевд. Казачий писарь). Авторство этой работы также установлено предположительно по уже озвученным основаниям.
- 31. Войсковой праздник Оренбургского казачьего войска // Часовой. 1932. № 83. 01.07. С. 19. (Псевд. Оренбурец).
- 32. Ермак и Строгановы. Историческое исследование по сибирским летописям и царским грамотам. К 350-летию завоевания Сибири (1582–1932). Париж, 1933. 64 с.
- 33. Конный бой под Вафангоу 17/30 мая 1904 года // Сибирский казак. Войсковой юбилейный сборник Сибирского казачьего войска. 1582—1932 / под ред. Е.П. Березовского. Вып. 1. Наше прошлое до Великой войны 1914 года. Харбин, 1934. С. 88—91. Датировано автором Париж, 01.03.1933.
- 34. На разведке под Вафандяном 31 мая (13 июня) 1904 года // Сибирский казак. Войсковой юбилейный сборник Сибирского казачьего войска. 1582—1932 / под ред. Е.П. Березовского. Вып. 1. Наше прошлое до Великой войны 1914 года. Харбин, 1934. С. 113—116. Датировано автором Париж, 01.03.1933.
- 35. Атаман А.И. Дутов // Оренбургский казак. Однодневная газета, издающаяся кружком ревнителей истории Оренбургского казачьего войска в день Св. Великомученика и Победоносца Георгия войскового праздника оренбургских казаков. Харбин. 1933. № 4. 06.05. С. 3. Датировано автором Париж, апрель 1933 г.
- 36. Восточный казачий союз // Казак. Париж. 1933. № 2. Май июнь. С. 9–10.
- 37. На казачьем фронте во Франции. Письмо генерала Акулинина // Россия и казачество. Харбин. 1933. Октябрь. С. 8–9.
- 38. Из письма И.Г. Акулинина на имя Е.П. Березовского // Россия и казачество.

- Журнал Восточного казачьего союза. Харбин. 1935. № 9. С. 32.
- 39. Общеказачий праздник // Иллюстрированная Россия. Париж. 1935. № 42 (544). С. 10.
- 40. Атаман А. Дутов. К пятнадцатилетию смерти // Иллюстрированная Россия. 1936. № 8 (562). 15.02. С. 5.
- 41. Оренбургское казачье войско в борьбе с большевиками. 1917–1920. Шанхай: Издво «Слово», 1937. 212 с.
- 42. Что вспомнилось // Оренбургский казак. Харбин, 1937. С. 7–16.
- 43. Г.А. Садчиков // Оренбургский казак. Харбин, 1937. С. 50.
- 44. Из боевого опыта // Часовой. 1937. № 184. 05.02. С. 5–8.
- 45. Марина Козолупова // Атаманский вестник. Орган донского атамана. Париж. 1937. № 6. Май. С. 20. (Подп. И. А-н).
- 46. По поводу «Истории Пугачевского бунта» // Атаманский вестник. 1937. № 6. Май. С. 25; № 7. Июнь июль. С. 16–18.
- 47. Месть за Атамана Дутова // Атаманский вестник. 1937. № 7. Июнь июль. С. 11. (Псевд. Оренбурец).
- 48. Храм-памятник на могилах русских воинов во Франции // Атаманский вестник. 1937. № 7. Июнь июль. С. 23–26.
- 49. Справка по истории Оренбургского казачьего войска // Луч Азии. Харбин. 1937. № 34/6. С. 12–14. Датировано автором Париж, 1937. 25.05. Аналогичный рукописный текст Акулинина датирован 30 августа 1934 г. (BDIC. Recueil. Associations des Cosaques en France. F Δ rés 891 (11)).
- 50. Очередная задача // Атаманский вестник. 1937. № 8. Август сентябрь. С. 10–11.
- 51. По поводу «Капитанской Дочки» // Атаманский вестник. 1937. № 8. Август сентябрь. С. 25–28.
- 52. Казачество в борьбе с большевиками // Атаманский вестник. 1937. № 9. Декабрь. С. 6–8.
- 53. Выставка 1812 года в Париже // Луч Азии. 1938. Февраль. № 42–2. С. 51. Датировано автором Париж, 1938. 15.01.
- 54. Вступление русских войск в Париж в 1814 году (Из славного прошлого) // Луч Азии. 1938. Март. № 43–3. С. 39–40. Датировано автором Париж, 1938. 10.02.

- 55. На казачьих подводах // Зов казака. Издание штаба Союза Казаков на Дальнем Востоке. Харбин, 1938. С. 18–21.
- 56. Конная атака у д. Драганы // Оренбургский казак. Харбин, 1938. С. 10–18. Датировано автором Париж, 1938. 23.04.
- 57. [Рец.:] А.В. Зуев. В борьбе за Родину (Оренбургские казаки в борьбе с большевизмом). 1918–1922 гг. Очерки. Харбин, 1937 г. (132 стр.) // Атаманский вестник. 1938. № 10. Апрель. С. 17. (Псевд. Оренбурец).
- 58. [Рец.:] Зуев А.В. В борьбе за Родину. (Оренбургские казаки в борьбе с большевизмом) 1918–1922 гг. Очерки. Харбин, 1937 г. // Часовой. 1938. № 212. 15.05. С. 20. (Псевд. Оренбурец).
- 59. [Рец.:] «Оренбургский казак». Сборник, посвященный дню Войскового праздника Оренбургского Казачьего Войска. г. Харбин. 1938 г. // Часовой. 1938. № 216. 15.07. С. 16. (Псевд. Оренбурец).
- 60. Войсковой праздник в Австралии Уральского казачьего войска // Атаманский вестник. 1938. № 11. Август. С. 28–29. (Псевд. А.).
- 61. 3-я Донская казачья дивизия в боях под Суходолами и у ст. Травники, 1–3 сентября (19–21 августа): Воспоминания участника // Часовой. 1938. № 219. 15.09. С. 5–6; № 220. 01.10. С. 7; № 221. 15.10. С. 8–10; № 222/223. 01.11. С. 13–15; № 224/225. 01.12. С. 4–5.
- 62. [Рец.:] «Казачий клич» и «Зов казака». Издание штаба Союза казаков на Д/Востоке. Харбин. Маньчжу-Ди-Го (58 с. и 59 с.) // Часовой. 1938. № 222–223. 01.11. С. 22. (Псевд. Оренбурец).
- 63. Вниманию казаков // Часовой. 1939. № 228–229. 01.02. С. 15. (Без указания авторства).
- 64. Российская империя и Казаки // Часовой. 1939. № 228–229. 01.02. С. 15–16.
- 65. Казаки в гражданской войне, и в эмиграции // Часовой. 1939. № 231. 10.03. С. 11–12.
- 66. Донской казачий съезд в Париже // Часовой. 1939. № 231. 10.03. С. 12. (Без указания авторства).
- 67. Войсковые праздники // Часовой. 1939. № 234. 01.05. С. 12. (Без указания авторства).

- 68. Войсковой праздник // Часовой. 1939. № 235. 15.05. С. 11.
- 69. В поезде: Картины прошлого (продолжение) // Луч Азии. 1939. № 57–5. Май. С. 31–35; № 60–8. Август. С. 13–15.
- 70. Казачество в Великой войне (1914–1917 гг.) // Часовой. 1939. № 240–241. 01.08. С. 25–27.
- 71. К казакам // Часовой. 1939. № 240–241. 01.08. С. 27–28. (Без указания авторства).
- 72. Казаки в гражданской войне // Казачий альманах. Париж. 1939. С. 110–122.
- 73. Суворов и казаки // Луч Азии. 1940. № 67–3. Март. С. 19–23.
- 74. К войсковым праздникам // Часовой. 1940. № 253. 01.12. С. 11.
- 75. Ген[ерал]-лейт[енант] Г.П. Жуков // Часовой. 1940. № 253. 01.12. С. 13. (Подп. И.А.).

- 76. Российские просторы и казаки // Часовой. 1941. № 256. 20.01. С. 15–16.
- 77. Япония и Китай // Часовой. 1941. № 257. 05.02. С. 3–4.
- 78. К сведению казаков // Часовой. 1941. № 257. 05.02. С. 16.
- 79. Две психологии (Японская и Китайская) // Часовой. 1941. № 262. 10.05. С. 13.
- 80. Казачество в Великой войне (1914—1917 гг.) // Вестник казачьей выставки в Харбине. Харбин, 1943. С. 63–70. (Перепечатка из журнала «Часовой»).
- 81. Поездка Пушкина в Оренбург и Уральск // Луч Азии. 1943. № 106–6. Июнь. С. 14–20.

Статья поступила 01.06.2015 г.

Библиографический список

- 1. А.С. Казаки на могиле Неизвестного Солдата // Шанхайская заря. Шанхай. 1930. № 1491. 27.09.
- 2. Акулинин И.Г. В Оренбургском войске // Родимый край. Ежемесячный казачий журнал. Париж, 1929. № 7.
- 3. Акулинин И.Г. Вниманию казаков // Часовой. 1939. № 228–229. 01.02.
- 4. Акулинин И.Г. Ермак и Строгановы. Историческое исследование по сибирским летописям и царским грамотам. К 350-летию завоевания Сибири (1582–1932). Париж, 1933.
- 5. Акулинин И. Казаки в Гражданской войне и в эмиграции // Часовой. 1939. № 231. 10.03.
- 6. Акулинин И.Г. Казаки на могиле неизвестного солдата // Часовой. 1930. № 39. 15.09.
- 7. Акулинин И.Г. Казачество в борьбе с большевиками // Атаманский вестник. 1937. № 9. Декабрь.
- 8. Акулинин И. Казачество в Великой войне (1914–17 гг.) // Часовой. 1939. № 240–241. 01.08.
- 9. Акулинин И.Г. Оренбургское казачье войско в борьбе с большевиками. 1917–1920. Шанхай, 1937.
- 10. Акулинин И.[Г.] Очередная задача // Атаманский вестник. 1937. № 8. Август сентябрь.

- 11. Акулинин И. Поездка Пушкина в Оренбург и Уральск. История Пугачевского бунта Капитанская дочка / /Луч Азии. Харбин. 1943. № 106/6.
- 12. Акулинин И.Г. Российские просторы и казаки // Часовой. 1941. № 256. 20.01.
- 13. Акулинин И.Г. Справка по истории Оренбургского казачьего войска // Луч Азии. 1937. № 34/6.
- 14. Акулинин И.Г. Уральское казачье войско в борьбе с большевиками // Белое дело. Кн. 2. Берлин, 1927.
- 15. Архив Гуверовского института (Hoover Institution Archives. Stanford University, HIA). Denisov collection. Box 3. Folder 11.
- 16. HIA. P.A. Koussonsky collection. Box. 12. Folder 49.
- 17. Атаманский вестник. Орган донского атамана. 1937. № 6. Май.
- 18. Библиотека современной международной документации (Нантер, Франция). Bibliothèque de Documentation Internationale Contemporaine (BDIC). Recueil. Associations des Cosaques en France. F Δ rés 891 (10).
- 19. BDIC. Recueil. Associations des Cosaques en France. F Δ rés 891 (11).
- 20. Билый И. Трагедия оренбургского войска. Книга ген. И.Г. Акулинина «Оренбургское казачье войско в борьбе с большевиками» (вместо рецензии) // Вольное казачество. Париж. 1937. № 232. 10.11.

- 21. В. Оренбургское казачье войско в борьбе с большевиками И.Г. Акулинина (1917–1920). Изд. «Слово». Шанхай. 1937 г. // Часовой. 1937. № 198. 20.10.
- 22. Волкова М.В. Не растет ковыль на чужбине!.. Ростов-на-Дону, 2001.
- 23. Гос. архив Российской федерации (ГА РФ). Ф. Р-5761. Оп. 1. Д. 5.
- 24. ГА РФ. Ф. Р-5761. Оп. 1. Д. 16.
- 25. ГА РФ. Ф. Р-5796. Оп. 1. Д. 7.
- 26. ГА РФ. Ф. Р-5826. Оп. 1. Д. 4.
- 27. ГА РФ. Ф. Р-5826. Оп. 1. Д. 31.
- 28. ГА РФ. Ф. Р-5826. Оп. 1. Д. 94.
- 29. ГА РФ. Ф. Р-5826. Оп. 1. Д. 135.
- 30. ГА РФ. Ф. Р-5826. Оп. 1. Д. 141.
- 31. ГА РФ. Ф. Р-5845. Оп. 1. Д. 2.
- 32. ГА РФ. Ф. Р-5872. Оп. 1. Д. 214.
- 33. ГА РФ. Ф. Р-5873. Оп. 1. Д. 8.
- 34. ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 162.
- 35. ГА РФ. Ф. Р-5942. Оп. 1. Д. 47.
- 36. ГА РФ. Ф. Р-5942. Оп. 1. Д. 77.
- 37. ГА РФ. Ф. Р-5942. Оп. 2. Д. 3.
- 38. ГА РФ. Ф. Р-5945. Оп. 1. Д. 11.
- 39. ГА РФ. Ф. Р-5963. Оп. 1. Д. 19.
- 40. ГА РФ. Ф. Р-5963. Оп. 1. Д. 24.
- 41. ГА РФ. Ф. Р-5963. Оп. 1. Д. 25.
- 42. ГА РФ. Ф. Р-5968. Оп. 1. Д. 121.
- 43. ГА РФ. Ф. Р-6461. Оп. 1. Д. 125.
- 44. ГА РФ. Ф. Р-6461. Оп. 1. Д. 143.
- 45. ГА РФ. Ф. Р-6461. Оп. 2. Д. 18.
- 46. ГА РФ. Ф. Р-6461. Оп. 2. Д. 34.
- 47. ГА РФ. Ф. Р-6461. Оп. 2. Д. 35.
- 48. ГА РФ. Ф. Р-6679. Оп. 1. Д. 35.
- 49. ГА РФ. Ф. Р-6679. Оп. 1. Д. 115.
- 50. ГА РФ. Ф. Р-6679. Оп. 1. Д. 116.
- 51. ГА РФ. Ф. Р-7035. Оп. 1. Д. 3.
- 52. Грезин И. Inventaire nominatif des sépultures russes du cimetière de Ste-Geneviève-des Bois = Алфавитный список русских захоронений на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа. Париж, 1995.
- 53. Елисеев Ф.И. На коне по Белу Свету // Джигитовка казаков по Белу Свету. М., 2006.
- 54. Енборисов Г.В. От Урала до Харбина. Памятка о пережитом. Шанхай, 1932.
- 55. Из письма И.Г. Акулинина на имя Е.П. Березовского // Россия и казачество (Харбин). Журнал Восточного казачьего союза. 1935. № 9.

- 56. Историческая наука российской эмиграции 20–30-х гг. XX века (Хроника) / сост. С.А. Александров. М., 1998.
- 57. Казак (Париж). 1933. № 1.
- 58. Казачество: Мысли современников о прошлом, настоящем и будущем казачества. Париж, 1928.
- 59. Казачий словарь-справочник. Т. 3. Сан Ансельмо, 1969.
- 60. Ковалевский П.Е. Зарубежная Россия. Париж, 1971.
- 61. Криштафович Б. «Оренбургское казачье войско в борьбе с большев[ика]ми в 1917—20 гг.» (Новая книга ген. И.Г. Акулинина) // Атаманский вестник. 1937. № 9. Декабрь.
- 62. Музей русской культуры в Сан-Франциско. Коллекция А.Н. Вагина. Вох 6.
- 63. Письмо А.Б. Арсеньева автору от 17 апреля 2000 г. // Архив автора.
- 64. Российская эмиграция в Турции, Юго-Восточной и Центральной Европе 20-х годов (гражданские беженцы, армия, учебные заведения): учеб. пособие. М., 1994.
- 65. Российский Зарубежный Съезд. 1926. Париж: Док. и мат. М., 2006.
- 66. Российский Зарубежный Съезд в Париже 4—11 апреля 1926 г. Париж, 1926. Журналы заседаний (раздельная пагинация).
- 67. Российский гос. Военный архив. Ф. 730 (К). Оп. 1. Д. 5.
- 68. Российское зарубежье во Франции, 1919–2000. Биографический словарь. М., 2008. Т. 1. А-К.
- 69. Руль (Берлин). 1922. 7.12 (24.11). № 616. 70. Русские во Франции / под ред. В.Ф. Зеелера. Париж, 1937.
- 71. Серков А.И. Русское масонство 1731–2000: Энциклопедический словарь. М., 2001.
- 72. Скачков П. Восточно-казачий союз // Казачьи Думы. 1923. № 16. 30 декабря.
- 73. «Устроиться всем казакам в пределах Китая не представляется возможным...» Письмо и памятная записка об оренбургских казаках генерал-майора И.Г. Акулинина / Публ. А.В. Ганина // Источник. Документы русской истории. 2002. № 1.
- 74. Хохульников К.Н. Генерал, исследователь, публицист // Станица (Москва). 1999. № 1.
- 75. Худобородов А.Л. Политические настроения и организации казаков-

- эмигрантов (1920-е начало 1930-х гг.) // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 1996. № 1 (2).
- 76. Худобородов А.Л. Общественная и политическая деятельность оренбургских казаков в эмиграции (1920 сер.1940-х гг.) //
- Оренбургское казачье войско: воинская служба и общественная жизнь. Челябинск, 1997.
- 77. Часовой. 1936. № 169-170. 01.06. С. 32.
- 78. Часовой. 1939. № 228-229. 01.02. С. 3.
- 79. Часовой. 1948. № 278. Октябрь. С. 21.

References

- 1. A.S. Kazaki na mogile Neizvestnogo Soldata [Cossacks at the grave of the Unknown Soldier], Shankhai, *Shankhaiskaya zarya*, 1930, No. 1491, 27.09.
- 2. Akulinin I.G. V Orenburgskom voiske [In Orenburg host], Paris, *Rodimyi krai*, 1929, No. 7.
- 3. Akulinin I.G. Vnimaniyu kazakov [To the Cossack attention], *Chasovoi*, 1939, No. 228–229, 01.02.
- 4. Akulinin I.G. *Ermak i Stroganovy. Istoricheskoe issledovanie po sibirskim letopisyam i tsarskim gramotam. K 350-letiyu zavoevaniya Sibiri (1582–1932)* [Ermak and Stroganoffs. Historical research based on Siberian chronicles and Tsar letters], Paris, 1933.
- 5. Akulinin I. Kazaki v Grazhdanskoi voine i v emigratsii [Cossacks in Civil War and emigration], *Chasovoi*, 1939, No. 231, 10.03.
- 6. Akulinin I.G. Kazaki na mogile neizvestnogo soldata [Cossacks at the grave of the Unknown Soldier], *Chasovoi*, 1930, No. 39, 15.09.
- 7. Akulinin I.G. Kazachestvo v bor'be s bol'shevikami [Cossacks in the struggle against Bolsheviks], *Atamanskii vestnik*, 1937, No. 9, december.
- 8. Akulinin I. Kazachestvo v Velikoi voine (1914–17 gg.) [Cossacks in the Great War (1914–17], *Chasovoi*, 1939, No. 240–241, 01.08.
- 9. Akulinin I.G. *Orenburgskoe kazach'e voisko v bor'be s bol'shevikami. 1917–1920* [Orenburg Cossack host in the struggle against Bolsheviks. 1917–1920], Shankhai, 1937.
- 10. Akulinin I.[G.] Ocherednaya zadacha [The next task], *Atamanskii vestnik*, 1937, No. 8, august september.
- 11. Akulinin I. Poezdka Pushkina v Orenburg i Ural'sk. Istoriya Pugachevskogo bunta Kapitanskaya dochka [Pushkin trip to Orenburg and Ural'sk. History of Pugachev

- rebellion Captain's daughter], *Luch Azii*, Kharbin,1943, No. 106/6.
- 12. Akulinin I.G. Rossiiskie prostory i kazaki [Russian open spaces and Cossacks], *Chasovoi*, 1941, No. 256, 20.01.
- 13. Akulinin I.G. Spravka po istorii Orenburgskogo kazach'ego voiska [Information on the history of Orenburg Cossack host), *Luch Azii*, 1937, No. 34/6.
- 14. Akulinin I.G. Ural'skoe kazach'e voisko v bor'be s bol'shevikami [Ural Cossack host in the struggle against Bolsheviks], Berlin, *Beloe delo*, 1927, vol. 2.
- 15. Arkhiv Guverovskogo instituta [Hoover Institution Archives. Stanford University, HIA], *Denisov collection*. Box 3. Folder 11.
- 16. HIA. P.A. Koussonsky collection. Box 12. Folder 49.
- 17. Atamanskii vestnik. Organ donskogo atamana, 1937, No. 6, may.
- 18. Biblioteka sovremennoi mezhdunarodnoi dokumentatsii (Nanter, France). Bibliothèque de Documentation Internationale Contemporaine (BDIC). Recueil. Associations des Cosaques en France. F Δ rés 891 (10).
- 19. BDIC. Recueil. Associations des Cosaques en France. F Δ rés 891 (11).
- 20. Bilyi I. Tragediya orenburgskogo voiska. Kniga gen. I.G. Akulinina «Orenburgskoe kazach'e voisko v bor'be s bol'shevikami» (vmesto retsenzii) [Tragedy of Orenburg . Book of gen. I.G. Akulinin "Orenburg Cossack host in the struggle against Bolsheviks" (instead of review)], *Vol'noe kazachestvo*, Paris, 1937, No. 232, 10.11.
- 21. V. Orenburgskoe kazach'e voisko v bor'be s bol'shevikami I.G. Akulinina (1917–1920). Izd. «Slovo». Shankhai. 1937 g. [V. Orenburg Cossack host in the struggle against bolsheviks by I.G. Akulinin (1917–1920)], *Chasovoi*, 1937, No. 198, 20.10.

125

- 22. Volkova M.V. *Ne rastet kovyl' na chuzhbine!*.. [Feather grass does not grow in a foreign land!..], Rostov-on-Don, 2001.
- 23. GA RF [State Archive of the Russian Federation]. F. R-5761. Op. 1. D. 5.
- 24. GA RF [State Archive of the Russian Federation]. F. R-5761. Op. 1. D. 16.
- 25. GA RF [State Archive of the Russian Federation]. F. R-5796. Op. 1. D. 7.
- 26. GA RF [State Archive of the Russian Federation]. F. R-5826. Op. 1. D. 4.
- 27. GA RF [State Archive of the Russian Federation]. F. R-5826. Op. 1. D. 31.
- 28. GA RF [State Archive of the Russian Federation]. F. R-5826. Op. 1. D. 94.
- 29. GA RF [State Archive of the Russian Federation]. F. R-5826. Op. 1. D. 135.
- 30. GA RF [State Archive of the Russian Federation]. F. R-5826. Op. 1. D. 141.
- 31. GA RF [State Archive of the Russian Federation]. F. R-5845. Op. 1. D. 2.
- 32. GA RF [State Archive of the Russian Federation]. F. R-5872. Op. 1. D. 214.
- 33. GA RF [State Archive of the Russian Federation]. F. R-5873. Op. 1. D. 8.
- 34. GA RF [State Archive of the Russian Federation]. F. R-5881. Op. 2. D. 162.
- 35. GA RF [State Archive of the Russian Federation]. F. R-5942. Op. 1. D. 47.
- 36. GA RF [State Archive of the Russian Federation]. F. R-5942. Op. 1. D. 77.
- 37. GA RF [State Archive of the Russian Federation]. F. R-5942. Op. 2. D. 3.
- 38. GA RF [State Archive of the Russian Federation]. F. R-5945. Op. 1. D. 11.
- 39. GA RF [State Archive of the Russian Federation]. F. R-5963. Op. 1. D. 19.
- 40. GA RF [State Archive of the Russian Federation]. F. R-5963. Op. 1. D. 24.
- 41. GA RF [State Archive of the Russian Federation]. F. R-5963. Op. 1. D. 25.
- 42. GA RF [State Archive of the Russian Federation]. F. R-5968. Op. 1. D. 121.
- 43. GA RF [State Archive of the Russian Federation]. F. R-6461. Op. 1. D. 125.
- 44. GA RF [State Archive of the Russian Federation]. F. R-6461. Op. 1. D. 143.
- 45. GA RF [State Archive of the Russian Federation]. F. R-6461. Op. 2. D. 18.
- 46. GA RF [State Archive of the Russian Federation]. F. R-6461. Op. 2. D. 34.

- 47. GA RF [State Archive of the Russian Federation]. F. R-6461. Op. 2. D. 35.
- 48. GA RF [State Archive of the Russian Federation]. F. R-6679. Op. 1. D. 35.
- 49. GA RF [State Archive of the Russian Federation]. F. R-6679. Op. 1. D. 115.
- 50. GA RF [State Archive of the Russian Federation]. F. R-6679. Op. 1. D. 116.
- 51. GA RF [State Archive of the Russian Federation]. F. R-7035. Op. 1. D. 3.
- 52. Grezin I. Inventaire nominatif des sépultures russes du cimetière de Ste-Geneviève-des Bois = Alfavitnyi spisok russkikh zakhoronenii na kladbishche Sent-Zhenev'ev-de-Bua, Paris, 1995.
- 53. Eliseev F.I. Na kone po Belu Svetu [On a horse throw the world], *Dzhigitovka kazakov po Belu Svetu*, Moscow, 2006.
- 54. Enborisov G.V. *Ot Urala do Kharbina. Pamyatka o perezhitom* [From Ural to Kharbin. A reminder of the experience], Shanghai, 1932.
- 55. Iz pis'ma I.G. Akulinina na imya E.P. Berezovskogo [From the letter of I.G. Akulinin to E.P. Berezovsky], *Rossiya i kazachestvo, zhurnal Vostochnogo kazach'ego soyuza*, Harbin, 1935, No. 9.
- 56. Aleksandrov S.A. *Istoricheskaya nauka rossiiskoi emigratsii 20–30-kh gg. XX veka (Khronika)* [History science in Russian immigration in 1920–1930 (Chronicle)], Moscow, 1998.
- 57. Kazak, Paris, 1933, No. 1.
- 58. Kazachestvo: Mysli sovremennikov o proshlom, nastoyashchem i budushchem kazachestva [Cossacks: Contemporaries thoughts about the past, present and future of Cossacks] Paris, 1928.
- 59. Kazachii slovar'-spravochnik, vol. 3, San Ansel'mo, 1969.
- 60. Kovalevskii P.E. *Zarubezhnaya Rossiya* [Foreign Russian], Paris, 1971.
- 61. Krishtafovich B. «Orenburgskoe kazach'e voisko v bor'be s bol'shev[ika]mi v 1917–20 gg.» (Novaya kniga gen. I.G. Akulinina) [Orenburg Cossack host in the struggle against Bolsheviks in 1917–20 (New book of gen. I.G. Akulinin)], *Atamanskii vestnik*, 1937, No. 9, December.
- 62. Muzei russkoi kul'tury v San-Frantsisko. Kollektsiya A.N. Vagina [Museum of Russian

- Culture in San-Francisco. Collection of A.N. Vagin], Box 6.
- 63. Pis'mo A.B. Arsen'eva avtoru ot 17 aprelya 2000 g. Arkhiv avtora [A.V. Arsenyev letter to the author, April, 17, 2000. Author's archive]. 64. Rossiiskaya emigratsiya v Turtsii, Yugo-Vostochnoi i Tsentral'noi Evrope 20-kh godov (grazhdanskie bezhentsy, armiya, uchebnye zavedeniya) [Russian emigration in Turkey, South-Eastern and Central Europe in 1920s (civilian refugees, military and educational institutions)], Moscow, 1994.
- 65. Rossiiskii Zarubezhnyi S"ezd. 1926. Paris: Dok. i mat. [Foreign Russian Congress. 1926. Paris: Documents and data], Moscow, 2006.
- 66. Rossiiskii Zarubezhnyi S"ezd v Parizhe 4–11 aprelya 1926 g. [Foreign Russian Congress in Paris, April, 4–11, 1926), Paris, 1926. Zhurnaly zasedanii (razdel'naya paginatsiya]. 67. Rossiiskii gos. Voennyi arkhiv [Russian State Millitary Archive]. F. 730 (K). Op. 1.
- 68. Rossiiskoe zarubezh'e vo Frantsii, 1919–2000: Biograficheskii slovar' [Russian emigration in France, 1919–2000: Biographical dictionary], Moscow, 2008, vol. 1. A-K.

D. 5.

- 69. Rul', Berlin. 1922, No. 616, 7 december.
- 70. Zeeler V.F. *Russkie vo Frantsii* [Russians in France], Paris, 1937.
- 71. Serkov A.I. *Russkoe masonstvo 1731–2000* [Russian Masonry], Entsiklopedicheskii slovar', Moscow, 2001.

- 72. Skachkov P. Vostochno-kazachii soyuz [Eastern Cossacks Union], *Kazach'i Dumy*, 1923, No. 16, 30 december.
- 73. «Ustroit'sya vsem kazakam v predelakh Kitaya ne predstavlyaetsya vozmozhnym...» Pis'mo i pamyatnaya zapiska ob orenburgskikh kazakakh general-maiora I.G. Akulinina ["Get all the Cossacks within China is not feasible..." Letter and memo about Orenburg Cossacks written by general-major I.G. Akulin] Publ. A.V. Ganina, Istochnik. Dokumenty russkoi istorii. 2002. No.1.
- 74. Khokhul'nikov K.N. General, issledovatel', publitsist [General, researcher and publicist], *Stanitsa*, Moscow, 1999, No. 1.
- 75. Khudoborodov A.L. Politicheskie nastroeniya i organizatsii kazakov-emigrantov (1920-e nachalo 1930-kh gg.) [Political mood and Cossack-emigrants organizations (1920s–early1930s], Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta, 1996, No. 1 (2).
- 76. Khudoborodov A.L. Obshchestvennaya i politicheskaya deyatel'nost' orenburgskikh kazakov v emigratsii (1920 ser.1940-kh gg.) [Social and political activity of Orenburg Cossacks in immigration (1920–middle 1940s], Orenburgskoe kazach'e voisko: voinskaya sluzhba i obshchestvennaya zhizn', Chelyabinsk, 1997.
- 77. *Chasovoi*, 1936, No. 169–170, 01.06, p. 32.
- 78. *Chasovoi*, 1939, No. 228–229, 01.02, p. 3. 79. *Chasovoi*, 1948, No. 278, october, p. 21.

Сведения об авторе

Ганин Андрей Владиславович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН, редактор журнала «Родина» (Москва), 119991, Россия, г. Москва, Ленинский проспект, д. 32-А, тел.: +7 (495) 938-17-80, e-mail: andrey ganin@mail.ru

Ganin Andrei Vladislavovich, Doctor Hab., Leading Research Fellow of the Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Editor of the journal «Rodina» (Moscow), 119991, Russia, Moscow, Leninskii prospect, 32-A, tel.: +7 (495) 938-17-80, e-mail: andrey_ganin@mail.ru

УДК 9(510) (=82)

КАЗАЧИЙ СОЮЗ В ШАНХАЕ: СОХРАНЕНИЕ ДУХОВНОСТИ И КУЛЬТУРЫ В ЭМИГРАЦИИ

© И.В. Чапыгин

В Китае в первой половине XX века сложилась одна из крупных и активных за рубежом российских диаспор. Это было следствием крушения российской империи в революциях и гражданской войне и массовым исходом с ее территории представителей проигравшей белой стороны (военных, казаков и гражданского населения). В стране с ярко выраженными социо-культурными особенностями, каковой являлся Китай, после первого периода адаптации и даже ранее, перед эмигрантами из России остро встали проблемы сохранения духовности, культуры, сохранения себя русскими.

Ключевые слова: Китай, Шанхай, казачество, эмиграция, культура, православие.

COSSACK UNION IN SHANKHAI: PRESERVATION OF SPIRITUALITY AND CULTURE IN EMIGRATION

© I.V. Chapygin

In China in the first half of the XX century there was one of the largest and most active Russian diaspora. This was a consequence of the collapse of the Russian Empire in the Revolution and Civil War and mass exodus from its territory by Representatives of the defeated White Side (the military, the Cossacks and civilians). In China as a country with strong social and cultural features, after the initial period of adaptation, and even earlier, the emigrants from Russia had received a problem of conservation of spirituality, culture, and Russian ethnicity.

Key words: China, Shankhai, Cossacks, emigration, culture, orthodoxy.

Казаки после революции и гражданской войны в России вместе с проигравшей в них белой стороной в составе ее войск и индивидуально с семьями или без них оказались также за границей, в эмиграции. Российская казачья эмиграция в первой половине 1920-х гг. заселила не только европейские страны (Болгарию, Францию, Югославию, Чехословакию), но была представлена и дальневосточной ветвью в Китае: Маньчжурии (большей частью), Северном Китае (Тяньцзинь и Синьцзян) и Шанхае. Сложность исследования казачества в Шанхае объясняется тем, что в России, кроме документов фонда Казачьего Союза в Шанхае, отложившегося в Государственном архиве Российской Федерации, мы больше не располагаем документами о жизнедеятельности казаков в этом регионе Китая [1].

Из всего пестрого состава европейской и дальневосточной эмиграции, численность

которого в середине-конце 1921 г. определяется цифрой от 1 млн 850 тыс. до 2 млн чел. [2, с. 249], казачество в этот период, при относительно небольшой численности в эмиграции (порядка 80–100 тыс. чел.), по данным основных исследователей темы [4, с. 69–70; 6, с. 415], выгодно отличалось от «общерусской людской пыли»[5, с. 2] вза-имной поддержкой, воинской организацией, станичным укладом жизни.

Казачество дальневосточной эмиграции имело свою историческую, географическую, экономическую, военно-политическую и культурную специфику. Здесь, главным образом на территории Китая, создавались и действовали казачьи станицы и союзы, промышленно-торговые и военные организации, благотворительные и молодежные объединения. Казачья семья, взаимная поддержка, стойкость и способность трудиться помогли преодолеть тяжелейшие условия трудного периода адапта-

ции и не только приобрести экономическое благополучие, но и сохранить традиции, обычаи, культуру казачества.

Основными очагами российской казачьей эмиграции в Китае стали Маньчжурия и Шанхай. Именно там разместились основные массы бывших российских подданных, многие из которых были казаками. Так, выбор Маньчжурии (Северо-Восток Китая) был подготовлен исторически и географически: задолго до революционных событий в России здесь уже складывалась русская диаспора, этот регион Китая лежал на пути отступающих белых армий и был недалеко от России, куда эмигранты вскоре планировали вернуться. В Шанхай же центр русской эмиграции в Китае стал перемещаться по причине японской оккупации Маньчжурии и продажи КВЖД «независимой суверенной Маньчжурской империи». Отметим также, что порт Шанхай всегда был «перевалочной базой» постоянно мигрировавших в страны Азиатско-Тихоокеанского региона русских беженцев. Именно в Маньчжурии и Шанхае были ведущие казачьи союзы, станицы и войсковые объединения, оказывающие влияние на деятельность всех казаков-эмигрантов, в том числе за пределами Китая.

Применительно к Шанхаю, здесь до 1922 г. казаков было немного, но с падением Владивостока, с прибытием флотилии адмирала Старка в Шанхай, и особенно Дальневосточной казачьей группы генераллейтенанта Ф.Л. Глебова, общее количество казаков эмигрантов сильно увеличилось и в 1925 г. здесь был создан Казачий союз. Кроме того, в рассматриваемый период, особенно в 1930-е гг. прибывали казаки из Маньчжурии, ставшей своего рода проходным пунктом русской эмиграции в другие регионы. После окончания Второй мировой войны здесь была развернута массовая кампания «за возвращение на родину» в СССР, параллельно Шанхай русские покидали с помощью международных беженских организаций. Переломным для шанхайского центра русской эмиграции оказался 1949 г., когда коммунисты одержали победу в гражданской войне в Китае и тем самым сдвинули еще многочисленных остающихся россиян в новые центры расселения.

«У истоков объединения казаков востока России в Шанхае стоял казак Семиреченского войска, присяжный поверенный И.Н. Шендриков и полковник Сибирского войска А.Г. Грызов. К делу были подключены: генерал-лейтенант М.И. Афанасьев (донец), генерал-майор Иркутского казачьего войска П.П. Оглоблин, генерал-майор Оренбургского казачьего войска В.А. Бородин, статский советник Забайкальского казачьего войска Г.Я. Селиванов, полковник Сибирского казачьего войска А.В. Катанаев есаул Амурского казачьего войска В.В. Сараев... Казаки сплотились в одну семью, вырвались из нищеты, образовав 10 станиц (Амурская, Уссурийская, Забайкальская, Иркутская, Енисейская, Сибирская, Семиреченская, Уральская, Кубанская и Донская). Всего в союз вошло около 700 человек» [3].

Представителями казачьей эмиграции в этом регионе Китая велась достаточно активная культурная жизнь, которая, с одной стороны, была частью культуры всей русской диаспоры, а с другой - выделялась на фоне культурной жизни других групп анклава большей активностью. Последнему, кроме прочего, способствовали: наличие вековой традиционной казачьей культуры, традиционная сплочённость казачества как специфической группы населения, а также наличие мощной войсковой централизации, регулирующей только не военнополитические, но и культурные вопросы жизни казаков.

Перемещённые в достаточно небольшой период времени в иную географическую, государственную, национальную, конфессиональную, языковую и культурную среду, казаки, как и другие российские эмигранты, оказались перед необходимостью социокультурной адаптации. Вписывая себя в исторически сложившиеся новые системные отношения, русские эмигранты в Шанхае, с одной стороны, могли опереться на давно проживающих здесь соотечественников (коммерсантов, сотрудников царского дипломатического корпуса, служащих и др.), хорошо знающих местный язык, нравы и обычаи, а также хорошо знакомых

с системой работы местной администрации. Но с другой стороны – русские в Шанхае не могли особо рассчитывать на помощь местной администрации и местного коренного населения (как-то было в некоторых странах Европы) в силу их недоверчивого и часто агрессивного отношения. Поэтому переселенцам приходилось рассчитывать только на себя и на своих собратьев, то есть на внутренний ресурс эмигрантской общины. А это, в свою очередь, в значительной мере повышало роль таких объединяющих факторов как язык и культура. Если на родине язык воспринимался как средство общения, то в новых исторических условиях как неотъемлемая часть самоидентификации и сплочения группы как стратегии выживания. Любое проявление национальной культуры оценивалось уже не как обыденное явление быта, а как ценность, определяющая твою принадлежность к нации и находящаяся под угрозой исчезновения. Поэтому, наряду с «распылением» и забыванием культурных ценностей в сложный период одними представителями эмиграции, другими - параллельно велась активная работа по собиранию, изучению, публикации и развитию явлений культуры, принесённых с собой с Родины.

Поэтому, вторым по важности вопросом (после решения задач социальноэкономического плана: пропитание, жильё, работа), который стремились решить казаки в эмиграции, было обустройство духовной жизни. А так как основу духовной жизни казаков составляло Русское Православие, то необходимой задачей была организация отправления православного культа. С одной стороны, возведение культовых сооружений в столь сложное время можно смело назвать духовным подвигом народа, а с другой, и это факт, организация православных приходов была настоятельной потребностью для русского эмигрантского населения. Храм играл объединяющую, консолидирующую роль, что сказывалось на всех сферах жизни, а кроме того, не секрет, что потребность в религии значительно возрастает в критические моменты истории обществ и их групп. Храм выполнял умиротворяющую функцию в жизни сообщества людей, оказавшихся в экстремальной ситуации. Поэтому русские эмигранты стремились быстрее обзавестись молельным домом, часовней или церковью.

Надо сказать, что при всех тяготах существования, казаки были в более выгодном положении при организации приходов. Благодаря консолидации и целенаправленному использованию войсковой и союзной казны, они могли аккумулировать достаточно большие (для тех непростых услосуммы денег на общественнополезные нужды (какими были постройка храмов и содержание священства). Поэтому достаточно большая часть православных храмов, построенных на территории проживания эмигрантского населения, была создана и содержалась казаками. Общее количество небольших «казачьих» или домовых церквей доходило до десятка. При этом их прихожанами часто были не только казаки, но и представители других групп эмиграции, особенно в районах со «смешанным» населением. В 1932-м году ген.лейт. Глебовым была подана мысль о сооружении на Французской Концессии капитального храма-пямятника Императору Николаю II. Ему удалось организовать группу в 100 прихожан, которые взяли на себя обязанность выплачивать ежемесячно, в продолжение года, на дело постройки храма по 10 долларов. Он повел пропаганду святого дела не только среди русских, но и среди иностранцев. Перед закладкой капитального храма-памятника на этом участке была сооружена временная маленькая церковь, в которой и совершались службы до окончания постройки храма. Храм был построен, работал, закрывался в сложные периоды китайской истории, но службы в нем были все-таки возобновлены с 2010 г.

Источников священства для организованных домовых и построенных храмов было два. Их могла поставить Пекинская духовная миссия Русской Православной церкви либо это были священники, эмигрировавшие вместе с другими слоями российского общества. Ввиду исторических условий вторых было гораздо больше, но распределялись они не равномерно. Председателями приходских советов чаще всего были состоятельные и уважаемые люди, что могло служить не только духовной, но и

хозяйственной консолидации прихода, призрения нуждающихся.

Одной из важнейших проблем культурного строительства казаков в Шанхае стала организация образования подрастающего поколения. В решении этой проблемы большую роль играла казачья администрация. Казачьим союзом открывались школы и курсы. Самым массовым образовательным учреждением была начальная школа для детей. Характерно, что при этом учебном заведении функционировал родительский комитет, председателем которого был выборный представитель от казаков. Последнее говорит о включённости родителей в образовательный процесс, что, кроме прочего, было продиктовано сложностями в организации учебных заведений.

Российское казачество в эмиграции стремилось сохранить такие казачьи традиции, как военно-техническое обучение, физическая подготовка молодежи, чествование заслуженных казаков — георгиевских кавалеров и т. п., то есть все то, что называется военно-патриотическим воспитанием. Характерно в этом отношении постановление правления Казачьего союза в Шанхае от 9 июня 1929 года: «Обратить серьезное внимание на подрастающих казачат и принять все возможные меры к воспитанию их в духе славных прошлых традиций; с этой целью организовать специальный спортивный отдел:

- а) обучение верховой езде и элементарному правилу вольтижировки;
- б) обучение стрельбе, хотя бы из духовых ружей, если не удастся получить разрешение на покупку малокалиберных огнестрельных;
- в) обучение владению пикой и шашкой;
- г) гимнастические упражнения и военные игры;
- д) по мере подготовки организовать состязания с выдачей призов победителям и их родителям» [7].

Одной из важнейших сторон культурной жизни казачьей эмиграции и средством её влияния на культуру всей русской диаспоры была периодическая печать. Сам факт появления эмигрантских журналистских коллективов, издательских центров и типо-

графий говорит, во-первых, о достижении определённых положительных результатов в экономическом и культурном развитии переселенческого сообщества, а во-вторых, об осознанной необходимости в собственной периодике. И не случайно, ведь именно пресса во многом создаёт и поддерживает единое информационное и интеллектуальное поле, особенно в суровых условиях эмиграции, когда каждое печатное слово на родном языке воспринималось по-особому.

Надо сказать, что организация казачьих изданий сталкивалась с целым рядом как экономических, так и политических трудностей. Поэтому многие издания, которые планировались как периодические, выходили в свет всего один или несколько раз.

В пределах Шанхая регулярно выходил один казачий журнал «Голос казака». В нем размещались статьи, как о событиях местной жизни, так и сведения о мировых событиях и даже материалы беллетристического характера. Также освещались экономические, полемические, хозяйственные, культурные проблемы казачьей эмиграции. Иногда «казачья периодика» реализовывалась в форме вкладных страниц в не казачьих газетах.

Большое распространение в казачьей среде получили «однодневные» газеты, которые выпускались в тех случаях, когда надо было отметить печатным словом или праздник казачьей организации или юбилей войска, Союза. Первой однодневной казачьей газетой, появившейся в Шанхае, была газета Иркутской казачьей станицы «Иркутский казак». Центральной темой однодневных газет было, как правило, празднование дня войска, при этом особое внимание в статьях уделялось его истории и былым заслугам перед отечеством. Нередко именно на страницах этих изданий, наряду с объединительными, звучали реваншистские ноты, что, впрочем, было естественно.

В целом, количество и содержание казачьей периодики и единовременных изданий говорит о достаточно активной политической и культурной жизни казаков на территории Китая. Наряду со статьями по хозяйственно-экономическим проблемам и коммерческой рекламой, в определённой мере характеризующих экономическую

жизнь эмиграции, в газетах и журналах размещались статьи по истории казачества, предпринимался анализ недавних событий Мировой войны, революции, Гражданской войны, исхода и расселения на новых территориях, а позднее и проблемы Второй Мировой войны. Достаточно активно обсуждались вопросы политического бытия и будущего, как казачества, так и эмиграции в целом. Краеугольным камнем статей нередко был вопрос о месте казачества в бывшей и будущей России и то, как следует относиться к Советской, но все-таки России. Нередко поднимались вопросы о возможностях возвращения в Россию. Кроме того, определённое место в казачьих изданиях занимали вопросы культуры и образования. То есть казачьи издания, с одной стороны, отражали характер развития жизни казачьей эмиграции (и выражали характер саморефлексии казачества на чужбине), с другой стороны, направляли и усиливали это развитие, во многом помогая консолидации и развитию всей русской диаспоры Китая. Этим же целям служила и радиостанция, которая вела передачи на русском языке.

Очень важной стороной культурной жизни казачьей (как и всей русской) эмиграции была литературная и издательская деятельность. Несмотря на сложности «беженского» положения, бывшие подданные Российской Империи, в том числе и казаки, создавали литературные произведения и, более того, умудрялись их публиковать и распространять. Скажем больше, анализ эмигрантской литературы говорит о достаточно активной творческой жизни на чужбине. Эмигранты не только активно писали, но и обсуждали, рецензировали, спорили на страницах своих изданий. Подобную активность во многом можно объяснить яркостью впечатлений от пережитого. Являясь современниками великих перемен, пострадав от них и продолжая быть их заложниками, российские эмигранты часто были не в силах сдерживать подобную психоэмоциональную нагрузку и выплёскивали пережитое на бумагу. А так как читающая масса пережила то же самое, что и авторы, эта литература принималась и понималась.

Впечатляет жанровое многообразие произведений казачьих авторов: стихи, поэмы, повести, рассказы, мемуары, романы, новеллы, пьесы и др. Прежде всего, казаков-эмигрантов занимали сюжеты пережитых событий, современного состояния вещей, перспектив развития и, что особенно важно для нас, - своего места во всех этих процессах. По большому счёту большую часть эмигрантской (в том числе казачьей) литературы можно назвать проявлением саморефлексии людей, волею судьбы и истории оторванных от Родины и заброшенных в инокультурную среду. Здесь и воспоминания повседневной (бытовой) истории дореволюционной России и Сибири, и яркие описания смутных дней революции и Гражданской войны, как в книгах. Здесь же переживания о судьбах оставленной Родины и отражение жизни российских людей на новом месте как в творчестве и др. Особый интерес представляют произведения последней группы авторов, ибо именно в них нашло своё яркое отражение самовосприятие эмигранта на чужбине, восприятие принимающего общества, русской диаспоры и места казачества в ней. В целом, эти авторы достаточно высоко оценивали роль казаков, казачьего духа, казачьего уклада и казачьих организаций в жизни русской обшины Китая.

Неотъемлемым элементом культурной жизни казачества в Китае была организация и проведение Казачьих выставок. Подобные выставки, проводившиеся, в частности, в Шанхае, презентовали разные стороны хозяйственной, военно-политической культурной жизни казачества на новой территории. При этом подобные мероприятия можно скорее расценить как явление внутренней жизни русской диаспоры, играющее роль экономического, политического и культурного сплочения эмигрантов и, в частности, казаков. Выставка как явление культурной жизни играла важную идентификационную и самоидентификационную роль в инонациональной, иноконфессиональной и инокультурной среде. В ходе этого мероприятия издавался «Вестник казачьей выставки», в котором находили отражение современное состояние дел в

эмиграции, проблемы перспектив развития и другие не менее важные вопросы.

Одной из форм культурной жизни казачьего населения Шанхая были разнообразные «кружки» и «эмигрантские дома». Подобные общественно-культурные объединения складывались либо стихийно, либо при участии культурно-активных представителей эмигрантского населения. Количество и разнообразие «кружков», как правило, зависели от плотности и характера эмигрантского населения. Чаще всего они были литературными, музыкальными, военными, детскими, молодёжными. Достаточно активный «Дамский кружок» был в Шанхае. Надо сказать, что «дамские» и «молодёжные» кружки были не самыми распространёнными в среде казачества, ибо взрослое мужское население, как правило, принимало участие в военно-политических казачьих объединениях, а не в кружках. И, тем не менее, кружки играли достаточно большую роль, особенно в вопросе вовлечения казачьей молодёжи в активную политическую жизнь.

Мировую известность казакамэмигрантам принесла деятельность созданных в эмиграции музыкальных хоров. Это помогло сохранить и развить традиции музыкального и хорового искусства казачества, а также неплохо зарабатывать, что было весьма насущным в эмигрантских условиях. Конечно, до всемирной славы «Донского имени ат. М. Платова казачьего хора» или «Донского казачьего хора» С.А. Жарова, созданных в западной части эмиграции, шанхайским казакам было трудно дотянуться, но, тем не менее, свои казачьи музыкальные коллективы были и в восточной ветви эмиграции.

Огромное впечатление на всю русскую эмиграцию и на иностранцев в Шанхае произвел, например, казачий бал 31 мая 1929 года, устроенный Казачьим союзом в отеле «Мажестик». Местная русская пресса об этом бале и выступлении казачьего хора писала: «Казачьи песни в третьем отделении, исполненные хором в 70 человек под управлением Ф.Я. Астраханского и Агафонова, вызвали шумные аплодисменты. Из всех песен самое большое впечатление произвели: «Ермак», «За Уралом за рекой»,

и плясовая песня «В огороде». Весь хор в форме производил внушительное впечатление. Чувствовалась в песнях безудержная мощь и сила. Такого казачьего хора Шанхай еще не слышал. В финальных казачьих песнях и танцах выступали г-жа Г. Занд, Шура Степанова, В. Воробьева и г. Карганов» [7, с. 117].

Можно сделать вывод, что культура играла объединяющую роль и, как следствие, - помогала выжить представителям эмиграции. Однако нельзя забывать и того, что состав эмиграции был неоднороден, неоднородна была и культура (в основе своей русская), разным было и отношение к ней. С большой долей условности культуру русской эмиграции можно разделить на общественную и бытовую. В сохранении и развитии первой большую роль играла интеллигенция (в том числе казачья), в сохранении второй - казачество и крестьянство. Наиболее устойчивыми в плане сохранения народной культуры оказались такие группы как крестьяне и казаки. Прежде всего, это объясняется традиционностью мировоззрения, связанного с хозяйством и укладом жизни. В то же время казаки были традиционно более организованы, чем крестьяне, и в силу своего уклада жизни больше, нежели крестьяне, ориентированы на культуру общественную. То есть, казаки в эмиграции как продолжали сохранять свою традиционную бытовую культуру, так и развивали культуру общественную (в отличие от крестьянства, ориентированного на сохранение и развитие, прежде всего, традиционной бытовой культуры, и в отличие от интеллигенции, ориентированной на развитие культуры общественной). Кроме того, благодаря казачьей войсковой и общественной организации им было проще строить церкви, организовывать школы, издавать периодику и т. д. Таким образом, казачество, благодаря своей консолидированности и культурным традициям, во многом было мобилизующим фактором в культурном строительстве русской эмиграции и выступало силой, сохраняющей и развивающей как народно-бытовую, так и общественную культуру русского зарубежья.

Поэтому заметное место в культурной жизни русской диаспоры казаки заняли не

случайно. Во многом этому способствовали: наличие сильной традиционной народной культуры, заинтересованность в светской общественной культуре образованных представителей казачества, а также традиции войскового и станичного регулирования культурной жизни.

Несомненно, что изучение дальневосточной казачьей эмиграции на территории Китая позволит полнее и глубже исследовать историю всей русской диаспоры страны в указанный период, понять характер процессов, происходивших в этом русскоязычном анклаве. Полную и целостную историю российской эмиграции невозможно исследовать, не изучая историю отдельных слоев и групп этой эмиграции со свойственными им мировоззрением, традициями, сложившимся укладом жизни. К такой особой группе принадлежит и казачья эмиграция.

Статья поступила 15.01.2016 г.

Библиографический список

- 1. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 5963 «Казачий Союз в Шанхае, 53 ед. х., 1925–1931 гг.»
- 2. Мухачев Ю.В. Российская эмиграция: численность, расселение // Русское зарубежье: история и современность: Сб. ст. / РАН. ИНИОН. Центр комплексных исслед. рос. эмиграции. М., 2013.
- 3. Новиков А.С. Иркутские казаки в Шанхае // Белая гвардия. № 8; Казачество России в Белом движении. М., Посев, 2005. С. 278–279.

- 4. Ратушняк О.В. Казачество в эмиграции (1920–1945 гг.). Краснодар, 2013. 245 с.
- 5. Худобородов А.Л. Вдали от родины: российские казаки в эмиграции. Челябинск, 1996. 112 с.
- 6. Худобородов А.Л. Российское казачество в эмиграции 1920–1945 гг.: Социальные, военно-политические и культурные проблемы: дис... д-ра ист. наук. М., 1997. 433 с.
- 7. Чапыгин И.В. Казачья эмиграция в Китае: монография. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2014.

References

- 1. Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii (GARF) [State Archive of Russian Federation]. F. 5963 "Kazachii Soyuz v Shankhae, 53 ed. kh., 1925–1931 gg."
- 2. Mukhachev Yu.V. Rossiiskaya emigratsiya: chislennost', rasselenie [Russian emigration: quantity, dispersion], *Russkoe zarubezh'e: istoriya i sovremennost'*: Sb. st. RAN. INION. Tsentr kompleksnykh issled. ros. Emigratsii, Moscow, 2013.
- 3. Novikov A.S. Irkutskie kazaki v Shankhae [Irkutsk Cossacks in Shankhai], *Belaya gvardiya*, No. 8; Kazachestvo Rossii v Belom dvizhenii, Moscow, Posev, 2005, pp. 278–279.

- 4. Ratushnyak O.V. Kazachestvo v emigratsii (1920–1945 gg.) [Cossacks in emigration (1920–1945)], Krasnodar, 2013, 245 p.
- 5. Khudoborodov A.L. *Vdali ot rodiny: rossiiskoe kazachestvo v emigratsii* [Far from Homeland: Russian Cossacks in emigration], Chelyabinsk, 1996, 112 p.
- 6. Khudoborodov A.L. Rossiiskoe kazachestvo v emigratsii 1920–1945 gg.: Sotsial'nye, voenno-politicheskie i kul'turnye problem [Russian Cossacks in emigration, 1920–1945]: Doctor's thesis, Moscow, 1997, 433 p.
- 7. Chapygin I.V. *Kazach'ya emigratsiya v Kitae* [Cossack emigration in China]. Irkutsk: Izd-vo IGU, 2014, 171 p.

Сведения об авторе

Чапыгин Игорь Викторович, кандидат исторических наук, доцент кафедры мировой истории и международных отношений Иркутского государственного университета, 664003, Россия, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1, e-mail: IGOR VCH@mail.ru

Chapygin Igor' Victorovich, PhD, associate-professor of the Department of Current Russian History, Irkutsk State University, 1 K. Marx St., Irkutsk, 664003, Russia, e-mail: IGOR_VCH@mail.ru

Уважаемые коллеги!

Мы приглашаем Вас к участию в нашем журнале в качестве авторов, рекламодателей и читателей и сообщаем требования к статьям, принимаемым к публикации

I. Статья представляется в электронном и в распечатанном виде. Рекомендуемый объем статьи – 20000—40000 знаков, включая пробелы.

К статье прилагаются:

- 1. Экспертное заключение.
- 2. Название рубрики, в которой должна быть размещена Ваша статья; УДК; название статьи; реферат (аннотация), количество знаков в реферате не менее 500; ключевые слова (4–5); сведения об авторах: фамилия, имя, отчество (полностью); ученая степень; звание и должность; название учреждения, его адрес; контактный телефон и e-mail (вся информация предоставляется одним файлом).
- 3. Статья должна иметь личную подпись автора или авторов.
- II. Текст статьи, сведения об авторах, реферат, ключевые слова, адрес учреждения, контактный телефон и E-mail должны быть также представлены в электронном варианте в виде файла с расширением *.DOC документа, построенного средствами Microsoft Word 97 или последующих версий, и распечаткой на стандартных листах формата A4.

При наборе статьи в Microsoft Word рекомендуются следующие установки:

- 1) параметры страницы и абзаца: отступы сверху и снизу -2 см; слева и справа -2 см; табуляция -2 см; ориентация книжная;
- 2) шрифт Times New Roman, размер 14, межстрочный интервал одинарный, перенос слов автоматический;
- 3) при вставке формул использовать Microsoft Equation 3 при установках: элементы формулы выполняются курсивом; для греческих букв и символов назначать шрифт Symbol, для остальных элементов Times New Roman. Размер символов: обычный 12 пт, крупный индекс 7 пт, мелкий индекс 5 пт, крупный символ 18 пт, мелкий символ 12 пт. Все экспликации элементов формул необходимо также выполнять в виде формул;
- 4) рисунки представляются в электронном варианте в виде отдельных файлов с названиями p1, p2 и т. д. и должны иметь разрешение не менее 300 dpi, B&W для черно-белых иллюстраций, Grayscale для полутонов, с расширением *.BMP, *.TIFF, *.JPG и распечаткой на стандартных листах формата А4. Схемы, графики выполняются во встроенной программе MS Word или в MS Exsel, с приложением файлов (представляемые иллюстрации должны быть четкими и ясными);
- 5) библиографические ссылки должны быть оформлены в соответствии с ГОСТ Р7.05 2008.

Редакция оставляет за собой право отклонять статьи, не отвечающие указанным требованиям. По вопросам публикации статей обращаться: 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83, Иркутский национальный исследовательский технический университет, кафедра истории и философии, К-211. Главный редактор журнала – Павел Александрович Новиков

Тел.: +7(3952)405186, e-mail: ildt@yandex.ru

ИЗВЕСТИЯ ЛАБОРАТОРИИ ДРЕВНИХ ТЕХНОЛОГИЙ

Научный журнал

№ 1 (18) 2016

Редактор Н.Е. Мелихова Ответственный за выпуск О.Н. Валериус Перевод на английский язык А.В. Тетенькина Верстка О.Н. Валериус

Выход в свет 06.04.16. Формат 60 x 90 / 8. Бумага офсетная. Печать цифровая. Усл. печ. л. 17,5. Тираж 500 экз. Заказ 249. Поз. плана 6н.

Отпечатано в типографии Издательства ФГБОУ ВО «Иркутский национальный исследовательский технический университет» 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83